

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО

И

ТОРГОВЛЯ

СЪ СЕРЬЕЗНОЙ И КАРРИКАТУРНОЙ СТОРОНЫ.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАЮЩІЙСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

РУССКАГО КУПЦА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Кабы каждый-то изъ насъ
жилъ, какъ дѣдушка Андрей,
дѣло было бѣ поспорѣй....
ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХЪ.

ЦѢНА СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. П. ШЕСТОВА,
1 Р. 25 КОП. СЕР.

МОСКВА.

Въ тип. Лазар. института восточ. языковъ (А. Мамонтовъ). Армянскій переулочъ № 14.

1866.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА:

Отдѣлъ первый.

- 1) А. П. Шестовъ Моск. городской голова. Біографическій очеркъ съ портретомъ.
- 2) Иванъ Ивановичъ Борисовъ, именитый Калужскій гражданинъ.
- 3) Антипъ Петровичъ Кокушкинъ, С.-Петербургскій городской голова.
- 4) Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ, извѣстный Московскій благотворитель.
- 5) Смѣсь:
  - а) Наше купечество на службѣ.
  - б) Процедура объявленія купеческихъ капиталовъ въ старое и новое время.
  - в) Домъ Московскаго Градскаго Общества (нынѣ Купеческая Управа) съ общественной стороны.

Отдѣлъ второй.

- 1) Комиссіонеръ. Комедія изъ нѣмецко-русскаго купеческаго быта.
- 2) Ямщикъ. Разсказъ Н. А. Чаева.
- 3) Канунъ Рождества въ торговомъ мірѣ Москвы.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

ВВЕДЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

- 1) Торговля и купцы.
- 2) Причины выхода лучшихъ членовъ изъ купеческаго общества.
- 3) Потребности нашего коммерческаго образованія.
- 4) Идея чести въ большинствѣ нашего купеческаго общества.
- 5) Купеческій тактъ.
- 6) Торговля, промышленность и народъ.
- 7) Домъ Московскаго Купеческаго Общества по купеческому отдѣленію до времени его преобразованія въ купеческую управу.

Отдѣлъ второй.

- 1) Юшковская Ратуша.
- 2) Торговый домъ Петра Рогожскаго съ сыновьями.
- 3) Курьезы Нижегородской ярмарки.
- 4) Дружеская бесѣда за чайкомъ съ медкомъ.
- 5) Рядскія шутники.
- 6) Пятіалтынный
- 7) Сказаніе о Плюшковскомъ училищѣ.
- 8) Заключеніе (Письмо изъ Плюшкова).

Цѣна за оба выпуска 2 р. с.

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО

И

ТОРГОВЛЯ

АНДРЕЙ ШЕСТОВЪ
СЪ СЕРЬЕЗНОЙ И КАРРИКАТУРНОЙ СТОРОНЫ.

ПРЕСЛОВЕТНЫЙ
СБОРНИКЪ, СЪВЕРШЕННЫЙ

ИЗДАЮЩІЙСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ОЧЕРКЪ

РУССКАГО КУПЦА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

2.

Кабы каждый-то изъ насъ
жилъ, какъ дѣлушка Андрей,
дѣло было бѣ поспорѣй....
ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХЪ.

ЦѢНА СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. П. ШЕСТОВА,
1 Р. 25 КОП. СЕР.

МОСКВА.

Въ тип. Лазар. института восточ. языковъ (А. Мамонтовъ), Армянскій переулокъ № 14.

1866.

НАШЕ КАЧЕСТВО

И

ТОРГОВАЯ

СЪ СЕРЬЕЗНОЙ И КАРЬКАТНОЙ СТОРОНЫ.

Дозволено цензурой, Февраля 1 дня 1866 года.

ИЗДАЮЩИЙСЯ ПОДЪ РЕДАКЦИЮ

РАССКАЗЪ КНИЖА.

ВЫПУСКЪ 2-й

Изданъ въ Москвѣ въ 1866 году.
Въ продажѣ у В. А. Шестакова.
Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ.

Цена съ переплетомъ 1 р. 25 коп.

1 р. 25 коп. безъ переплета.

МОСКВА.

Въ тип. Шестакова. Въ продажѣ у В. А. Шестакова. Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ.

1866.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ

ШЕСТОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

АНДРІЙ ПЕТРОВИЧ

ШЕСТИЙ

ПОЛКОВНИКЪ

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ШЕСТОВЪ.

«Молвишь въ добрый часъ, кабы каждый-то изъ насъ жилъ, какъ дѣдушка Андрей, было бы дѣло поспорѣй. Вѣдь наша матушка все бѣднѣла, да блѣднѣла, все хромала, да головушкой хворала, пришла къ ней правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенья въ Кадашахъ и стала матушка въ барышахъ: перестала матушка хромать, перестала матушка и хворать. Други! вотъ почетъ такъ почетъ, не денежкамъ въ зачетъ!»

«Турусы на колесахъ.»

Не къ одному жизнеописанію, болѣе или менѣе выдвинувшихся лицъ изъ купечества, не приступали мы съ такимъ удовольствіемъ, какъ къ біографическому очерку А. П. Шестова, но, къ крайнему нашему сожалѣнію, на этотъ разъ, можемъ представить только этотъ біографическій очеркъ, а не полную его біографію, какъ было надѣялись (*).

Равнодушіе къ подобнымъ личностямъ нашего общества — чудовищное: никто ничего не помнитъ, никто ничего не знаетъ о запискахъ его, о которыхъ ходили слухи, нѣтъ и помину: по словамъ его сына Александра Андреевича все это сгубло въ Москвѣ и даже близкіе къ нему люди не мог-

(*) Во всякомъ случаѣ мы еще не теряемъ надежды, хотя со временемъ, въ нашемъ «Сборникѣ» представить эту біографію и обращаемся ко всѣмъ, знавшимъ и помнящимъ Андрея Петровича, почтить его память доставленіемъ намъ свѣдѣній или опубликованіемъ ихъ о его жизни и характерѣ, а также преданія, повѣрья и матеріалы о его дѣятельности. По моему мнѣнію, обществу не такъ нужна его личная и семейная жизнь, какъ его служебная дѣятельность: общество наше вступило только въ первую пору своей самодѣятельности, оно еще едва, едва передвигаетъ ноги по новой дорогѣ и поэтому-то свѣтлые примѣры старой жизни для него необходимы. Всякому извѣстно, какъ мы богаты этими примѣрами, а потому неужели, въ самомъ дѣлѣ; не соберемъ и тѣхъ крохъ, которыя фактически принадлежатъ оригинальной исторіи нашего развитія.

ли сообщить намъ, были эти записки или нѣтъ въ большомъ объемѣ и передать хотя отрывки изъ нихъ—вотъ все, что мы можемъ сказать въ свое оправданіе.—Едва, едва успѣли мы собрать и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя и составили нашъ главный матеріалъ для предлагаемаго очерка.

Портретъ довольно наглядно знакомитъ читателя съ лицомъ Андрея Петровича: всякій, внимательно взглянувъ въ черты его, найдетъ въ нихъ яркое выраженіе непреклонно-твердой воли, огневаго, вспыльчиваго характера, сметливаго и глубокаго ума и сознанія собственного достоинства, и все это всесторонне отлившіеся въ форму чисто русской національности....

Одинъ случай, переданный намъ очевидцемъ, даетъ какъ нельзя болѣе понятія о выразительности этого лица и о томъ глубокомъ, на долго остающемся впечатлѣніи, которое оно производило: Андреемъ Петровичемъ, къ его торговому дѣлу, былъ взятъ мальчикъ изъ мѣщанскаго училища, который, между прочимъ, умѣлъ рисовать; лице хозяина, своимъ характернымъ выраженіемъ, постоянно обращало на себя его вниманіе и такъ неотразимо дѣйствовало на него, что въ свободное время онъ набросалъ на память его абрисъ до такой степени сходный, что всѣ прикащики сразу узнали въ немъ своего хозяина. Это лучшее свидѣтельство глубокаго впечатлѣнія, производимаго этимъ лицомъ.

Андрей Петровичъ Шестовъ былъ москвичъ, хотя родился онъ въ 1783-мъ году въ Доровскѣ. Отецъ его былъ извѣстный въ свое время купецъ, торговалъ сначала бакалей, а потомъ гуртомъ чаями и имѣлъ свой вымѣнъ въ Кяхтѣ. Андрей Петровичъ былъ средній въ семьѣ; кромѣ его въ семействѣ, послѣ смерти отца, въ дѣлѣ были еще два брата: Видуль Петровичъ и Петръ Петровичъ, и ихъ общее дѣло (въ общемъ капиталѣ) шло подъ фирмою. «В. А. и П. Шестовы» и существовало еще до 1812 года (*).

Съ самаго начала дѣла и до конца его Андрей Петро-

(*) Кромѣ чайнаго дѣла фирма имѣла въ Петербургѣ сахарный заводъ, закрытый въ 1835 году.

вичъ былъ главнымъ двигателемъ и распорядителемъ, и оно, видимо, начало расплываться, когда, отдавшись общественной службѣ, онъ не могъ уже удѣлять дѣлу прежняго времени и своею дѣятельностію, прямизною и личною истинно-гражданскою храбростію нажилъ себѣ кучу враговъ. Упадокъ дѣла Шестовыхъ тѣсно связалъ съ служебною дѣятельностію Андрея Петровича. Этого никакъ не должно бы забыть Московское Городское общество.

Братья жили врозь: Андрей Петровичъ съ давняго времени поселился за Москвой рѣкой у Николы въ Толмачахъ, въ собственномъ родительскомъ домѣ, который принадлежитъ теперь Сергѣю Михайловичу Третьякову; лѣтомъ постоянно жила въ Сокольникахъ, на своей дачѣ, принадлежащей теперь г-ну Рудакову.

Образъ жизни Шестова вполне согласовался съ его характеромъ: строгость, дѣятельность и непрерывный трудъ были постоянными его спутниками. Въ характерѣ Андрея Петровича полно и всесторонне сказался русскій человѣкъ и семьянинъ; въ крутости и строгости къ дѣтямъ, онъ былъ даже не лишенъ недостатковъ подобныхъ характеровъ, хотя ничѣмъ не былъ похожъ на самодуровъ Островскаго: раздражительность его была чаще всего наносная и, кромѣ того, выходила изъ страстности его природы, а не изъ самодурства, что, при желаніи отыскать темныя пятна на свѣтомъ фонѣ, ставится ему въ большую вину; раздражительность, главнымъ образомъ, возбуждалась его столкновениемъ съ неправдою современныхъ ему властей коснѣніемъ и равнодушіемъ общества. Но эти вспышки огневаго характера, этотъ внутренній пожаръ, который въ своемъ развитіи захватывалъ иногда даже и невинныхъ, погасалъ и успокаивался скорѣе всего подъ вліяніемъ его жены, одного изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ типовъ русскихъ женщинъ, которыя, смотря, на все просто и дѣлая все безыскусственно, тихо и мирно, производятъ нерѣдко чудеса своимъ неотразимымъ вліяніемъ, и заслуги которыхъ, въ русской жизни, еще далеко не вполне оцѣнены и исследованы. — Жена Андрея Петровича, съ которою, съ одной, онъ прожилъ цѣлую жизнь, была родомъ изъ семьи Корнауховыхъ и имѣла на него

большое вліяніе: прежде всего онъ любилъ ее, потомъ уважалъ и потому слушался, даже и тогда, когда уже никто не могъ имѣть на него вліянія. Она нерѣдко являлась миротворицей въ его семейныхъ ссорахъ, она одна могла удержать его иногда слишкомъ смѣлые, слишкомъ страстные порывы противъ неправаго дѣла — она любила его, берегла, и вообще смягчала характеръ его дѣятельности, въ которой онъ положительно не жалѣлъ себя. Трудно судить, чѣмъ бы кончилъ Шестовъ безъ этого умиротворяющаго вліянія.

Такъ нерѣдко, вглядываясь въ нашу сѣренькую жизнь, видя не хитрыя купеческія пары и характерныя типы нашихъ безхитростныхъ купчихъ, мы чаще всего обходимъ ихъ безъ всякаго вниманія, нерѣдко подсмѣиваемся надъ этимъ дѣйствительно оригинально сложившимся типомъ и рѣдко подмѣчаемъ то, съ виду маловажное, вліяніе этихъ *отсталыхъ* женщинъ въ ихъ семействахъ, въ торговомъ дѣлѣ, иногда даже въ общественныхъ дѣлахъ. Жена у купца по понятію большинства — раба, но это далеко не безошибочное понятіе, это больно *сплошъ* и, въ отдѣльномъ почти уже готовомъ очеркѣ, «купчиха» мы стараемся доказать противное... Вообще намъ не мѣшаетъ почаще обращаться къ нашимъ дѣдушкамъ и бабушкамъ: въ ихъ старой жизни найдется не малое, что можетъ благотворно повліять на наше совершенно законное желаніе, стряхнуть съ себя нестройность и тяготу уродливо сложившейся русской жизни, которое, впрочемъ, не обязываетъ похерить все старое, какъ никуда не годное.

Въ образѣ жизни Андрей Петровичъ держался разъ навсегда установившагося порядка: каждый день постоянно бывалъ онъ у ранней обѣдни, потомъ, приходя домой, выпивалъ, также постоянно, три стакана чая и сейчасъ же, не медля ни минуты, уходилъ въ кабинетъ для занятій; постоянство и какая-то порывчатость и неугомонность, въ то время, когда приближался часъ обыкновенныхъ занятій, замѣчались въ немъ особенно часто, когда онъ служилъ городскимъ головою: своими служебными занятіями онъ, какъ замѣтно и какъ намъ передавали, занимался охотнѣе даже чѣмъ сво-

имъ собственнымъ дѣломъ... Цѣлый день его былъ посвященъ дѣлу: отъ одного распоряженія онъ переходилъ къ другому; кончивши расчетъ по привозу или отправкѣ, куплѣ или продажѣ чая, онъ брался за экономическую часть городского хозяйства — толковалъ съ подрядчиками, поставщиками разныхъ матеріаловъ, выслушивалъ жалобы, споры, разбиралъ ссоры мѣщанъ и ремесленниковъ, толпами осаждавшихъ его домъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, какъ извѣстно, отстоялъ первыхъ отъ полицейской опеки и завоевалъ себѣ право ихъ судьи и рѣшителя... Надо при этомъ замѣтить, что у него не было никакихъ помощниковъ: по примѣру большинства нашихъ городскихъ головъ, онъ не имѣлъ ни секретаря, ни адвокатовъ; во всемъ онъ дѣйствовалъ своимъ соображеніемъ, при затрудненіяхъ самъ справлялся съ законами, принаравливался къ нимъ такъ или иначе, и на все, или по крайней мѣрѣ на большую часть рѣшеній, клалъ печать или оттѣнокъ своего характера, потому-то почти каждое или, по крайней мѣрѣ, большая часть его рѣшеній, носятъ на себѣ самобытность его, Шестовскаго характера. Чиновники бывали у него только по необходимости, когда при разборѣ разныхъ случаевъ и споровъ въ мѣщанскомъ обществѣ, онъ разсматривалъ дѣло на дому и желалъ придать ему формальное значеніе.

Ни обѣдовъ, ни пиршествъ, ни баловъ, ни кормленья и закармливанія властей, ничего говорящаго или удовлетворяющаго пустому чванству и самолюбію не любилъ Андрей Петровичъ, и во все время его службы у него былъ только одинъ большой, званый обѣдъ, въ честь рожденія покойнаго наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, на которомъ у строгаго Городскаго Головы обѣдали всѣ чины и большая часть знати Москвы.

Мы нарочно сразу набросали нѣсколько чертъ этого самостоятельнаго и твердаго, какъ кремль характера, чтобы нагляднѣе поставить предъ читателя богатство природы А. П. Шестова и, входя въ дальнѣйшій анализъ его характера, ссылаться то на ту, то на другую его черту.

Въ дѣлахъ его, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, все имѣло у него тѣсную связь и вытекало одно изъ другаго: дѣ-

ла Шестовыхъ, по видимому, и при самостоятельной дѣятельности Андрея Петровича, были не въ большомъ капиталѣ, по крайней мѣрѣ, можно безошибочно предположить, что средства были менѣе того размаха дѣла, который далъ ему Андрей Петровичъ; недостатокъ этихъ средствъ пополнялъ онъ своею личностію: въ рукахъ его все кипѣло и кленлось; его отважность доходила до риска и, соединенная съ предусмотрительностію и твердостью въ неудачахъ, дѣлала его вліяніе, предложенія, сдѣлки неотразимыми — ему вѣрили и слово его уважали. Широкій размахъ дѣла и нерасположеніе къ мелочамъ были его прямою потребностію: ему не жилось иначе, но вмѣстѣ съ тѣмъ его не рѣдко рискованныя предпріятія не были средствами удовлетворенія личнаго расположенія къ роскоши, къ открытой жизни, къ излишествамъ, напротивъ, находя удовлетвореніе въ дѣлѣ — въ жизни, какъ мы уже упомянули, онъ былъ нетребователенъ и крайнѣе умѣренъ, даже скупъ. Но между тѣмъ ему пришлось бороться и съ этимъ непріателемъ, расположенія пожить на широкую ногу, которая проглядывала въ одномъ изъ его братьевъ, именно въ Петрѣ Петровичѣ. Домъ этого послѣдняго, находившійся въ родственныхъ связяхъ съ домомъ В. В. Логина, въ свое время извѣстнаго книгопродавца, у котораго собиралась большая часть современнаго ему общества нѣкоторыхъ изъ московскихъ литераторовъ и преимущественно артистовъ, представлялъ одно изъ любопытныхъ явленій, несовсѣмъ нормальныхъ въ то время, которымъ менѣе всего симпатизировалъ Андрей Петровичъ...

Можно безошибочно сказать, что ходъ дѣла Шестовыхъ, его видное въ лучшее время положеніе, прямо и, болѣе всего, обязаны были силѣ характера Андрея Петровича, его уму, оборотливости и тѣмъ тугимъ возжамъ, на которыхъ онъ все держалъ въ рукахъ. Не стало его, и все дѣло пошло въ рознь.

То же самое явленіе мы видимъ и въ его общественной дѣятельности: и въ нее, какъ въ частное дѣло, онъ внесъ присущій ему свѣтъ; съ его выходомъ изъ службы все потемнѣло. Эти рѣзкіе переходы тѣни и свѣта болѣе всего даютъ понятіе о родѣ его общественной дѣятельности. Вез-

дѣ онъ является деспотомъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, сильная его натура, не переносившая зла, рветъ это зло съ корнями и не думаетъ о послѣдствіяхъ въ своемъ самоотверженіи, забываетъ, что онъ безличный, безправный въ то время купецъ и имѣетъ дѣло съ званіемъ и чинами: съ генералами, оберъ-полицеймейстерами, провіантмейстерами, губернаторами и прочими.

До своего выбора въ городскіе головы, какъ общественный дѣятель, онъ былъ членомъ московскаго коммерческаго училища. Время начала этой службы, какъ значится въ документахъ училища, было около 1834 года.

И въ этомъ весьма почетномъ, но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ, какъ слѣдуетъ, не понимаемомъ званіи, въ которое, къ сожалѣнію, большею частію, попадаютъ лѣнивые люди, имѣющіе въ немъ прикрытіе отъ отвѣтственной службы, Андрей Петровичъ прошелъ не безъ слѣда: во-первыхъ во все время службы онъ не пользовался не только расположеніемъ директора училища Т. А. Каменецкаго, но своимъ честнымъ отношеніемъ къ своему призванію нажилъ въ немъ себѣ личнаго врага - прекрасный примѣръ для нашихъ кунцовъ - дѣятелей, которые постоянно стараются, въ какихъ бы то ни было начальникахъ, сыскать себѣ благодѣтелей. — Купецъ Андрей Петровичъ Шестовъ, какъ членъ совѣта, не давалъ воли генералу-директору, забралъ въ свои руки экономическую часть, лично повѣрялъ прихода-расходныя книги и не только занимался ими въ совѣтѣ училища, какъ это многими дѣлается, для виду, мелькомъ, урывками, но нѣсколько разъ бралъ ихъ на домъ и, въ результатъ всего этого, представилъ совѣту необходимость смѣнить бухгалтера, и смѣнилъ его, къ особенному неудовольствію директора училища... Кромѣ того онъ не оставлялъ безъ вниманія и учебную часть и не рѣдко ставилъ на видъ, что нужно купцу и чего нѣтъ въ программѣ училища и что въ ней лишнее, что имѣло смыслъ не только въ его время, но имѣетъ долю его и теперь, при спеціальномъ направленіи образованія... Однимъ словомъ. онъ былъ дѣятельнымъ и *беспокойнымъ* членомъ, но такимъ *беспокойнымъ*, которыхъ давай Господи побольше на мѣсто

спокойныхъ и дремлющихъ. Личныя отношенія его къ Т. А. Каменецкому, какъ къ директору училища, игравшему въ свое время роль не только въ училищѣ, но и въ *большей часті*: *богатаго* купеческаго общества, лучше всего рекомендуетъ его — тутъ, по русской пословицѣ, нашла коса на камень.

Но это была только проба его, какъ общественнаго дѣятеля — ярко и многосторонне онъ выразился въ сложныхъ обязанностяхъ Московскаго городского головы.

Выборъ этотъ относится къ 1843-му году. Нѣкоторые изъ современныхъ ему гласныхъ и до сихъ поръ помнятъ ту нескрываемую имъ радость, ту силу и смиреніе и гордость вмѣстѣ, которая высказалась имъ при полученіи имъ извѣстія о выборѣ его въ это аваніе, когда депутація отъ купечества пріѣхала къ нему съ поздравленіемъ. «Господа, я радъ служить на пользу общую, съ радостными слезами проговорилъ Андрей Петровичъ, въ отвѣтъ на ихъ привѣтствія, если могу быть безъ фальши полезенъ, при помощи Божіей и при вашемъ содѣйствіи, но для этой службы нужны способности, которыхъ въ полной мѣрѣ я не признаю въ себѣ. Вамъ извѣстенъ мой характеръ.... Человѣкъ я простой, не получившій образованія, могу увлекаться, а потому прошу васъ, какъ людей служивыхъ и опытныхъ, не оставить меня своими совѣтами и расположеніемъ!»

Слова эти переданы намъ лицомъ, бывшимъ при этомъ случаѣ и даже жившимъ въ домѣ Шестова... Они были искренны, какъ непритворны были слезы говорившаго, депутація была тронута и въ одно слово просила его *послужить*! Могъ ли отказаться отъ этого избранія Андрей Петровичъ; могъ ли, при всей искренности своего сознанія, при *страхѣ за свой характеръ*, отстранить отъ себя эту чашу, которую онъ выпилъ до дна? Разумѣется не могъ—не могъ, какъ игрокъ отказаться отъ игры, какъ художникъ отъ своего призванія.

И такъ Андрей Петровичъ на службѣ, Андрей Петровичъ городской голова, и вмѣсто одного тщеславія, величанія этимъ званіемъ, какъ почетомъ, вмѣсто обѣда на убой, для подобострастнаго ублаженія властей, онъ облекся въ это

нмя какъ въ трудную и важную, но имѣющую силу и значеніе обязанность. «Что честный народъ повѣсилъ головушку, на правую сторонушку? Иль плохо можется-нездоровится! Взглянько глазикомъ, поздравь съ праздникомъ!» говоритъ современный Шестову балагуръ въ своихъ «Турусахъ на колесахъ», вѣроятно все по поводу этого избранія.

Зналъ ли Андрей Петровичъ съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло, имѣлъ ли онъ понятіе о службѣ, была ли у него такъ называемая, на бюрократическомъ языкѣ, школа? На это прямо можно сказать, что онъ былъ готовъ на общее дѣло; что же касается до школы службы, то въ его прошломъ, кромѣ почетнаго членства въ Коммерческомъ училищѣ, была еще должность гласнаго вмѣстѣ съ городскимъ головой Поповымъ и участіе въ дѣлахъ комисіи для изысканія доходовъ и уменьшенія расходовъ Москвы, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора П. А. Пельсина.

Поповъ служилъ головою съ 1822 по 1826 г. и въ это-то время Андрей Петровичъ былъ гласнымъ. Поповъ оставилъ по себѣ память, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ городскихъ головъ Москвы; Шестовъ, по преданіямъ, былъ къ нему однимъ изъ приближенныхъ, можно утвердительно сказать, что къ этому времени и его участію въ комисіи относится его знакомство съ городскимъ хозяйствомъ Москвы, многіе полагаютъ даже, что не малое изъ сдѣланнаго Поповымъ поситъ на себѣ слѣдъ Шестовскаго характера. Какъ бы то ни было, но это время не прошло и для Шестова, безъ слѣдовъ: въ дѣятельности члена Коммерческаго училища характеръ его направленія уже началъ высказываться опредѣлениѣ, это уже были проблески того, что въ немъ развилось въ званіи, сдѣлавшемъ его извѣстнымъ—въ его сознательномъ и энергическомъ управленіи хозяйствомъ Москвы, не имѣвшемъ ни примѣра, ни послѣдователей.

Его участіе въ дѣлахъ Комитета объ изысканіи средствъ къ уменьшенію расходовъ и увеличенію доходовъ, прошло какъ-то блѣдно, вѣроятно потому, что по русской пословицѣ: одинъ въ полѣ не воинъ, да онъ въ то время не могъ

быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: председательство-
валъ въ этой комиссіи, какъ мы уже сказали, губернаторъ
Небольсинъ. Всѣ эти прежнія занятія были для Андрея Пе-
тровича не болѣе, какъ это говорится, какъ проба пера,
того не рукописнаго памятника, который онъ оставилъ по
себѣ. *«Кабы каждой-то изъ насъ жилъ, какъ дѣдушка Андрей,
«было бѣ дѣло по спорный; а то всякой Пванъ смотритъ толь-
«ко въ свой карманъ»!* тараторять «Турусы на колесахъ»;
«вотъ нешто и нашъ староста стянулъ у батюшки овчинку,
«а у матушки свинку, да и прощай Пвавущка, забубенная
«головушка: махнулъ любезный другъ отъ сѣвера, на югъ!»
Зубоскалить тотъ же балагуръ: онъ, какъ и все остальное,...

Если вспомнимъ, что все это *шалости* того времени, что
все это наша русская, святая правда, то личность и фигура
Андрея Петровича становятся еще рельефнѣе на нашемъ
темномъ фонѣ. *«Андрей Петровичъ — это человекъ, который...*

Обратимся теперь къ самой дѣятельности Шестова—на
его поприщѣ городского головы.

Андрей Петровичъ, при самомъ началѣ иначе понять свои
обязанности, нежели онѣ у насъ вообще понимаются: на-
чалъ онъ службу не роскошнымъ обѣдомъ и полученное
имъ отъ общества званіе считалъ не мѣстомъ, на которомъ
удобно и легко удовлетворять своему тщеславію.

Онъ обратилъ прежде всего вниманіе на Думу и на Домъ
городского общества, какъ на мѣста, прямо ему подвѣдом-
ственные, и не счелъ за лишнее познакомиться чиновниковъ
этихъ мѣстъ съ настоящимъ смысломъ, возложенныхъ на
нихъ обязанностей.

Книги, по которымъ выбирается на службу купеческое
сословіе, онъ повѣрилъ отъ начала до конца, при помощи
надежныхъ людей изъ среды сословныхъ, потому что въ
такомъ щекотливомъ предметѣ, каковы до сихъ поръ наши
общественные выборы, трудно положиться на лицъ служа-
щихъ, особенно при такомъ жалованьи, какое было въ пре-
жнее время, да и при настоящихъ штатахъ старшинъ купе-
ческаго Общества не слѣдъ вѣряться чиновникамъ, пото-
му, что ни говори про сліяніе сословій, а чиновникъ въ от-

ношеніи купечества долго еще, какъ и встарь, останется чиновникомъ....

Московское купеческое и особенно мѣщанское Общество много ему обязаны: главнымъ образомъ усиліями Шестова да еще Валентина Алексѣевича Куманина, оно было поставлено въ нѣкоторое независимое и самостоятельное положеніе, котораго, вполнѣ, оно не достигло еще и до сихъ поръ. Довольно, впрочемъ, уже и того, что при Андреѣ Петровичѣ ни одинъ московскій мѣщанинъ, взятый въ полицію, не могъ быть окончательно обвиненъ или оправданъ безъ приговора общества и его головы. Это былъ геройскій шагъ въ прежнее время.

Не имѣя возможности фактично и шагъ за шагомъ прослѣдить дѣятельность Шестова, какъ городского головы, намъ приходится довольствоваться отрывочнымъ изложеніемъ этой дѣятельности, вносить въ нее преданія и рассказы немногихъ оставшихся современниковъ, допускать даже анекдотическую форму и сразу трогать ее съ разныхъ сторонъ.

Вотъ первая группа этихъ преданій и анекдотовъ.

1) Рассказываютъ, что при постройкѣ храма Христа Спасителя потребовалось до 6,000 пудовъ свинцу. Шестовъ узнаетъ, что свинецъ ставится по гораздо высшей цѣнѣ, противъ продажной. Онъ ѣдетъ въ комитетъ и объясняется: вызываетъ двухъ изъ лучшихъ торговцевъ и спрашиваетъ ихъ при присутствующихъ: *почемъ вы поставите лучший свинецъ?* Они назначаютъ рыночную цѣну несравненно дешевле противъ другихъ.. Со стороны присутствующихъ ставятся въ препятствіе залогъ, тогда одинъ изъ отвѣчавшихъ вынимаетъ ломбардный билетъ, и подрядъ, волею неволею, остается за нимъ по низшей цѣнѣ. Недовольство со стороны присутствовавшихъ.

2) Въ думу поступаетъ требованіе изъ конторы театровъ на отпускъ большей противъ назначенной годовой суммы на постановку новыхъ піесъ *«Театръ дѣло хорошее»!* говоритъ Андрей Петровичъ, «почему не отпустить, если дѣйствительно нужно» и затѣмъ пишетъ отношеніе, что градскій голова проситъ себѣ мѣста въ театрѣ. Ему присылаютъ билетъ въ

кресло. Съ улыбкою, прочитывая отвѣтъ, онъ въ свою очередь отвѣчаетъ, что его не такъ поняли: что ему нужно даровое кресло не въ партерѣ, но что онъ съ удовольствіемъ возьметъ хотя и стулъ, только въ театральной конторѣ.

3) Цѣлою Москвѣ извѣстно дѣло по поставкѣ касокъ для дѣйствующей арміи. А. П. Шестовъ узнаетъ, что большое количество изъ нихъ, вмѣсто кожи, сдѣлано изъ бумаги. Онъ пишетъ объ этомъ къ главнокомандующему и получаетъ отъ него письменное разрѣшеніе «принять»! Въ день сдачи, голова ѣдетъ въ комиссаріатъ, показываетъ разрѣшеніе и принимаетъ: взламываетъ каску за каской и находитъ *бумагу*! Послѣдствія этого дѣла извѣстны.

4) Московская строительная коммиссія была не мало удивлена, когда городской голова потребовалъ себѣ кресло между присутствующими и доказалъ, что оно ему принадлежитъ по праву. А это, между тѣмъ, очень важно, потому что головѣ дается, такимъ образомъ, право и средство быть заступникомъ города, указывать на несообразность построекъ и предотвращать лишніе расходы и разныя неудобства для города и для городскихъ обывателей.

Всмотримся пока хотя въ эти дошедшія до насъ крохи изъ его дѣятельности, въ эти устные преданія, взятые нами изъ разной среды его дѣятельности и подслушанныя въ народной молвѣ.

Ставъ головою города, онъ даетъ значеніе городскому обществу, онъ беретъ его подъ свою защиту и смѣло ведетъ за собою не только прежде, но и послѣ Андрея Петровича, купечество и мѣщанство у насъ не въ лучшемъ еще положеніи, ни на своихъ мѣстахъ: у всѣхъ еще на памяти экзекуція одного мѣщанина одною изъ полицейскихъ властей, прямо изъ личныхъ отношеній. Могъ ли пройти такой фактъ во время Андрея Петровича, могъ ли онъ имѣть мѣсто и значеніе при его справедливомъ требованіи и утвержденіи за нимъ, какъ городскимъ головой, и за обществомъ, какъ за самостоятельной силой, положенія, что ни одинъ Московскій купецъ и мѣщанинъ, взятый въ полицію, не могъ быть окончательно обвиненъ или оправданъ безъ приговора общества и его головы... Возможна ли была при такихъ ус-

ловіяхъ самовольная экзекуція и прошло ли бы оно даромъ при такомъ головѣ, какъ Шестовъ, при которомъ *никто* не могъ лица изъ городского сословія послать даже и въ работный дворъ, безъ его утвержденія....

Андрей Петровичъ особенно сильно ратовалъ противъ современной ему полиціи; его отношенія къ тогдашнему оберъ-полиціймейстеру уже теперь ни для кого не секретъ: современная ему каррикатура довольно ярко очертила тогда эти отношенія и старожилы рассказываютъ, что небольшая картинка, на которой нарисованъ былъ *шестъ*, лежащій среди улицы, и современные Шестову власти, которыя усиливались перепрыгнуть этотъ *шестъ* и всѣ отлетали назадъ, падѣлали много шуму въ то время...

Откуда же бралась сила въ этомъ простомъ, безформенномъ, неофициальномъ человѣкѣ, откуда шла эта отвага? Безъ ошибки можно сказать, что источники ихъ—твердое непоколебимое сознаніе правоты своего дѣла, та прирожденная честность и теплая вѣра — сила, которая лежала въ натурѣ Андрея Петровича и которую онъ ежедневно укрѣплялъ молитвою, впечатлѣніями церкви Божіей. Рѣдкій и тѣмъ болѣе драгоцѣнный типъ подобнаго русскаго человека еще чуждъ нашей литературѣ и, къ сожалѣнію, Островскій въ своемъ созерцаніи міра купеческаго не обратилъ на него своего вниманія, хотя потомъ въ идеализаціи Мишина у него мелькнуло, что-то похожее на подобный характеръ, но все таки далеко не то. *Шестовъ* и подобныя ему личности были у насъ людьми дѣла, въ самихъ себѣ они носили тѣ дорогія свойства, которыя заставляли вокругъ нихъ *«съ духовной жаждой собираться»* и ихъ духовный міръ, укрѣпляемый неугасаемымъ пламенемъ вѣры, изъ котораго они брали, кромѣ смиренія и твердости, именно и производилъ ту отвагу, которой они и до сихъ поръ удивляютъ насъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они были деспотами своихъ убѣжденій, деспотами, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, и потому заставляли умолкать предъ собою противниковъ. Въ дѣлѣ Шестова, въ его поступкахъ сыпались будто искры ничѣмъ неотразимаго огня, искры могучей правды, которыя сжигали всякую неправду; только силой этой безпо-

щадной правды и можно объяснить его удачу въ вышеприведенныхъ случаяхъ.

Пойдемъ дальше.

Для часовыхъ, содержащихъ караулы при разныхъ государственныхъ зданіяхъ, какъ извѣстно, *строятся* (официальное выраженіе) полушубки и теплые коты, которые дѣлаютъ возможными эти часы въ наши зимнія ночи. Дума выдавала на эти издержки деньгами кому слѣдовало, но у этихъ «кому слѣдовало», не дрогнула рука, вмѣсто беззащитнаго солдатскаго тѣла, этими городскими, общественными деньгами нагрѣвать свои карманы: тулупы или не возобновлялись въ положенные сроки, или дѣлались не такъ тепло и прочно, и, по большей части, страдали въ размѣрахъ и длиннотѣ; это не скрылось отъ зоркаго Шестовскаго глаза и онъ самовольно остановилъ «куда слѣдуетъ» выдачу денегъ и приказалъ думѣ донести этимъ мѣстамъ, что тулупы будутъ представляться отъ нее *натурой*....

Крикъ, гвалтъ и недовольство въ непріятельскомъ лагерьѣ, запросы: какъ смѣть дѣйствовать противъ положенія, какъ отмѣнить его самовольно, но дѣдушка Андрей стоялъ на своемъ: объяснить кому слѣдуетъ суть дѣла, вошелъ съ представленіемъ, и положеніе было измѣнено сообразно его желанію и официальная оригинальная фраза «на построеніе полушубковъ» красуется теперь уже въ росписяхъ думы.

При этихъ дѣйствіяхъ, мы должны во имя долга справедливости упомянуть, какъ о самомъ близкомъ начальникѣ и споспѣшествователѣ А. П. Шестова, бывшемъ въ первое его время генералъ-губернаторѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицынѣ. Шестовъ питалъ къ нему искреннюю и непритворную дружбу, былъ у него своимъ человѣкомъ и, во всякое время, безъ доклада входилъ въ его кабинетъ — великая честь и преимущество купцу отъ вельможи. Съ своей стороны и заслуженный воинъ, одинъ изъ почтенныхъ вожатаевъ нашихъ войскъ 1812 года, герой Бородина, потомокъ Гедемина, человѣкъ лично извѣстный государю, кавалеръ многихъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ — однимъ словомъ вельможа, генералъ отъ кавалеріи, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ оказывалъ полное почтеніе купцу Шестову и

съ нескрываемымъ довѣріемъ выслушивалъ его, полныя опыта, рѣчи.

Дмитрій Владиміровичъ принялъ въ свое завѣдываніе еще неоправившуюся послѣ непріятеля, во многихъ частяхъ, еще разоренную Москву. Онъ любилъ наружную обстановку города и въ его время сдѣлано много капитальныхъ построекъ и украшеній, солиднымъ и главнымъ изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, можно считать гранитную набережную Москвы-рѣки; также немаловажны въ отношеніи удовлетворенія необходимыхъ потребностей Москвы—канавы и водопроводы, бассейны и фонтаны Мытищинской воды — все это возникло въ градоправительство Дмитрія Владиміровича, который дѣйствительно любилъ Москву и многое для нее дѣлалъ; но для всего этого нужны были средства, и прямо средства города, которыя состояли въ веденіи городского головы.... Шестовъ былъ не долгое время вмѣстѣ съ Голицынымъ, но все время ихъ служенія они были связаны взаимнымъ уваженіемъ и видимо помогали другъ другу. Главныя дѣйствія къ улучшенію Москвы предприняты были Дмитріемъ Владиміровичемъ въ самомъ началѣ его генераль-губернаторства, это относится къ двадцатымъ годамъ, въ то время, какъ мы видѣли, городскимъ головою былъ Поповъ, при которомъ Шестовъ былъ гласнымъ. Шестовъ, такимъ образомъ, былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ, талантливыхъ и дѣятельныхъ участниковъ Д. В. Голицына въ его преобразованіяхъ Москвы; въ послѣднее, какъ его такъ и свое время, они являются равносильными въ заботахъ о ея хозяйствѣ и Шестовъ, какъ дѣятель чисто практическій, перѣдко сдерживаетъ, иногда слишкомъ игривое, воображеніе вельможи-филантропа. Шестовъ близко зналъ и постоянно помнилъ, что всѣ расходы по городскому хозяйству ложатся, всею своею тягостью, на обывателей и при всемъ нестроѣ хода, въ его время, городского хозяйства онъ велъ дѣла такъ, что налоги на городскихъ обывателей были не увеличены, а уменьшены до $\frac{1}{4}\%$, великій примѣръ для тѣхъ, которые, то и дѣло, собираютъ гласныхъ для обсужденія увеличенія то того, то другаго налога. Голицынъ, какъ генераль-губернаторъ, и Шестовъ, какъ город-

ской голова, были почти одинаковы достойны: безъ всякихъ взаимныхъ обмѣновъ формальностей, безъ *уточенныхъ* обѣдовъ, безъ вынужденныхъ благотвореній, они дружно сходились за *грубымъ* дѣломъ и взаимно уважали другъ друга.

Къ Голицыну Шестовъ былъ крѣпко привязанъ не только какъ къ начальнику, но какъ и къ человѣку, и когда ѣхалъ на его похороны, слеза прошибла эту мощную натуру. «Много потеряли мы въ этомъ человѣкѣ», сказалъ онъ своему семейству, собравшемуся проводить его... Крѣпко любилъ онъ также и уважалъ князя С. М. Голицына, у котораго почти каждую недѣлю обѣдалъ запросто. Послѣ Д. В. Голицына, московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ былъ кн. Щербатовъ.

Голицынъ умеръ въ 1844 году, Шестовъ въ 1847 *).

Отдыхая среди блѣдности, отрицательныхъ достоинствъ и отсутствія почти всякой гражданственности въ современномъ купеческомъ, да и не въ одномъ купеческомъ обществѣ, на энергическомъ и чисторусско-гражданскомъ характерѣ Андрея Петровича Шестова, намъ остается выдвинуть еще другую сторону этого характера: черты его, какъ истиннаго христіанина и вершителя, помимо общественныхъ дѣлъ, дѣлъ семейныхъ, его участіе въ нихъ, какъ судьи, и совѣтника, особенно въ мѣщанскомъ обществѣ, сословіи, какъ извѣстно, довольно грубомъ, угнетенномъ и малоправномъ въ сравненіи съ другими городскими обывателями, преимущественно же Шестовскаго времени... «Рѣдко дѣйствовалъ онъ страхомъ, но являлся иногда грознымъ», говоритъ о немъ историческій документъ его времени — адресъ, поднесенный ему, «благодарнымъ Московскимъ мѣщанскимъ обществомъ» и

---

*) Смерть его замѣчательна по неожиданности: еще въ началѣ Іюня 1847 года оба Шестовы, и мужъ и жена, жили въ прежнемъ ладу, хотя старушка уже прихварывала — 24 Іюня она умираетъ... Андрей Петровичъ, еще бодрый и здравый на видъ, но уже надломленный жизнью, былъ такъ сильно потрясенъ этою вѣчною разлукой, что переживаетъ ее съ небольшимъ мѣсяцъ и 30 Іюля того же 1847 г. въ 10-ть часовъ вечера умираетъ чахоткою, которая давно уже таилась въ груди его и быстро обнаружилась отъ сильнаго удара.

рассказываютъ, что дѣйствительно одно имя Андрея Петровича дѣйствовало магически на неправду: завяжется ли какая семейная распря за имущество; всплыветъ ли наружу какое либо безправное отчужденіе имущества между братьями, между мужемъ и женою; обидятъ ли гдѣ вдову или сиротъ, мѣщанство не шло въ полицію, не искало расправы судомъ: довольно было только имени Андрея Петровича, и, въ крайнемъ случаѣ, его личнаго участія или появленія въ семьѣ, чтобъ вражда затихла и неправда улеглась въ темныя углы, и Андрей Петровичъ нисколько не тяготился этими житейскими дразгами: выслушивалъ передаваемые имъ мѣщанскія немоготы, входилъ подробно въ дѣло и каждый, обращавшійся къ нему за совѣтомъ, уходилъ отъ него ободренный и освѣженный. Это имѣло мѣсто не въ одномъ мѣщанскомъ, но и въ другихъ—ремесленномъ и даже купеческомъ; такимъ образомъ въ Андрей Петровичѣ явилось рѣдкое воплощеніе гражданскаго дѣятеля и человека-христианина. Помѣщаемъ здѣсь адресъ, поднесенный ему Московскимъ мѣщанствомъ; онъ еще рельефнѣе выдвинетъ предъ нами эту личность и будетъ краснорѣчивѣе многихъ достохвальныхъ одъ, которыя, въ свое время, слетались нашимъ вельможамъ ихъ присяжными пѣнтами...

Вотъ онъ: «1845 года Декабря 18 дня, присяжные повѣренные мѣщанскаго общества Столицы Москвы въ полномъ присутствіи своемъ въ домѣ Московскаго Градскаго Общества, проходя въ памяти своей всѣ благодѣянія, оказанныя Обществу господиномъ, Градскимъ Главою, Коммерціи Совѣтникомъ, Почетнымъ Гражданиномъ, временнымъ Московскимъ 1-й гильдіи купцомъ и кавалеромъ Андреемъ Петровичемъ Шестовымъ, въ продолженіи трехлѣтняго многотруднаго и безпримѣрнаго служенія его, признало справедливымъ составить о томъ для увѣковѣченія оказанныхъ мѣщанскому сословію подвиговъ его, въ память грядущему потомству благодарный приговоръ. Излагать всѣ подробности, всѣ дѣйствія и что дѣлалъ Андрей Петровичъ для блага общаго, было бы повторять извѣстное уже всей Столицѣ; а потому минуя благодѣтельные экономическія выгоды, доставленные имъ жителямъ Столицы, Мѣщанское Общество

обращаетъ только вниманіе на дѣянія его, которыя обнаружили въ немъ неподражаемыя доблести гражданина и истиннаго христіанина. Онъ съ перваго дня вступленія въ должность Градскаго Головы началъ употреблять все зависящія отъ него средства не для удовлетворенія мелкаго честолюбія, но на пользу собратій, и въ особенности обратилъ все свое отеческое попеченіе къ многочисленному и стѣсненному въ промыслахъ мѣщанскому сословію. Неоставляя весьма обширныхъ и многотрудныхъ занятій по должности, онъ во всякое время былъ готовъ предупреждать всякія полезныя желанія не только цѣлаго Мѣщанскаго Общества, но и въ частности каждаго лица, къ сему сословию принадлежащаго и, кромѣ предметовъ, служащихъ къ облегченію всего сословія, по конимъ употреблялъ свое хodataйство предъ правительствомъ, онъ всегда съ христіанскимъ участіемъ принималъ все способы къ обезпеченію участи вдовъ и сиротъ и наставленіями религіозной нравственности изгонялъ возникающія въ семействахъ распри и всякаго рода междуусобицыя неудовольствія; увлекаясь мечтою о принесеніи всевозможной пользы всеѣмъ и каждому, ему не легко было привести ее въ исполненіе, потому что цѣли своей онъ долженъ былъ достигать не теоріями, не общими предположеніями, но практическимъ дѣйствіемъ, работою мелкою, собственнымъ примѣромъ, посвятивъ себя исключительно самому тяжкому труду. Каждое дѣло надлежало ему не только начинать, но упорно преслѣдовать и не только приказать что либо сдѣлать, но наблюдать самому. Онъ дѣйствовалъ всегда самостоятельно, вѣрно, съ истиннымъ самоотверженіемъ для блага общаго. Имѣя по званію своему власть начальника ввѣреннаго ему сословія, онъ присоединялъ къ ней особенную обязанность — друга и посредника, и поставилъ за себя голосъ общества безпристрастіемъ между бѣднымъ и богатымъ. Рѣдко дѣйствовалъ онъ страхомъ, но являлся иногда грознымъ, особливо, если должно было истреблять закоренѣлыя причины зла. Дѣйствуя силою нравственнаго вліянія, прекращалъ примиреніемъ дѣла, которыя могли бы быть гибельны и раззорительны тяжущимся, когда одно только посредниче-

ство вразумляло ихъ, что все это происходило отъ недоразумѣнія. — Вотъ почему онъ смѣло противопоставлялъ, для защиты дѣйствій своихъ, самыя простыя средства: невѣжеству—очевидность пользы, неопредѣленнымъ обвиненіямъ—вѣрный успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ, неблагодарности—собственное чувство добра; а поэтому ему легче другаго было достигать своей цѣли, тѣмъ болѣе, что онъ не искалъ ничего: ни чести, ни славы, а дѣйствовалъ на виду и поступалъ прямо».

«Полная довѣренность къ мудрости и благодати Отца Небеснаго, чувство добра въ сердцѣ и отчетъ совѣсти за каждый день, каждый часъ и каждую мысль были, при всякомъ случаѣ, отличительныя черты его. Онъ не имѣлъ враговъ, потому что, боясь Бога, боялся и закона Божія, повелѣвающаго любить враговъ. Все это, взятое въ совокупности, составляло источникъ тѣхъ благъ и того счастья, которыя видимо изливались на мѣщанское сословіе, чему единственнымъ виновникомъ былъ представитель и заступникъ ихъ Андрей Петровичъ Шестовъ. При такомъ положеніи дѣла, можно сказать, небывалаго въ лѣтописяхъ городскихъ обществъ, искренняя благодарность всѣхъ и каждого была бы самою ничтожною данью и даже едва ли у мѣста. Неиритворная благодарность только тогда имѣетъ права свои, когда благодаренія не выходятъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ; но здѣсь не благодарность уже, а въ высшей степени признательность всего общества, можетъ только дать слабое понятіе о тѣхъ отеческихъ попеченіяхъ, которыя оказаны ему Андреемъ Петровичемъ Шестовымъ, наградить за нихъ можетъ одинъ только Вседержитель, а оцѣнить ихъ Помазанникъ Его. Въ этомъ убѣжденіи Московское Мѣщанское Общество, не смѣя ограничиться одною неумѣстною благодарностію своею, единодушно приговорило: все вышесказанное представить въ милостивое благоразсмотрѣніе его превосходительства господина Московскаго гражданскаго губернатора и кавалера Ивана Васильевича Капниста, прося при томъ начальническаго разрѣшенія дому Московскаго Градскаго Общества о столь неиритворныхъ чувствахъ всего Мѣщанскаго Общества къ

благодѣтельному служенію Градскаго Главѣ Андрея Петровича Шестова повсемѣстно публиковать въ вѣдомостяхъ. Копію же съ сего приговора за надлежащимъ подписомъ городского старосты съ помощниками, скрѣпою писмоводителя и приложеніемъ печати Дома Московскаго Градскаго Общества, представить чрезъ уполномоченныхъ отъ Общества господину Андрею Петровичу Шестову, объяснивъ ему, что Московское Мѣщанское Общество, исполняя это, увлекается прямою обязанностію излить предъ нимъ чувство признательности своей, какъ долгомъ священнымъ, необходимымъ и что всеобщее душевное почтеніе къ нему никогда не ослабѣетъ у тѣхъ, которые память о его достохвальномъ и благодѣтельномъ служеніи передадутъ, какъ завѣтъ отдаленному поколѣнію» *).

Эта непритворная, искренняя рѣчь и неподдѣльное чувство цѣлаго слишкомъ тридцатитысячнаго сословія глубоко тронула Шестова,—до послѣднихъ дней своей жизни грамотой этой онъ дорожилъ, болѣе нежели всѣми знаками и отличіями, постоянно, до его послѣдняго вздоха, она висѣла надъ его кроватью, и можетъ быть, въ его предсмертный часъ, краснорѣчиво говорила ему, что чтобы ни говорила наша разнорѣчивая молва, какимъ бы тупымъ и неблагодарнымъ неставляла она наши низшія сословія, но все таки не пропадаетъ у насъ безъ слѣда честный, мозолистый трудъ и не забываются неподдѣльно честные и трудолюбивые люди, что низшій и обездоленный братъ, скорѣе и ближе пойметъ и уразумѣетъ—прямого, съ искрой Божіей человека, и вѣрнѣе оцѣнитъ его.

Много темнаго, потрясающаго слышали мы про послѣднее время Андрея Петровича,—много ужасающаго рассказываютъ про опалу надъ нимъ, но не проверивши этихъ данныхъ, мы не рѣшаемся выставять ихъ, какъ совершившіеся факты и просимъ всѣхъ, кому дорога память этого рѣдкаго

---

*) Кругомъ этой грамоты написано: «Господину Московскому Градскому Главѣ и кавалеру Андрею Петровичу Шестову благодарное Московское Мѣщанское Общество».

и достойнаго челоуѣка, почтить эту память доставленіемъ всего того, что кто слышалъ и знаетъ о немъ *).

Третій выпускъ «Нашею Купечества и Торговли», выходя при новыхъ правахъ нашей печати, можетъ отнестись какъ къ личности Андрея Петровича, такъ и къ обстоятельствамъ его жизни самостоятельности и откровенности, по этому мы и оставляемъ окончаніе біографіи до времени его выхода.

Теперь же, оканчивая этотъ слабый очеркъ, мы можемъ сказать, что частная жизнь и обстоятельства Шестовыхъ сильно потерпѣли отъ служебной дѣятельности Андрея Петровича, что послѣ его смерти дѣла Шестовыхъ сильно разстроились и единственный слѣдъ ихъ въ Москвѣ—полуразрушенный домъ у Даниловскаго монастыря, въ оградѣ котораго и похороненъ Андрей Петровичъ... Но не смотря на эту грустную судьбу, на это роковое наслѣдство, которое оставляютъ послѣ себя всѣ недюжинные русскіе люди, припоминая всѣ еще далеко неизвѣстные намъ факты, какъ-то по неволѣ выговаривается вмѣстѣ съ современнымъ Шестовскимъ балагуромъ, тоже его собратомъ купцомъ «молвить въ добрый часъ, кабы—каждый-то изъ насъ жилъ какъ дѣдушка Андрей—дѣло было-бъ поспорѣй....»

День похоронъ Андрея Петровича, 2-е Августа 1847 года, представлялъ рѣдкое у насъ, чисто народное зрѣлище: гробъ его едва, едва подвигался къ могилѣ и глубокія, широкія волны народа отъ самаго Николы Толмачей до Даниловскаго монастыря, будто сами хотѣли похоронить дорогое ему тѣло и съ сожалѣніемъ отдавали его землѣ; шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, и изъ всѣхъ улицъ и переулковъ нахлынывали новыя волны народа, который послѣднимъ поклономъ кланялся челоуѣку, уснувшему крѣпко, поработавъ ему.

Никакой помпы не представляло это погребеніе: не было ни музыки, ни войскъ... но тѣмъ многорѣчивѣе было

---

*) Статьи, письма и пзустные рассказы могутъ быть переданы въ книжную торговлю А. и Ф. Ушаковыхъ, въ Москвѣ, на Волхонкѣ, въ д. Михалковой, для сообщенія редактору «Нашею купечества и Торговли».

это стеченіе, ни на зрѣлище, не изъ любопытства, а един-
ственно по желанію искренняго и глубокаго чувства благо-
дарности и уваженія.

Предъ нашимъ купеческимъ обществомъ, да если хотите
и не предъ однимъ купеческимъ, слѣдовательно есть при-
мѣры—остается *немногое*—только слѣдовать имъ!

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ИЗЪ РУССКАГО КУПЕЧЕСТВА.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, въ нашемъ сборникѣ, мы намѣрены помѣщать небольшія біографическіе очерки замѣчательныхъ людей изъ русскаго купечества, приглашая сочувствующихъ этой цѣли присылать новыя матеріалы, освѣщающія ту или другую личность, новыя свѣдѣнія о ихъ жизни или исправленіе тѣхъ, которыя помѣщены нами. Представляя теперь, какъ надо думать, далеко неполныя свѣдѣнія, и группируя, въ одно время, нѣсколько личностей разныхъ мѣстъ и разныхъ направленій дѣятельности, въ которой онѣ выказались, мы полагаемъ, что доказываемъ этимъ наглядно, что въ замѣчательныхъ дѣтеляхъ изъ купечества, у насъ не было недостатка, что почти всѣ они, болѣе или менѣе, забыты и мы знаемъ о нихъ весьма не многое. Купецъ по своему положенію является у насъ разностороннимъ дѣтелемъ: кромѣ своего прямаго занятія, ремесла дѣловъ — торговли, онъ соприкасается съ общественною дѣятельностью, какъ фабрикантъ имѣетъ вліяніе на народъ, держитъ не рѣдко подъ своимъ вліяніемъ цѣлый околотокъ, цѣлая населенія, какъ напримѣръ подмосковный фабрикантъ Цуриковъ, и нерѣдко соприкасается съ высшимъ начальствомъ уже какъ чисто общественный дѣтель по службѣ.

Кромѣ того купецъ, ближе нежели кто либо имѣя отношенія съ мало еще правдиво извѣстными намъ отношеніями съ востокомъ и съ разными народцами, посѣщающими прилегающія къ намъ съ востока степи Россіи, пролагаетъ новые пути для сбыта русскихъ произведеній, знакомитъ кочевниковъ съ Россіей и иногда благотворно

дѣйствуетъ на цѣлыя кочевья, какъ на примѣръ Оренбуржецъ Дѣевъ, о которомъ, также какъ и о Цуриковѣ, мы скажемъ все, что знаемъ и соберемъ въ третьемъ выпускѣ. Теперь же, начиная выясненіе русскаго купеческаго общества почти съ начала и обращаясь преимущественно къ купцамъ, какъ общественнымъ дѣятелямъ, представляемъ легкіе очерки; по мѣрѣ же накопленія свѣдѣній о каждомъ изъ нихъ, мы можемъ представить подробныя, полныя біографіи каждаго и осмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ... Можетъ быть въ ихъ прошломъ и въ ихъ дѣятельности, смѣлости и энергіи на пользу общества въ старое и темное время, найдутся новыя силы съ такой же настойчивостью и смѣлостію продолжать начатое дѣло. И такъ....

ПЕРВАЯ ГРУППА.

Иванъ Петровичъ Борисовъ, Антонъ Петровичъ Кокушкинъ, Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ. Все неизвѣстныя имена, не громкія, кромѣ одного имени Крашенинникова, около котораго они и группируются, и всѣ они, не смотря на темноту, свѣтлые, замѣчательные люди. До сихъ поръ мы изучали изъ своего только весьма яркое, останавливались только надъ тѣмъ, что крупно бросалось въ глаза и что не жмурило ихъ отъ лѣни поискать новыхъ чертъ проявленія русскаго характера, подмѣтить слѣды пробивавшейся самостоятельности, не хотѣли, какъ нибудь, хотя изъ мелочей составить понятіе объ идеѣ той гражданственности, которая пробивалась изъ самой почвы, изъ родственнаго, самаго близкаго народу общества—купеческаго. Въ судьбѣ московскаго городского головы Шестова слегка сказалось и направленіе этой гражданственности и характеръ того, откуда брались силы для нее, болѣе нежели въ комъ либо, мы собрали то, что уцѣлѣло отъ его далеко еще неизвѣстной намъ борьбы, намъ къ сожалѣнію пришлось освѣщать его темное время только не многими искрами его огневаго характера, и потому невольно приходится искать слѣдовъ того направленія, о которомъ

еще не забыло наше время, въ другихъ личностяхъ и пояснять его ими и на оборотъ.

Борисовъ и Кокушкинъ являются достойными людьми, на которыхъ стоитъ обратить вниманіе послѣ Шестова: Иванъ Ивановичъ Борисовъ былъ *Калужскій* *имянитый* *гражданинъ* и эта имянитость, полученная имъ отъ гражданъ Калуги, досталась ему весьма не дешево. Въ этомъ титулѣ, поднесенномъ ему въ знакъ признательности, сказалось и смѣлое теплое чувство русскаго челоѣка и его трусость.

Личность Борисова, кромѣ характера пробивавшейся русскою гражданственностію, довольно ярко освѣщаетъ и современную ему администрацію вообще, и калужскую въ особенности — эта послѣдняя, какъ извѣстно, обратила на себя даже вниманіе Императора Александра I. Здѣсь главную роль играло дѣло Борисова, доведенное до свѣдѣнія Императора, при участіи поэта и царедворца Державина.

Иванъ Ивановичъ Борисовъ родился и умеръ въ Калугѣ; родился 11-го іюля 1742 г., умеръ 8-го января 1807 года, слѣдовательно это былъ челоѣкъ прошлаго столѣтія. Дѣдъ его былъ въ Калугѣ дьячкомъ Покровской церкви, отецъ изъ духовнаго перешолъ въ купеческое званіе и торговалъ пенькой и хлѣбомъ. На образованіе характера этого дѣателя, такимъ образомъ, вліяли два рода дѣятельности: одинъ —практически купеческій, другой—духовный. То и другое сдѣлали по крайней мѣрѣ то, что онъ вышелъ грамотнымъ русскимъ купцомъ, весьма важное для того времени.

Сами обстоятельства и обстановка сразу и безъ особенныхъ хитростей поставили его на ноги. Съ семилѣтняго возраста предъ нимъ прошла практика торговаго дѣла, чисто русскаго товарнаго дѣла, со всею несложностію и доточностію русскихъ приемовъ его, съ другой стороны дѣдъ заставлялъ его переписывать поминанья, каноны, выучилъ его писать и читать, а чтеніе церковныхъ книгъ дало ему нѣкоторыя понятія о нравственности и о долгѣ челоѣка и гражданина.

Въ двадцать лѣтъ по смерти отца онъ остался самъ хозяиномъ и повелъ дѣло по своему, сообразно съ своимъ ха-

ракторомъ, ловко, бойко, размахисто и, главное, толково. Такія качества, особенно послѣднее, не остаются безъ награды на Руси. Вскорѣ, не ограничиваясь Калугой, онъ завелъ свои дѣла съ Петербургомъ, съ Ригой и въ молодыхъ лѣтахъ считался уже человѣкомъ достаточнымъ, первый шагъ у насъ къ гражданскому значенію: сейчасъ почнутъ выбирать въ должности. Перебирая все написанное о немъ, чего впрочемъ весьма не много, мы не нашли слѣдовъ откуда такіе люди, при всѣхъ неблагопріятностяхъ своей обстановки, берутъ средства къ самостоятельности, ту силу, которая, главнымъ образомъ, отличаетъ ихъ отъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатію характера, которою у насъ, сплошь и рядомъ, обладаютъ подобные люди. Большая часть обстоятельствъ, напротивъ того, располагаетъ у насъ энергическаго человѣка къ раздражительности, къ горячности, которая изъ общественнаго дѣла невольно переносится въ свои частныя занятія, не рѣдко даже и въ семейство. Этихъ чертъ не избѣжалъ даже и Шестовъ, которому приходилось весьма круто, но въ характерѣ Борисова этой раздражительности не замѣтно, онъ довольно миролюбиво шелъ впередъ и былъ даже въ хорошихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ.

Первый шагъ его на служебной дѣятельности была должность ратмана въ Калужскомъ магистратѣ; избранъ онъ былъ въ началѣ февраля 1769 г. Въ то время, по видимому, онъ не совсѣмъ сочувственно относился къ этой дѣятельности — своя рубашка была еще ближе къ тѣлу; въ 1771 году онъ просилъ, по своимъ дѣламъ въ Петербургъ и частымъ отлучкамъ по нимъ, увольненія прежде окончанія срока службы. По поводу этого, въ маѣ 1771 года общество положило для него слѣдующій приговоръ: «Гражданству довольно извѣстно, писало оно, что по одиночеству Борисова, въ коммерціи его, производимой при С. Петерб. портѣ, происходитъ крайняя остановка и болѣе въ магистратскомъ служеніи ему быть не возможно, чего ради граждане, принявъ его, Борисова, резоны въ увѣреніе, обязываются, при увольненіи его отъ службы, выбрать на мѣ-

сто его изъ своей среды другаго. Въ бытность же его ратманомъ Борисовъ поступалъ добропорядочно, какъ по долгу присяги отъ хвалу заслуживающаго человека слѣдуетъ и никакихъ гражданству обидъ, притѣсненій, взятокъ и прочихъ непорядочныхъ поступковъ отъ него не происходило и гражданство имъ Борисовымъ довольно.» Въ этомъ приговорѣ, по видимому совершенно простомъ и не сложномъ, болѣе всего видно добровольное, невынужденное согласіе гражданъ на увольненіе Борисова отъ занимаемой имъ должности. Чтобы понять значеніе подобнаго факта необходимо знать положеніе нашей службы по выборамъ, въ которую, безъ дальнихъ словъ, особенно въ такія мѣста, какъ магистратъ, *упекаютъ* и отъ которой менѣе чего либо можно ждать увольненія. Первый шагъ Борисова, по службѣ, какъ и другихъ былъ не важенъ: мѣсто ратмана вообще мѣсто не важное, но вѣроятно и въ этой должности онъ повелъ дѣло такъ, что снискалъ невольное уваженіе... Шестъ слѣдующихъ лѣтъ до 1777 года Борисовъ не состоялъ ни на какой государственной службѣ, но перѣдко его приглашали для разрѣшенія серьезныхъ общественныхъ вопросовъ, гдѣ голосъ его серьезно уважался.

Съ 1777 по 1779 годъ его снова выбрали въ заสдатели губернскаго магистрата, но все таки и эта служба была не по немъ; онъ постоянно, не смотря на свои сложные дѣла, отбывалъ ее охотно, но главнымъ образомъ, какъ въ это время, такъ и въ слѣдующія десять лѣтъ, занимался торговыми дѣлами и своими смѣлыми оборотами составилъ себѣ значительное состояніе.

Къ 1789 году въ Борисовѣ все соединилось для выбора его въ градскіе головы, потому что по старымъ понятіямъ и по обстоятельствамъ времени, бѣднаго человека, будь онъ хотя семи пядей во лбу, въ такую и подобныя должности на службу не выберутъ. Борисовъ, при самомъ вступленіи его въ эту должность, былъ особенно счастливъ тѣмъ, что современный ему губернаторъ Калуги—М. П. Кречетниковъ, былъ человекъ правдивый, благонамѣренный и многое искренно и усердно дѣлалъ на пользу города — та-

кого помощника и самое близкое лицо по дѣятельности устройства города, какъ Борисовъ, онъ не могъ не замѣтить.

Борисовъ сдѣлался его правой рукой и подъ его руководствомъ всѣ общественные приговоры и совѣты того времени отличаются и раціональнію и истинною благонамѣренностію, въ нихъ менѣе всего видно фразъ и многословія — черта, къ сожалѣнію, характерная въ нашихъ общественныхъ приговорахъ; при такомъ руководителѣ, какъ Борисовъ, само общество лечило свои раны: рѣдко на что дѣйствительно нуждающееся, не было обращено вниманія; а такія положенія, какъ вспоможеніе бѣднымъ людямъ въ необходимыхъ постройкахъ, призрѣніе больныхъ и сиротъ, уплата богатыми податей и недоимокъ бѣдныхъ, средства къ ограниченію нищенства и поощренія развитія ремеслъ и промышленности, дававшихъ вѣрные средства къ жизни, были постоянною заботою Борисова, а при его неустанной энергіи, и цѣлаго Калужскаго общества.

Благодаря своей практичности Борисовъ, нравственнымъ своимъ вліяніемъ устроилъ отношенія и свои и цѣлаго Калужскаго общества къ губернатору такъ, что они постоянно были дружелюбными.

Кречетниковъ былъ переведенъ въ Кіевъ, Борисовъ послѣ выбора въ Калугѣ 1791 года новыхъ членовъ въ общественныя должности, поднесъ ему адресъ Калужскаго общества въ лицѣ его представителей, въ которомъ выразилась вся признательность къ губернатору цѣлаго городского общества.

Губернаторъ отвѣчалъ имъ слѣдующимъ письмомъ:

«Государи мои!»

«Письмо ваше, извѣщающее о сложении вами должности по избранію Калужскаго гражданства, на основаніи Высочайшихъ о губерніи учрежденій, въ пятое трехлѣтіе понесенныхъ, я получилъ и, пріемля съ удовольствіемъ признательность вашу къ попеченію моему о благѣ и покоитвѣ всѣхъ и cadaго членовъ общества городского, пріятнымъ имѣю долгомъ свидѣтельствовать вамъ и мою взаимную признательность по похвальному и ревностному о со-

блюденіи должнаго въ обществѣ порядка и о выполненіи Высочайшихъ узаконеній и предписаній губернскаго начальства служенію вашему. — Воздавая вамъ, государи мои, должную справедливость, остается миѣ желать, дабы пріемники ваши въ продолженіи служенія ихъ употребляли желаемое попеченіе объ удовлетвореніи долга ихъ, о сохраненіи во всемъ благоустройства и о содержаніи и въ обществѣ добраго согласія, необходимо нужнаго ко благу всѣхъ согражданъ, впрочемъ пребуду вамъ, Государи мои, усерднымъ слугою, генваря 28 дня 1792 года, Кіевъ

М. Кречетниковъ.

Вскорѣ послѣ этого. Калужское общество, непритворно проникнутое признательностію къ такому общественному дѣятелю, какъ Борисовъ, единодушнымъ приговоромъ и какъ бы инстинктивно, не думая о своемъ на то правѣ или безправіи, поднесло своему городскому головѣ титулъ *имянитаго гражданина*. Это званіе поставило Борисова высоко, не только въ глазахъ общества своего роднаго города, но сдѣлало его извѣстнымъ, даже и въ сосѣднихъ губерніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нажило ему не малое число враговъ и противниковъ, которые съ этихъ поръ и стали слѣдить за нимъ, чтобы какъ нибудь проучить, какъ они его называли, *именитаго самозванца*.

Въ такомъ положеніи прослужилъ онъ первое трехлѣтіе въ званіи городского головы: одна сторона общества поияла, какого общественнаго дѣателя пріобрѣла она въ Борисовъ; другая открыто была вооружена противъ него. Замѣчательно, между прочимъ, въ русской жизни то, что какъ скоро купецъ начнетъ, какъ говорится, идти по службѣ, какъ только онъ горячо и искренно отдается общественнымъ интересамъ, онъ явно начинаетъ терять въ своемъ дѣлѣ; въ этомъ, кромѣ времени и вниманія, которыя дѣйствительно, значительно поглащаются этого рода дѣятельностью, кажется нарушается некое правило нашей торговли, — жить со всѣми нужными людьми въ мирѣ и согласіи, менѣе всего наживать враговъ, и кромѣ того, не бываетъ уже полной возможности слѣдить зоркимъ глазомъ за всѣмъ,

что дѣлается кругомъ, и тутъ и тамъ, и знать часто въ подробности то, чего не знаютъ никакія власти, никакая тайная полиція.

Такая участь общественнаго дѣятеля — купца постигла и Борисова: вскорѣ послѣ окончанія своей службы, въ 1793 году, Борисовъ купилъ въ Калугѣ купоросную фабрику, устроенную купцомъ Карасевымъ, который имѣлъ на эту фабрику привилегію изъ Мануфактуръ-Коллегіи. Фабрика ему не удалась, потому что не нашлось мастеровъ, способныхъ къ этому дѣлу, да вообще и самъ онъ поотвыкъ отъ купеческой смѣтки. Въ 1796 году, онъ сломалъ часть ея и обратилъ въ жилой домъ. Размѣры его торговли стали съ этого времени нѣсколько уменьшаться... Между тѣмъ, съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, въ управленіи городами и цѣлыми губерніями, стали все болѣе и болѣе замѣчаться безпорядки, начался періодъ разнаго рода злоупотребленій — періодъ счастливо разрѣшающійся только въ настоящее царствованіе. Въ Калугѣ городскіе обыватели были день отъ дня отягощаемы все большими и большими поборами: постоемъ не въ моготу, который особенно ложился тяжелымъ гнетомъ, на недостаточныхъ жителей, притѣсненіями полиціи. Служившій въ то время городской голова Чуриковъ, смотрѣлъ на все это довольно хладнокровно; онъ, большею частію, радѣлъ себѣ — «противъ рожиа нельзя же мнѣ прати», говорилъ онъ, какъ будто въ оправданіе себѣ... Ропотъ жителей все болѣе и болѣе усиливался и наконецъ множеству несправедливостей и противозаконій, гласно стали заявляться въ городской думѣ, на которую, равно какъ и на городского голову, громко стали жаловаться въ семьяхъ и по угламъ. Всѣ недовольные, отважившіеся не скрываться, собрались около Борисова. Болѣе и откровеннѣе всѣхъ высказывался самъ Борисовъ: онъ не разъ съ глазу на глазъ сталкивался съ городскимъ головой, упрекалъ его за его равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, за неучастіе къ бѣдности, тѣсимой полиціей, не разъ сѣбялся и съ самими властями и, будто не замѣчая все болѣе и со всѣхъ сторонъ, наживалъ себѣ враговъ.

Крайне жаль, что ни общество Калуги, ни преданія, которыми, по большей части, намъ пришлось характеризовать личность Шестова, не сохранили намъ ни одного анекдота ни одного случая, который характеризовалъ бы Борисова болѣе подробно и ярко.

Усердно приглашаемъ обывателей Калуги почтить память этого вполне достойнаго челоуѣка, приславъ намъ по адресу, означенному на оберткѣ этого сборника, все, что они знаютъ или слышали отъ старожиловъ или сами помнятъ о дѣятельности Борисова.

Всѣмъ намъ необходимо наше собственное самопознаніе: оно только поможетъ изучить нашихъ немногихъ дѣятелей на разныхъ путяхъ русскаго развитія и дастъ возможность собрать въ одно цѣлое ихъ опытность и воспользоваться ею.

Въ первые годы настоящаго столѣтія, Борисовъ снова былъ городскимъ головою Калуги. Въ этотъ періодъ личности его и энергія выказались и освѣтились въ самомъ яркомъ свѣтѣ: онъ весь отдался обществу, общественные интересы стали его собственными; своихъ собственныхъ, частныхъ у него какъ бы не было. Ни ласки, ни общанія вліятельныхъ людей, ни ихъ угрозы, ни интересы его частныхъ дѣлъ, которыя шли въ разрѣзъ общественной дѣятельности, ничто не могло поколебать его. Общество выбрало его въ трудное для него время и онъ хотѣлъ вполне оправдать его довѣріе. Прежде всего онъ вступился за права своихъ согражданъ и, не смотря на всѣ крючкотворства и униженія, которое не замедлило явиться въ его названіи «купчишка», энергично требовалъ прекращенія полицейскихъ поборовъ и освобожденія отъ незаконнаго постоя, само собою разумѣется нисколько не обогащавшихъ казны, а шедшихъ въ карманы извѣстныхъ лицъ.

Губернскія власти поняли, что съ этимъ челоуѣкомъ приходится держать ухо востро, что его правдивость, твердый характеръ и сознаніе своихъ правъ, съ которыми онъ постоянно относился къ дѣлу, опасные для нихъ враги — первый шагъ, въ такомъ положеніи, подкопать яму подобному ближнему и попытать, нельзя ли его со всѣмъ опаснымъ

для себя упрятать въ нее. Придаться къ Борисову, какъ къ городскому головѣ было не къ чему: онъ, какъ умный чело-вѣкъ, не переходилъ данныхъ правъ, нужно было искать чего либо другаго, придаться къ нему, какъ къ частному ли-цу, ну и нашли...

Читатель вѣроятно помнитъ, что граждане города Калу-ги поднесли Борисову титулъ *имянитаго гражданина*, пом-нить, что сдѣлано было это въ порывѣ благодарности за его трудъ на общественное дѣло, за его энергическое со-чувствіе къ городскому дѣлу, титулъ этотъ, какъ нельзя бо-лѣе былъ достоинъ Борисова, такъ какъ въ свою оче-редь и Борисовъ былъ достоинъ его, но онъ былъ неза-коненъ, онъ не былъ скрѣпленъ ни однимъ офиціальнымъ лицомъ, ни мѣстомъ, не былъ никѣмъ и нигдѣ утверж-денъ, кромѣ чувства благодарности и признательности со-гражданъ... Подобное же движеніе, мы видѣли въ Москов-скомъ мѣщанствѣ, поднесшимъ Шестову адресъ, который онъ дорожилъ болѣе всѣхъ прочихъ наградъ и отличій. Къ этому-то титулу и придрались офиціальныя враги Борисо-ва. Прежде всего полиція нарядила слѣдствіе, по какому праву и на какомъ основаніи Борисовъ пользуется титу-ломъ *имянитаго гражданина* и, кромѣ того, стали приди-раться, — какъ и почему онъ владѣетъ людьми, приписанными къ его фабрикѣ, которая уже не имѣетъ производства и отъ которой, какъ мы видѣли, онъ понесъ большой убы-токъ. Губернское начальство начало дѣйствовать за одно съ полиціей: приняло эти вопросы серьезно и передало дѣло на обсужденіе городского магистрата, само собою ра-зумѣется, сообщивъ всему этому предварительно надлежа-щій тонъ и запутавъ тѣхъ, которые участвовали въ под-несеніи ему выше сказаннаго титула. Тутъ-то мы встрѣ-чаемся съ однимъ изъ грустныхъ, недостойныхъ имени гра-жданъ, какой бы ни было земли, чертъ слабаго, распу-щеннаго характера, съ робостью, съ преступленіемъ Ка-лужанъ того времени: видя, что Борисовъ въ опалѣ у мѣст-ныхъ властей, они переправили гильдейскія книги, уничто-жили всѣ слѣды и поводъ, по которымъ былъ поднесенъ ему титулъ *имянитаго* и своимъ приговоромъ обвинили его

въ произвольномъ и самовольномъ присвоеніи подобнаго небывалаго и незаконнаго званія. Кромѣ того, тотъ же городской магистратъ, другимъ словомъ — то общество, за которое Борисовъ не щадилъ себя, приговорило отнять выстроенный на мѣстѣ фабрики, на трудовыя деньги домъ его и перевести его въ казенное вѣдомство, тогда какъ всѣмъ и каждому было извѣстно, что фабрика была куплена имъ на свои деньги и что эта фабрика не пошла и что домъ выстроенъ по необходимости. На основаніи подобныхъ рѣшеній, губернское начальство передало Борисова уголовному суду. Борисовъ просилъ апелляціи—ему отказали. Къ счастью, случай спасъ Борисова: не смотря на сильныхъ враговъ, на оскорбленія и притѣсненія, на низость со стороны своихъ согражданъ, Иванъ Ивановичъ не уналъ духомъ, онъ только болѣе и болѣе крѣпнъ въ этой борьбѣ и по прежнему честно, съ полнымъ достоинствомъ велъ, и, въ своихъ крѣпкихъ рукахъ, держалъ дѣла роднаго города... Но не смотря на его замѣчательную энергію, его бы навѣрное бы сломали, *упали бы*, если бы не пріѣздъ Державина въ Калугу. Не знаемъ, прибавляемъ ли мы этимъ рассказомъ матеріалъ къ биографіи Державина, но по крайней мѣрѣ навѣрное извѣстно, что Государь Императоръ Александръ Павловичъ иманнымъ указомъ Правительствующему Сенату 16 августа 1802 года. (Собр. Зап. Рос. Имп. т. XXVII ст. 20, 37, 41) предписалъ точно освѣдомиться относительно властей Калужской губерніи: хранятся ли ими законы, учрежденный порядокъ и права судей. Дѣло это было поручено Державину. Гаврилъ Романовичъ, по видимому, горячо взялся за это изслѣдованіе и опубликованный потомъ отчетъ его о злоупотребленіяхъ въ Калужской губерніи познакомилъ съ положеніемъ этихъ дѣлъ всю Россію...

Между прочимъ и, даже на первомъ планѣ, было разсмотрѣно дѣло Борисова и члены магистрата преданы уголовному суду за переправку гильдейскихъ книгъ и также за отказъ Борисову въ апелляціи; Борисовъ же, не смотря на свое тревожное положеніе, не смотря на всю черную неблагодарность и малодушіе своихъ согражданъ, до конца жизни радѣлъ о ихъ пользѣ и правахъ: прежде всего онъ про-

силъ ходатайства Державина о несправедливости поборовъ съ городскихъ обывателей, о незаконной тяготѣ налоговъ и т. п., что все и было уничтожено, вслѣдствіи ревизіи Державина. Наконецъ дѣло Борисова кончилось благополучно для него: Государь Императоръ приказалъ оставить разсмотрѣніе его безъ послѣдствій и наградилъ службу его, его правду и энергію своимъ благоволеніемъ и чиномъ Коллежскаго Совѣтника, которымъ, такимъ образомъ, онъ собственно и вышелъ изъ купечества.

Борисовъ умеръ 8-го января 1807 года и похороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ. О его жизни отзывался искренно и чистосердечно одинъ только калужанинъ Емельновъ, статья котораго и послужила намъ матеріаломъ для настоящаго очерка. Но знаютъ ли могилу Борисова и его дѣятельность другіе калужане, помнятъ ли они его... или ужъ такова наша судьба, что многое достойное памяти погибаетъ у насъ безслѣдно....

II.

АНТИПЪ ПЕТРОВИЧЪ КОКУШКИНЪ.

Характеристика этой личности многимъ отличается отъ А. П. Шестова и Борисова, вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ и похожа на нихъ. Вообще въ главныхъ чертахъ, въ типѣ нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей изъ купечества много общаго, братскаго—они какъ бы дѣти одной матери. Кокушкинъ представляетъ собою одно изъ сильныхъ опроверженій, почему-то сложившемуся у насъ убѣжденію, что купецъ неспособенъ къ дѣятельности бюрократической, что онъ въ ней ничего не смыслитъ. —Этимъ убѣжденіемъ, какъ извѣстно, бюрократы пугаютъ наше купечество и лица, избираемые въ крупныя должности, какъ бы обязанностію своею считаютъ имѣть при себѣ что-то въ родѣ секретаря, который предостерегаетъ ихъ отъ ошибокъ и промаховъ. Страхъ поплатиться за эти промахи и послѣ службы, заставляетъ многихъ изъ нашего купечества откупаться отъ этого во время ея. Кому неизвѣстно, что служба по выборамъ, кромѣ личнаго пожертвованія, составляютъ для купца еще значительный расходъ... за примѣрами не далеко ходить: Москва еще недавно видѣла одного изъ своихъ городскихъ головъ, который прослуживалъ ежегодно отъ 15 до 25 тысячъ руб. сер.

Одна изъ главныхъ чертъ дѣятельности Кокушкина — это именно его блистательныя заслуги въ отношеніи приведенія

въ порядокъ запущенныхъ канцелярскихъ дѣлъ и дѣятельныя, практическія, часто административныя мѣры противъ накопившихся общественныхъ недоимокъ и уравненія налоговъ — дѣятельность, близкая къ министерской.

Антипъ Петровичъ былъ родомъ Ярославецъ; родился онъ въ сельцѣ Князьчихнахъ, Любимскаго уѣзда Ярославской губерніи... Отецъ его былъ простой крестьянинъ... Дорогу изъ своего безотраднaго положенія онъ пробилъ себѣ уже прямо своимъ лбомъ и все преимущество его предъ другими своими собратіями, давшее ему ходъ, только въ томъ, что онъ какъ-то, успѣлъ выучиться грамотѣ.

Первое поприще на которомъ мы встрѣчаемъ его въ молодости — это ненавистное теперь и видное въ старое время поприще откупнаго дѣла. Въ откупномъ дѣлѣ въ то время были своего рода знаменитости; одною изъ такихъ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго былъ Чоблоковъ, который и обратилъ свое вниманіе на Кокушкина, поручивъ ему послѣ мелкихъ должностей, управленіе крупнаго своего дѣла въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. Антипу Петровичу въ это время было 22 года.

Странная судьба, но неотразимо правдиво то, что вредное для народа, вредное для цѣлаго русскаго общества откупное дѣло соединяло въ себѣ въ свое время много недоуженныхъ, даже лучшихъ головъ того времени, велось и поддерживалось весьма замѣчательными умами, которые положили въ него все свои силы. Откупъ имѣетъ свою весьма интересную исторію, участіе въ которой нѣсколько выпадаетъ и на долю Кокушкина. Антипъ Петровичъ не долго оставался у Чоблокова, вскорѣ на него обратилъ вниманіе, еще большая откупная знаменитость того времени — Дѣшивцевъ, который ввѣрилъ ему управленіе сборами въ двухъ губерніяхъ и засвидѣтельствовалъ его даровитость и вѣрность особымъ, выданнымъ ему по окончаніи службы, аттестатомъ. Въ скоромъ за тѣмъ времени Кокушкинъ и самъ сдѣлался откупщикомъ. Это можетъ быть отнесется не къ чести этой личности; съ строгой нравственной точки зрѣнія не защищаемъ, но кажется не всегда можно быть безусловно строгимъ къ выбору человѣкомъ той или другой

дѣтельности; при этомъ надо замѣтить, что самое время способствовало этому дѣлу, что Кокушкинъ вышелъ изъ бѣдняковъ, изъ крестьянъ, что лучшаго не было подъ руками и что онъ не былъ крупнымъ откупщикомъ и не исключительно занимался этимъ дѣломъ: при постройкѣ Нижегородскаго ярмарочнаго гостиннаго двора мы видимъ его уже подрядчикомъ, поставщикомъ матеріала для этой стройки, гдѣ его усердіе также замѣчается и свидѣлствуется завѣдовавшимъ постройками Бетинкуромъ; вскорѣ ярмарка сближаетъ его съ торговою частію и мы видимъ его уже частнымъ торговцемъ, винными и другими товарами. Въ это время замѣтнымъ образомъ развертываются въ немъ торговыя способности — Кокушкинъ богатѣетъ и съ 1822 года оставляетъ свою прежнюю кочевую жизнь и дѣлается Петербургцемъ. Снова то же повтореніе явленія какъ съ Шестовымъ съ Борисовымъ, какъ и со многими другими: до тѣхъ поръ пока Кокушкинъ былъ не богатъ, общество не обращало на него вниманія, къ нему не обращались ни съ какою общественною службою; какъ только разбогатѣлъ, его въ скоромъ времени выбрали — это обыкновенно объяснилось и объяснится тѣмъ, что общество не хочетъ тревожить небогатыхъ людей, что оно даетъ имъ полную свободу трудиться для себя, даетъ возможность заpastись средствами и, если кто достигаетъ этого, кто дѣйствительно выходитъ въ люди, того уже само общество заставляетъ поработать на общество... Это наша старая система и мы весьма рады случаю поставить вопросъ о рациональности подобнаго положенія, тѣмъ болѣе, что главныя основанія ея приняты въ основаніе и новаго общественнаго управленія хозяйственною частію русскихъ городовъ и даже по земскимъ выборамъ. Человѣкомъ съ голосомъ у насъ считаютъ только того, кто имѣетъ осѣдность — собственника и между ними большее значеніе, безъ сомнѣнія, выпадаетъ на долю богатаго человѣка. Это, по нашему мнѣнію, нераціонально и такимъ отношеніемъ къ общественной дѣтельности, общество много теряетъ, потому что большій процентъ знанія, высшій процентъ образованія и открытаго мнѣнія на пользу общественную, едва-ли у насъ на сторо-

нѣ собственниковъ. Купеческая же служба въ этомъ отношеніи, особенно въ старое время, представляла громадныя злоупотребленія: кто не знаетъ и не помнитъ въ Москвѣ особыхъ, присяжныхъ мастеровъ — коноводовъ, которые предводительствовали цѣлыми сословіями, клавшими шары на право или на лѣво по ихъ знаку, по командѣ, по разнымъ условленнымъ знакамъ... Кто не убѣждался, что большая часть избранныхъ, такимъ образомъ, лицъ только тѣшилась на службѣ и едва ли приносила пользу.

Современность дошла въ этомъ отношеніи до тонкости. Г-нъ Вознесенскій, въ «Голосѣ» (№ 174 и 192 за 1865 г.) подымаетъ вопросъ, о *нелегальности* городскихъ выборовъ и главнымъ правомъ и значеніемъ въ этомъ ставить собственность, домовладѣльчество, рѣзко настаиваетъ на томъ, что нельзя ввѣрить интересовъ города людямъ бездомовнымъ, но такъ ли все это, главная ли принадлежность *выборнаго и гласнаго его имуществу*? Но это вопросъ мелькомъ, мы обращаемъ къ своему предмету. И такъ Кокушкинъ поступилъ на службу уже въ то время, когда сталъ Петербургскій собственникомъ и человѣкомъ съ состояніемъ. — Первый выборъ палъ на него въ трехлѣтіе съ февраля 1824 по апрель 1827 г., его выбрали, также какъ и Борисова, ратманомъ въ первый департаментъ Городоваго магистрата. — И въ этой не особенно видной должности, онъ успѣлъ принести замѣтную долю пользы: первое вниманіе имъ было обращено на безпорядки канцеляріи, въ мертвенность которой онъ внесъ свою живую, практическую дѣятельность; дѣла въ ней были такъ запущены, что напримѣръ, въ канцеляріи накопилось несданныхъ дѣлъ лѣтъ за двадцать, которыя, по настоянію Кокушкина, были сданы въ короткій срокъ. Перѣшленныхъ дѣлъ накопилось тоже цѣлая куча, за нихъ Кокушкинъ принялся по своему, съ свойственнымъ ему усиліемъ, стараясь обойти всѣ изощренія крючкотворства, которое, само собою разумѣется, смотрѣло на него, какъ на заклятаго врага. Факты, которые мы имѣемъ, лучше всего говорятъ, что было сдѣлано Кокушкинымъ во время его трехлѣтняго служенія въ первомъ департаментѣ С. Петербургскаго Магистрата. 1) Отъ прежня-

го трехлѣтія оставалось болѣе двухъ сотъ нерѣшенныхъ дѣлъ, которыя были всѣ окончательно рѣшены во время службы Кокушкина, что не мѣшало быстрому ходу вновь поступающихъ дѣлъ; 2) старыхъ не сданныхъ дѣлъ Кокушкинъ сдалъ въ архивъ болѣе двухъ тысячъ номеровъ и, при его выходѣ, оказалось нерѣшенныхъ только пятнадцать дѣлъ, остававшихся единственно за неполученіемъ надлежащихъ свѣдѣній и справокъ. Внося въ мертвенный, канцелярскій бытъ свой живой, практическій элементъ, Кокушкинъ вмѣствѣ съ тѣмъ не забывалъ и необходимыхъ формъ производства дѣла: такъ имъ первымъ въ магистратѣ были заведены настольные реестры и онъ строго держался всѣхъ предписанныхъ закономъ порядковъ дѣлопроизводства. Сенаторъ Полетика, ревизовавшій губернію въ 1826 году, изъявилъ полную благодарность Первому Департаменту за спѣшный и правильный ходъ дѣла.

Мы должны признаться, что рѣдко встрѣчали такія блестящія способности бюрократа, не только въ нашемъ купечествѣ при изученіи его дѣятелей, но и въ бюрократахъ их *professio*, какъ способности Кокушкина. Не даромъ въ купеческомъ сословіи подобныхъ лицъ шутя зовутъ министрами. Сейчасъ же, безъ отдыху, безъ промежутка вслѣдъ за окончаніемъ службы въ магистратѣ, три податныя сословія избираютъ Кокушкина своимъ депутатомъ въ дворянское депутатское собраніе для раскладки по Петербургской губерніи земскихъ повинностей. Онъ снова охотно отдаетъ обществу три года своего времени и служитъ ему по февраль 1830 года. Кокушкинъ и на этомъ мѣстѣ находитъ для себя достойное его дѣло: его здоровой, честной натурѣ прежде всего бросается на глаза явная несправедливость, въ силу которой купеческое, мѣщанское и ремесленное общества платятъ податей вдвое болѣе, нежели другія сословія. Эту несправедливость прежде всего онъ заявляетъ въ Депутатскомъ собраніи и обставляетъ свое заявленіе такими неопровержимыми данными, которыя доводятъ дѣло до того, что при раскладкѣ повинностей съ 1827 по 1831 годъ упомянутыя общества освобождаются отъ излишка платежа повинностей предъ другими сословіями. Такое движеніе по

службѣ, не обинуясь, можно назвать подвигомъ и всѣ три общества въ соединенномъ собраніи выражаютъ своему талантливому депутату искреннюю благодарность; сверхъ того купеческое общество, своимъ приговоромъ на основаніи 28 ст. о губернскихъ учрежденіяхъ, выдаетъ ему похвальный листъ, а Мѣщанское и Ремесленное общества, первое четырнадцатую тысячами, второе тремя тысячами подписей, выражаютъ Кокушкину свою искреннюю благодарность въ облегченіи ихъ отъ тяготы податей, которое въ продолженіе трехъ лѣтъ уменьшаетъ взносъ съ этихъ двухъ обществъ на двѣсти тысячъ руб. сер. да кромѣ того, купеческое общество, начиная съ 1828 года, платитъ восьмидесятью тысячами каждый годъ менѣе. —

Едва Кокушкинъ слагаетъ съ себя трудную и сложную обязанность раскладки земскихъ повинностей, какъ общество снова избираетъ его въ члены Высочайше учрежденной Коммиссіи для ревизіи и учета земскихъ повинностей въ С. Петербургской губерніи, гдѣ онъ занимался съ декабря 1830-го по августъ 1833 года. — Тутъ уже не общество, а офиціальное начальство аттестуетъ Кокушкина.

Вотъ что читаемъ мы въ отношеніи этой коммиссіи отъ 9-го января 1833 года за № 106-мъ, препровожденнымъ ею въ С. Петербургскую Городскую Думу.

«Г. Кокушкинъ, съ начала вступленія своего съ 1831 въ сію должность члена ревизіи, находился всегда при ней безотлучно и своими отличными способностями лично содѣйствовалъ коммиссіи въ исполненіи возложенной на нее, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію: Государственного совѣта обязанности, а именно: въ составленіе подробныхъ извлеченій о всѣхъ оборотахъ суммы земскихъ повинностей за 1817, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827 годы и періодическихъ, какъ выше упомянуто, генеральныхъ учетовъ по трехлѣтіямъ, о чемъ Коммиссія въ изъявленіи признательности своей къ личнымъ трудамъ Г. Кокушкина и сообщаетъ Городской Думѣ»

Едва истекаетъ срокъ этой службѣ, С. Петербургское городское общество при началѣ новаго трехлѣтія службы по выборамъ избираетъ Антипа Петровича своимъ город-

скимъ головою. — При этомъ оно уже не думаетъ о затрудненіи его этою новою, трудною должностію, а подноситъ ее, какъ знакъ своей признательности и такого почета, выше котораго оно уже ничего въ своей власти не имѣетъ.

Кокушкинъ не только безъ тягости, но съ признательностію и благодарностію къ обществу принялъ на себя это почетное для купца званіе и, оканчивая свои дѣла въ комиссіи, въ то же время принималъ свою новую должность. Работа закинула въ его дѣятельныхъ рукахъ. Прежде всего онъ захотѣлъ оглядѣться въ своемъ новомъ положеніи, стать сознательно хозяиномъ: со свойственною такимъ людямъ строгостію, онъ потребовалъ отчетності по городскимъ суммамъ, взвѣсилъ приходы и расходы города и обратилъ вниманіе на своевременное поступленіе городскихъ доходовъ. — Оказались страшные безпорядки и, главнымъ образомъ, какъ это всегда бываетъ — по мѣщанскому и ремесленному обществамъ. Замѣчательно, между прочимъ, что въ Петербургѣ особенно хромаетъ мѣщанское, а въ Москвѣ ремесленное общество. При разборѣ дѣлъ Кокушкинымъ имъ найдено, что на мѣщанскомъ обществѣ накопилось недоимокъ податныхъ повинностей свыше четырехъ сотъ тысячъ р. с. и земскихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ р. с. — откуда взять эту значительную сумму? на комъ состояли недоимки никто про то ничего не зналъ — ни вѣдалъ: именныхъ списковъ этихъ недоимокъ ни въ обществѣ, ни въ думѣ не было. Только такой администраторъ, какъ Кокушкинъ могъ понять всѣ важности подобныхъ безпорядковъ и только подобной силѣ было по плечу поправить это. Чрезъ два мѣсяца со времени его выбора, не смотря на то, что онъ еще былъ занятъ въ комиссіи, въ предложеніи своемъ Городской Думѣ онъ объяснилъ всю важность подобнаго положенія и упущеній, настоятельно требовалъ отъ нее изслѣдованія причины подобнаго накопленія недоимокъ и представленія соображеній къ исправленію этого дѣла. Съ своей стороны онъ находилъ необходимымъ обязать поднымъ отчетомъ мѣщанскихъ старостъ и вытребовать отъ нихъ именныя списки и всѣ поясненія по этому дѣлу. —

При дальнѣйшемъ анализѣ сложнаго и принятаго имъ въ

запущенномъ видѣ городского дѣла оказалось, что расходы изъ общественныхъ суммъ доходили въ годъ отъ ста восьмидесяти до двухъ сотъ пятнадцати тысячъ руб. сер. и особыхъ поводовъ къ тратѣ такой значительной суммы не было; Кокушкинъ въ непродолжительное время сводить эти траты до пятидесяти тысячъ руб. сер. и дѣло отъ этого не страдаетъ, а идетъ болѣе раціональнымъ путемъ. Далѣе онъ замѣчаетъ, что при отправленіи рекрутской повинности собирается одновременно съ каждаго члена общества отъ 5 до 10 р. с., такъ что такой сборъ, при наличномъ состояніи мѣщанскаго общества въ восемнадцать тысячъ чело-вѣкъ, составлялъ каждый разъ отъ девяноста, до ста восьмидесяти тысячъ и будто все это расходовалось! При очередномъ рекрутскомъ наборѣ, при сдачѣ болѣе нежели въ прежнее время рекрутъ—всѣ расходы сдачи, амуниціи, награды и прочее, Антипъ Петровичъ, со свойственною ему практичностью, покрываетъ *восьмью* тысячами, раздѣляя въ такомъ размѣрѣ эти расходы на общество. —

Раскрывая, такимъ образомъ, одно дѣло за другимъ, Кокушкинъ убѣждается, что злоупотребленіе глубоко и повсѣмѣстно проникло въ городское хозяйство, что необходимо вырывать зло съ корнемъ и что нѣтъ никакой возможности скоро, безъ слѣдствія, уладить это путанное дѣло. По его настоянію Городская дума устанавливаетъ изъ своихъ членовъ комиссію для ревизіи всѣхъ мѣщанскихъ старостъ и для формальнаго раскрытія и означенія всѣхъ имѣющихся открыться безпорядковъ. 19 Мая 1833 рѣшеніе свое оно представляетъ на утвержденіе Генералъ-Губернатора, тотъ доводитъ это до свѣдѣнія Министра Внутреннихъ дѣлъ и комиссія открываетъ свои дѣйствія.

Шумъ и крики недоброжелателей и масса нажитыхъ враговъ встрѣчаютъ эти его первыя дѣйствія на поприщѣ городского головы.

Не лишнее замѣтить и сравнить методъ дѣйствія въ подобныхъ крупныхъ случаяхъ Кокушкина съ методомъ Шестова: при различіи своихъ характеровъ, одного чисто-народнаго, не терпѣвшаго ничего официальнаго, другаго, напротивъ, близко и тонко знавшаго официальность, но не подда-

вавшася ей. Шестовъ жилъ и дѣйствовалъ за одно съ обществомъ и въ особенности любилъ мѣщанское общество, котораго постоянно являлся защитникомъ; Кокушкинъ дѣйствовалъ для общества, также любилъ его, но съ другой стороны ладилъ и съ офиціальными лицами и въ крупныхъ злоупотребленіяхъ общества призывалъ на помощь высшую власть. Шестовъ же постоянно избѣгалъ этого послѣдняго и подводилъ общественныя злоупотребленія подъ общественный судъ, за что, какъ извѣстно, и пострадалъ.

Не наше дѣло судить, кто изъ нихъ дѣйствовалъ лучше: симпатіи скажутся сами собою.

Не смотря на все болѣе и болѣе растущую толпу своихъ недоброжелателей, которые постоянно переходили въ его личныхъ враговъ, Кокушкинъ съ своимъ замѣчательнымъ талантомъ экономиста продолжалъ дѣйствовать на общественную пользу: въ 1833 году, во время повсемѣстнаго неурожая, когда Дума обязана была заготовлять хлѣбный провіантъ въ значительномъ количествѣ, онъ произвелъ эту операцію съ такимъ успѣхомъ, что съэкономилъ около девяноста тысячъ противъ назначенной смѣты, а если при этомъ запасъ принять въ расчетъ цѣны на хлѣбъ, по которымъ онъ продавался въ 1832 году, то разница между тѣмъ, что было истрачено и что должно бы истратиться, достигаетъ до четырехъ сотъ тысячъ рублей.

Въ разливѣ своей общественной дѣятельности, Кокушкинъ, какъ чистый практическій хозяинъ, не пренебрегалъ никакой мелочью и изъ всего старался извлечь болѣшую выгоду, ясно и безошибочно понимая, что изъ мелочей и слагается великое цѣлое, что если развинчиваются хотя небольшіе винты, то портится и вся машина.

Есть люди, которые не представляютъ себѣ дѣятельности иначе, какъ въ огромныхъ размѣрахъ, для которыхъ мелкія вещи ничего не значатъ и они считаютъ даже лишнимъ обращать на нихъ хотя какое либо вниманіе—это наша «Стоячая вода» или, почти также точно, «Чающіе движеніе воды» и въ ожиданіи этого, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, новаго, грядущаго, сидящіе сложа руки; тѣмъ по-

чтениѣ и почетиѣ является предъ ними здравый, нормальный дѣятель, который безъ особеннаго анализа, безъ тонкихъ, путанныхъ теорій и утончій, руководясь практическими, жизненными потребностями, дѣлаетъ свое дѣло. Представляемъ здѣсь на выдержку нѣсколько мелочей, которыя были задѣты Антипомъ Петровичемъ въ широкомъ разливѣ его дѣятельности, но задѣты не случайно, не мимоходомъ, а предварительно обративши на себя вниманіе и доставившія ему не мало труда. Платьмойные плоты отдавались въ Петербургѣ на аренду, каждый по шести тысячъ руб. сер. Кокушкинъ нашелъ возможность отдать ихъ по *девятнадцати* тысячъ руб. сер. и тѣмъ, по числу плотовъ, увеличилъ доходъ города на пятьдесятъ двѣ тысячи — пустяки, которымъ можетъ позавидовать любая столица. Отъ найма аукціонной камеры и ежегодной постройки мостовъ, ежегодно имъ было сберегаемо тридцать три тысячи руб. При пересмотрѣ оброчныхъ статей города, онъ замѣтилъ, что торгующее въ нихъ купечество при нѣкоторыхъ изъ нихъ выстроило на городской землѣ значительные деревянные балаганы и въ такомъ количествѣ, которое обращало невольное вниманіе, такъ напримѣръ, у Тучкова моста — сорокъ четыре амбара и у Гагаринской пристани двадцать шесть; складывало въ нихъ пеньку и ленъ и не платило за это никакой повинности, между тѣмъ для хлѣба, приходившаго въ огромномъ количествѣ по Невѣ, не доставало удобнаго для склада мѣста и торговцы принуждены были нанимать для него частныя мѣста и складывать, болышею частію, неудобно и небезопасно. По изчисленію Кокушкина, городъ, такимъ образомъ, терялъ ежегодно до 60,000 руб.; немедленно онъ вошелъ съ представленіемъ этого въ Высочайше учрежденную комиссію для изысканія городскихъ доходовъ и представленіе его было уважено.

Такія смѣлыя дѣйствія не могли разумѣться миролюбиво расположить къ Кокушкину большинства Петербургскаго общества; къ толпѣ враговъ Антипа Петровича прибавились цѣлыя массы — необходимая потребность этой части общества сказала въ необходимости свалить эту силу, пригнать ее къ землѣ, свести ее съ той высоты, на которую она за-

конно вошла—этокакая-тороковая судьба, какая-то жестокая необходимость въ жизни нашихъ общественныхъ дѣятелей, извѣстная часть общества какъ бы находить достойнымъ себя расплатиться такимъ образомъ за всѣ труды, за всѣ заслуги.

Въ отношеніи служебной дѣятельности Кокушкина не находилось ни одной черты, ни одного пятна, къ которому бы можно было придраться, надо было искать чего либо въ частной дѣятельности, подвести какую нибудь, какъ это зовется на языкѣ подобныхъ людей, мину. Дѣло за этимъ не стало: Кокушкинъ торговалъ чаемъ, такъ почему же не торговать ему запрещеннымъ капорскимъ чаемъ, что прямо вело подъ уголовный судъ. Подвели... и до изслѣдованія этого дѣла устранили его отъ званій и обязанностей городского головы. Думая хотя чѣмъ нибудь доѣхать энергію этой силы, потребовали отъ него быстрой сдачи его отчета по городскимъ дѣламъ и Кокушкинъ, въ теченіе двухъ дней сдать все и, между прочимъ, находившуюся въ его вѣдѣніи наличную, въ билетахъ и документахъ сумму, простиравшуюся до 3,323,524 рублей.

Этимъ грустнымъ эпизодомъ характеристики нашего общественного управленія, въ которомъ общество наше съ одной стороны является такимъ мелкимъ, жестокимъ и съ другой—трусливымъ и безсильнымъ, мы и кончаемъ біографическій очеркъ этого замѣчательнаго лица, остается только сказать о его смерти, но пусть успокоятся—онъ умеръ также славно, какъ и жилъ: состоя подъ конецъ своей жизни, между прочимъ, попечителемъ холерной больницы въ 4-й адмиралтейской части, онъ каждый день посѣщалъ это опасное для всякаго мѣсто — его дѣятельная натура не терпѣла слыть чѣмъ бы то ни было, но любила быть. Наканунѣ своей смерти 26 іюля 1848 года, не смотря на то, что чувствовалъ себя дурно, Кокушкинъ поѣхалъ въ больницу и возвратился уже совершенно больнымъ, на другой день его не стало.

Для успокоенія мнительныхъ людей считаемъ не лишнимъ сказать, что по слѣдствію онъ былъ оправданъ и до конца своей жизни постоянно состоялъ подбальнымъ городского головы В. Г. Жукова.

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

III.

Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ.

Михаилъ Ивановичъ представляет собою характеръ во многомъ отличный отъ тѣхъ лицъ, дѣятельность которыхъ представлена нами въ предыдущихъ очеркахъ. Это былъ типъ *неслужилаго человека, а благотворителя* и благотворителя съ чисто русскимъ характеромъ.

Память о Михаилѣ Ивановичѣ еще жива: онъ умеръ въ началѣ 1849 года, именно 3-го января.

Благотворительность Крашенинникова шла прямо изъ его потребности, она не была ни напосной, ни тщеславной, а лежала въ потребности его натуры: ему также необходимо было дѣлиться своими избытками съ неимущими, какъ скупому собирать свое добро; онъ также любилъ любоваться на сдѣланное имъ, какъ скупой любить созерцать свои сокровища.

Главное, что хорошо и ясно опредѣляетъ характеръ его благотворительности — это то, что раздавая весьма значительныя суммы, онъ въ то же время былъ весьма умѣренъ, даже скупъ въ отношеніи своихъ потребностей, представляя въ этомъ рѣшительную противоположность съ Петромъ Ивановичемъ Куманинымъ, характеристикой котораго, какъ весьма оригинальнымъ явленіемъ нашего купеческаго міра, мы займемся въ свое время.

Всмотримся прежде всего, на что именно онъ жертво-

валъ при своей жизни, когда и куда шли его средства—это нагляднѣе всего познакомить съ характеромъ жертвователя.

Вотъ списокъ части его добровольныхъ приношеній, найденный послѣ его смерти, на толстомъ сѣромъ лоскутѣ бумаги, которая никому и не были извѣстны до этого времени.

1839. Мая 24. Жертва въ Андреевскую богадельню 50 т. руб. ас. и мѣщанское училище 50 т. руб., всего сто тысячъ; лажъ 26% . 126,000 р. ас.

1840 въ Сентябрѣ, въ Серпуховѣ на бѣдныхъ

гражданъ . . . . . 25,200 » »

въ Ноябрь, тожъ на бѣдныхъ гражданъ 25,200 » »

1841 въ Апрель, тожъ на бѣдныхъ гражданъ 25,200 » »

въ Декабрѣ, тожъ на бѣдныхъ гражданъ 52,500 » »

1842 въ Мартѣ, въ Серпуховѣ на бѣдныхъ

гражданъ . . . . . 50,050 » »

въ Августѣ, тожъ на бѣдныхъ гражд. 50,050 » »

1843 въ Маѣ, бѣднымъ дѣвицамъ на выходъ

въ замужество . . . . . 105,000 » »

1844 Марта дня, на бѣдныхъ гражданъ . 49,000 » »

въ Сентябрѣ, бѣднымъ дѣвицамъ на

выходъ въ замужество . . . . . 52,500 » »

1845 Юня 3, на сооруженіе церкви Пре-

ображенія въ наливкахъ . . . . . 17,500 » »

1837 Сентября 11, на сооруженіе трапе-

зы у Спаса въ наливкахъ . . . . . 10,000 » »

Декабря 10, въ Коломну на бѣдныхъ

гражданъ . . . . . 105,000 » »

1846 Марта 11, въ Дмитровскую градскую

думу на бѣдныхъ гражданъ . . . . 105,000 » »

Мая 12, на сооруженіе храма Пре-

ображенія въ наливкахъ . . . . . 17,500 » »

Декабря 10, въ Дмитровскую град-

скую думу для бѣдныхъ гражданъ . 105,900 » »

1847 Марта 14, въ Коломенскую градскую

думу для бѣдныхъ гражданъ . . . 105,000 » »

Октября 24, въ Коломну и Дмитровъ

для дѣвицъ . . . . . 105,000 » »
 Декабря 9, тожъ на бѣдныхъ дѣвицъ 105,000 » »
 1848 Сентября 29, въ Коломенскую думу
 на бѣдныхъ дѣвицъ . . . . . 105,000 » »
 въ Дмитровскую думу на бѣдн. дѣвицъ . 150,000 » »

Но этимъ не ограничилось дѣло этой благотворительности; послѣ своей смерти три милліона рублей онъ назначаетъ на раздачу бѣднымъ разныхъ городовъ и дѣвицамъ неимущихъ гражданъ, при выходѣ ихъ замужъ. Послѣ духовнаго завѣщанія, душеприкащики его постепенно собираютъ по документамъ эти суммы и раздаютъ ихъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что до 1851 года они разосланы: на бѣдныхъ гражданъ и для бѣдныхъ невѣстъ:

Въ Волоколамскъ	105,000 р.	52,500 р.
» Звенигородъ	105,000 »	52,500 »
» Воскресенскъ	105,000 »	52,500 »
» Рузу	52,500 »	52,500 »
» Подольскъ	52,500 »	52,500 »
» Можайскъ	52,500 »	52,500 »
» Клинь	52,500 »	52,500 »
» Богородскъ	52,500 »	52,500 »
» Верею	52,500 »	52,500 »
» Бронницы	52,500 »	52,500 »
» Юрьевъ-Польскій	52,500 »	52,500 »
» Зарайскъ	52,500 »	52,500 »
» Москву	60,000 »	

Цифры весьма краснорѣчивыя, которыя нагляднымъ образомъ опредѣляютъ характеръ благотворительности Михаила Ивановича, характеръ чисто общественный, который чутко, съ свойственною русскому человѣку глубиною, чувствовалъ положеніе нашихъ горожанъ-посадскихъ, мѣщанства, обездомленныхъ иностранцами русскихъ ремесленниковъ, и считалъ своею добровольною обязанностію, своимъ произвольнымъ долгомъ облегчать его.

Въ русской жизни нѣтъ недостатка въ благотворителяхъ, но самая благотворительность принимаетъ у насъ нерѣдко весьма рутинный и даже скандальный характеръ: наши

благотворители любятъ, чтобъ ихъ въ свою очередь *благотворили*, или, сѣлошь и рядомъ, дѣлаютъ это изъ тщеславія. Начиная отъ мелкой уличной благотворительности, восходя до тѣхъ лицъ, которыя собираютъ предъ лавками и амбарами, а также предъ воротами своихъ домовъ, какъ вывѣску своей *доброй души* цѣлая толпа нищихъ, останавливаясь въ частности на тѣхъ, которыя любятъ, чтобы за каждую подаваемую ими копейку у него лизали руку, и наконецъ до тѣхъ, которые вообще не отказываются отъ добраго дѣла, все-таки относясь къ дѣлу не строго, мы не видимъ въ немъ ни мысли, ни толку, и какъ уже не разъ было доказано, подобная благотворительность плодитъ и поддерживаетъ даже особый родъ мелкихъ промышленниковъ, дармоедовъ-нищихъ, поэтому-то и по многому другому, съ особеннымъ удовольствіемъ остановившись на такой осмысленной благотворительности, какъ благотворительность Крашенинникова. Еще черта, дополняющая характеръ этой благотворительности — это то, что Михаилъ Ивановичъ не питалъ особеннаго расположенія къ вліятельнымъ лицамъ, стѣснявшимъ его, но вмѣшательству въ его дѣла, не переносилъ чьей-либо власти надъ собою, и, такимъ образомъ, все неправо угнетенное, стѣняемое чиновничествомъ, все обойденное правдою суда и потерпѣвшее отъ нестройности нашей жизни, находило въ немъ своего благотворителя.

Все это, и порознь, и вмѣстѣ, даетъ ему несомнѣнное право на вниманіе къ нему и настоящаго общества.

Постараемся еще глубже войти въ анализъ этой благотворительности, въ тѣ внутреннія побужденія, которыми она производилась.

Крашенинниковъ былъ семьянинъ; умирая, онъ оставляетъ жену, сына, нѣсколько замужнихъ дочерей, дочь-невѣсту — всѣ они были обезпечены, награждены и сверхъ того, по духовному завѣщанію, онъ оставилъ каждому изъ нихъ по сту тысячъ рублей серебромъ, это составляло не много болѣе половины того, что, по тому же завѣщанію, онъ назначилъ бѣднымъ и немущимъ.

Сыщъ, его оказался человекомъ во всѣхъ отношеніяхъ

достойнымъ его: онъ пошелъ его же дорогой, открылъ въ Петербургѣ коммерческую контору и не уронилъ фамильнаго значенія Крашенинниковыхъ, но отецъ не передалъ ему всего своего благопріобрѣтеннаго капитала, пріобрѣтеніе котораго онъ началъ съ семи копѣекъ, не упрочилъ своего состоянія, какъ это дѣлаютъ въ большей части купеческихъ семействъ и вовсе не къ ихъ безчестию изъ рода въ родъ, а отдалъ значительную часть его бѣднымъ той земли, которая служила къ его обогащенію. Планъ этого благотворенія составилъ у Михаила Ивановича не мгновенно, имъ не руководило какое-либо сильное движеніе гнѣва, семейной или родственной распри, которая нерѣдко обращаетъ купеческія состоянія на пожертвованія; не только съ своими близкими родными, но и съ дальними и съ знакомыми, Крашенинниковъ жилъ въ мирѣ, относился къ нимъ сочувственно и награждалъ ихъ всѣхъ поровну; планъ этой благотворительности, выяснившійся вполне только вскорѣ послѣ смерти, и повидимому, по нѣкоторымъ даннымъ, обдумывался имъ долго и отъ всѣхъ скрывался. Съ 1839 года, какъ мы видѣли, онъ началъ приводить его въ исполненіе. По отрывочнымъ выраженіямъ его и замѣчаніямъ, можно было догадаться, что онъ задался какою-то мыслию, и что она составляетъ одну изъ цѣлей его жизни: такъ, въ послѣднее время своей жизни, вынимая изъ сохранной казны извѣстную сумму для своихъ торговыхъ оборотовъ, онъ особенно заботился о скорѣйшемъ ея туда возвращеніи, и на томъ будто основаніи, что это деньги не его, что онъ ихъ занялъ и что ему совѣстно оставаться въ долгу у своихъ кредиторовъ. Словъ этихъ никто не понималъ: какіе кредиторы могли быть у Крашенинникова, главнымъ правиломъ котораго было никогда не кредитоваться. Кредиторами, такимъ образомъ, оказались *тѣ бѣдняки*, которымъ онъ назначилъ большую часть состоянія.

Не лишнее тоже обратить вниманіе на отношенія, въ которыя онъ ставилъ себя къ исполнителямъ своего плана—своимъ душеприказчикамъ и прочимъ лицамъ, которымъ вручались суммы его благотвореній.

Во первыхъ, онъ не стѣснялъ ихъ никакими формами,

раздачу предоставлялъ безотчетно, *на совѣсть*; во вторыхъ, долги предписалъ взыскивать безъ принужденія и отнюдь не употреблять стѣснительныхъ мѣръ, внимательно присматриваясь къ положенію человѣка — черта истинно человѣческая. Иначе что же бы было за благотвореніе, притѣсняя одного и облегчая другаго. Прощая долги, онъ самымъ естественнымъ образомъ достигалъ своей цѣли съ другой стороны.

Всѣ отношенія и письма, при которыхъ онъ отсылалъ деньги мѣстамъ или лицамъ, онъ всегда писалъ отъ неизвѣстнаго, и большею частію приписываясь къ положенію города, которое онъ предварительно разузнавалъ.

Вотъ для примѣра одно изъ такихъ отношеній:

«Входя въ положеніе бѣдныхъ семействъ города Дмитрова, которыя, имѣя при себѣ взрослыхъ дѣвицъ, лишены средствъ, по своему неимуществу, выдать ихъ въ замужество, и желая, по возможности, сдѣлать въ этомъ имъ пособіе, я положилъ на вѣчныя времена въ сохранную казну Московскаго Опекунскаго Совѣта, отъ 24 октября 1847 года, за № 35,727 *пятнадцать тысячъ рублей серебромъ*, и препровождая при семъ выданный мнѣ на эту сумму билетъ, прошу оную думу изъ получаемыхъ ежегодно процентовъ, выдавать *четыремъ дѣвицамъ по сту пятидесяти рублей серебромъ*, на нижеслѣдующемъ основаніи:»

1) Дѣвицы изъ мѣщанскаго сословія, которыя желаютъ вступить въ замужество и воспользоваться вспоможеніемъ, должны подавать отъ себя въ оную думу прошенія съ 1-го мая по 1 сентября мѣсяца.

2) Если число желающихъ получать награду будетъ превышать назначенную мною сумму въ выдачу, то 1-го октября прошу оную думу желающимъ дѣвицамъ, при личности ихъ, дать жребій.

3) По жребію удостоеннымъ награды, выдавать таковую не иначе, какъ когда неvěста выдетъ замужъ и представить о томъ свидѣтельство, на что и давать ей сроку одинъ годъ.

4) Если чрезъ годъ удостоенная къ наградѣ неvěста не

выйдетъ замужъ, то назначенная ей награда на другой годъ поступаетъ въ жребіи для другихъ желающихъ.

5) Если не будетъ полного комплекта невѣстъ изъ мѣщанскаго сословія, желающихъ воспользоваться назначеннымъ мною вспоможеніемъ, то прошу дозволить подавать прошенія невѣстамъ и изъ другихъ бѣдныхъ сословій, но не иначе, какъ проживающихъ въ Дмитровѣ, не менѣе пяти лѣтъ, и ни отъ иностранцевъ для вывоза, ни отъ иностранцевъ для вывоза.

6) Отчета въ раздатѣ суммы Дума не обязывается никому давать, кромѣ положенной ревизіи Казенной Палаты.»

Душенрикашки его, согласуясь съ духомъ его благотвореній при отсылкѣ означенныхъ суммъ сопровождали при нихъ — слѣдующія правила:

1) «Тѣмъ изъ бѣдныхъ, большесемейныхъ, которые не имѣютъ ни какихъ средствъ заработать себѣ пропитаніе, выдавать каждый разъ по пятнадцати рублей серебромъ.

2) Одинокимъ и подверженнымъ такимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, кои препятствуютъ имъ даже прокармливатьсѣ мірскимъ подаваніемъ, и которые никѣмъ не призрѣны, выдавать въ каждый разъ по десяти рублей серебромъ.

3) Престарѣлымъ, кои лишены, по слабости силъ, снискивать себѣ пропитаніе работою, выдавать то же каждому и каждый разъ по десяти рублей серебромъ.

4) Выдача, обозначенная въ сихъ пунктахъ, должна простираться какъ на мужеской полъ, такъ и на женскій; но только на такихъ, которые съ давнихъ временъ гражданами въ ономъ, а не вновь изъ причисленныхъ въ оное сословіе:

Выдачу производить каждый годъ два раза: предъ Рождествомъ Христовымъ и Святою Пасхою, за пятнадцать дней впередъ.

5) Производить такую выдачу уполномочивается на вѣчныя времена Дума, съ тѣмъ, что отъ ея воли совершенно всегда зависитъ разсматривать положеніе бѣдныхъ людей и удостоивать изъ нихъ самыхъ бѣднѣйшихъ получать назначенное нами вспоможеніе; при равныхъ же отношеніяхъ въ бѣдности дѣлать выдачу по жребію.

6) По произведеніи такимъ образомъ выдачи, каждый

разъ публиковать во всеобщее извѣстіе въ Московскихъ вѣдомостяхъ.

7) Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Городская Дума никому не должна давать отчета, кромѣ Казенной Палаты.»

Такимъ образомъ строго прослѣдя, шагъ за шагомъ, черту за чертою, характеръ благотворительности Михаила Ивановича, мы можемъ положительно сказать, что благотворительность его прямо шла изъ потребностей его природы и что выработалась и созрѣла она годами той опытности, когда онъ пріобрѣталъ себѣ то состояніе, которое потомъ раздавалъ... Предъ кунцомъ чаще всего, болѣе нежели предъ кѣмъ либо, раскрывается русская бѣдность во всей ея наготѣ, не смотря на которую онъ все таки беретъ съ нея свой оброкъ и рѣже всего отдаетъ его опять народу, какъ это сдѣлалъ Крашениниковъ...

Въ одной изъ комедій, которая не допущена на сцену, въ комедіи «Откупщикъ» мы подслушали одну фразу, которая устами откупщика, въ его предсмертныя минуты говорила «я взялъ свой милліонъ у народа, ему я и отдамъ его;» но сейчасъ же послѣ такого рѣшенія, которое разумѣется пришло къ откупщику не легкимъ путемъ, оказывается, что этотъ милліонъ украденъ у него его прикащикомъ, который вѣроятно завелъ на него тоже откупъ или нѣсколько мѣстовъ «съ расчитіемъ и навынось.» — Чувство, вызываемое такими обстоятельствами — чувство тяжелое и къ сожалѣнію нерѣдкое въ русскомъ обществѣ.

Крашениникову, слѣдовательно, по всѣмъ правамъ принадлежитъ имя одного изъ рѣдкихъ куцзовъ-благотворителей, благотворителей, такъ сказать, по призванію, а потому мы имѣемъ право передать настоящему поколѣнію, его біографическій очеркъ.

Михаилъ Ивановичъ родился въ январѣ 1775 года. — Родина его — Серпуховъ; родъ его купеческій, отецъ Крашениникова имѣлъ довольно значительное состояніе и жилъ первое время въ довольствѣ, не задолго до рожденія Михаила Ивановича дѣла отца его начали мало по малу разстроиваться и послѣдовавшіе за этимъ безвременьемъ значительныя убытки вскорѣ со всѣмъ разстроили его состояніе. Въ это горест-

ное для каждого семьянина время родился у него сынъ и поддержалъ упавшія силы и волю старика. Такимъ образомъ, даже условіями своего рожденія Михаилъ Ивановичъ внесъ въ семью радость—удѣлъ, который выпалъ на его счастливую долю на цѣлую жизнь. — Старикъ Крашениниковъ вскорѣ умеръ и Михаилъ Ивановичъ остался главною надеждою семьи, состоявшей изъ матери и двухъ дочерей. — Капиталу не было, о самостоятельномъ дѣлѣ нечего было и думать и пришлось Михаилу Ивановичу начинать карьеру съ безотраднѣй доли купеческаго мальчика, который берется для обученія торговли, какъ ремеслу и начинается это дѣло съ стоянья у лавки, съ побѣгушекъ на посылахъ, съ зазываній — и т. п. Впрочемъ Михаилу Ивановичу въ этомъ дѣлѣ посчастливилось: онъ попалъ въ солидный купеческій домъ Кирьяковыхъ, въ которомъ съ выслугой годовъ, изъ мальчиковъ вскорѣ сдѣлался прикащикомъ.

Вскорѣ домъ Кирьяковыхъ упалъ (*) и молодой прикащикъ Крашениниковъ, уже довольно близко освоившійся съ торговымъ дѣломъ перешелъ прикащикомъ же къ купцу Сѣрикову.

Уже съ этого ранняго и разумѣется крайне недостаточнаго средствами времени—въ Крашениниковѣ замѣтна была склонность къ доброму дѣлу, къ благотворительности. Съ этого же времени, изъ своего скуднаго жалованья, онъ начинаетъ помогать бѣднымъ и еще бывши прикащикомъ у Кирьякова первую скопленную имъ не большую сумму отдаетъ матери на приданое своей старшей сестры.

У Сѣрикова онъ такъ честно и добросовѣсто повелъ свои дѣла, что тотъ, при разширеніи своего дѣла отдѣлилъ ему особую лавку, въ которой все дѣло сдалъ ему на отчетъ.

(*) Изъ дома Кирьяковыхъ выдѣляется тоже одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей—Клавдій Афанасьевичъ Кирьяковъ: его хотя кратковременная, но энергическая дѣятельность принадлежитъ къ одному изъ любопытнѣйшихъ періодовъ жизни Москвы — въ генералъ-губернаторство графа Закревскаго. Къ характеристикѣ этой дѣятельности мы обратимся въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ нашего «Сборника», если получимъ на то согласіе Клавдія Афанасьевича.

Въ это время онъ лишается своей матери и то, что составляло его избытокъ идетъ на ея похороны.

Продолжая, такимъ образомъ, свои занятія, въ двадцать семь лѣтъ, опираясь на свои знанія и торговую опытность, на свою извѣстность дѣловаго человѣка и на кредитъ, который въ то время всѣмъ этимъ легко пріобрѣтался, Михаилъ Ивановичъ изъ прикащиковъ становится самостоятельнымъ торговцемъ, а вскорѣ и семьяниномъ, женясь на дочери юрьевского купца Шевелкина и заводитъ ткацкую бумажную фабрику.

Съ этаго то времени начинается для него пора постоянного и довольно быстрого обогащенія... Обогащается онъ не въ слѣдствіе своего фабричнаго дѣла, а чрезъ свои торговые обороты бумажною пряжею, знаніе которой пріобрѣтается имъ не только какъ торговцемъ, но какъ и фабрикантомъ. Точность и аккуратность въ веденіи своихъ торговыхъ дѣлъ онъ доводитъ до такой степени, что обращаетъ на себя вниманіе и располагаетъ къ себѣ не только русскихъ капиталистовъ, но и иностранныхъ, главнымъ образомъ оптовыхъ торговцевъ пряжей. — Имя Крашенинникова слышится даже и на европейскихъ биржахъ.

Въ этотъ періодъ его посѣщаетъ горе — умираетъ его жена, оставляя послѣ себя пятерыхъ дѣтей, какъ выразительно говорится, малъ-мала-меньше...

Это былъ весьма значительный ударъ для Михаила Ивановича: онъ любилъ свою жену, жили они въ добромъ согласіи; ударъ этотъ понятенъ только тому, кто самъ переживалъ его, и много, много надо энергіи, чтобы послѣ него идти по прежнему пути, съ прежнею неустанностію и энергіею. Но Крашенинникову въ его дѣлѣ обогащенія, помогала какъ говорится сама судьба — усиленіе русскихъ ситцевыхъ и бумажныхъ фабрикъ усилило и его дѣло: съ своимъ знаніемъ и опытностію, съ своими заграничными связями и непрерывающимися сношеніями, онъ становился какъ бы посредникомъ между иностранцами и своими еще неопытными, только что начинающими родичами и счелъ за грѣхъ отказаться отъ подобнаго призванія. Можно съ увѣренностію сказать, что большая часть нашихъ ситце-

выхъ и бужныхъ фабрикантовъ, такъ или иначе, обязана Крашенинникову, что рѣдкій фабрикантъ не былъ въ его кредитѣ. Судьба этого человѣка на самомъ дѣлѣ завидная: имя его историческое, не только по его замѣчательной благотворительности, но и по развитію у насъ бумажной и ситцевой фабрикаціи, въ которой онъ является какъ опытный дѣятель и руководитель.

Наконецъ одно чисто ужъ случайное, политическое обстоятельство окончательно сдѣлало его милліонеромъ: въ сороковыхъ годахъ, вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ отношеній ввозъ хлопка былъ запрещенъ, цѣны на наличные запасы его удвоились и утроились, и капиталъ Крашенинникова, имѣвшаго значительные запасы этого товара, достигъ весьма значительной цифры, къ этому же времени относится и обогащеніе Мазурна.

По всѣмъ признакамъ, повѣрьямъ и рассказамъ Михаилъ Ивановичъ былъ опытный купецъ, съ природнымъ купеческимъ тактомъ и съ большими, такъ называемыми, коммерческими способностями; кромѣ того много особенныхъ, чисто народныхъ чертъ входило въ характеръ его торговой дѣятельности: такъ онъ умѣлъ расположить къ себѣ покупателя, пріучить его къ себѣ: случалось иногда даже, что повидимому онъ бы кажется терять выжидая *своего* покупателя и не продавалъ *чужому*, покунавшему у него въ первый разъ, иногда и цѣна даже, даваемая такимъ покупателемъ была выше той, которую онъ получалъ отъ своего, но не смотря на это онъ ждалъ его, и въ общемъ результатѣ выигрывалъ. Другою не менѣе крупною чертою его торговыхъ пріемовъ было никогда не протестовать векселей и ни въ какомъ случаѣ не доводить до взысканія. Этимъ, какъ онъ выражался, онъ *щупалъ* человѣка — узнавалъ его суть, потому, что если хочетъ заплатить и безъ протеста заплатить, и безъ взысканія, а ужъ плохой тотъ купецъ, который доводитъ себя до протеста, плохъ тотъ и продавецъ, который кредитуетъ подобнаго покупателя. — Чѣмъ шире и вольготнѣе въ торговомъ быту, чѣмъ менѣе мертвой формальности, тѣмъ удачнѣе дѣло и опытный купецъ, сильный человѣкъ рѣдко протестуетъ документы. Это

имѣть мѣсто и до настоящаго времени, такъ за вѣрное извѣстно, что покойный П. С. Малютинъ, оставившій послѣ себя значительное состояніе, тоже никогда не протестовалъ документовъ (*).

Вглядываясь въ подробности характера Михаила Ивановича, во всемъ ясно видишь особенную, какъ бы прирожденную избраннымъ людямъ силу, которая только и проявляется у насъ, что либо яркое или замѣчательное — это не та сила, которая претъ во всѣ стороны, такъ называемыхъ нашихъ *широкихъ натуръ*, а та, которая незамѣтно сосредоточиваетъ въ человѣкѣ ту мощь, которую онъ проявляетъ безъ шума и безъ эффектовъ, развѣ только отличаясь отъ другихъ какими-то ни было особенностями и странностями. Такъ и въ характерѣ Крашенинникова, явно, рядомъ съ его широкою, добротою мы встрѣчаемъ самую крайнюю аккуратность и отчетность: въ дѣлахъ своихъ домашнихъ расходовъ, онъ не терпѣлъ ни какой роскоши и соблюдалъ въ нихъ всевозможную экономію: онъ точно зналъ, что и въ какое время покупать изъ жизненныхъ припасовъ, при покупкѣ постоянно и настойчиво торговался, всесторонне зналъ свои домашніе расходы за нѣсколько лѣтъ, и всегда соображалъ ихъ съ обстоятельствами. Милліонеръ и такая аккуратность! Быть можетъ это явленіе покажется не нормальнымъ, — это уже что-то похожее на скупость, на скарѣдность, на стѣсненіе семьи, въ ея свободной жизни.

Но этого-то всего именно и не было въ характерѣ Михаила Ивановича — онъ во всемъ умѣлъ сохранять ту золотую средину, которая въ соединеніи съ его другими качествами и отличала его отъ подобныхъ ему людей. Вспоминая его убѣжденіе, что все нажитое взято имъ взаймы у бѣдныхъ людей, и что все это онъ долженъ возвратитъ имъ, еще болѣе уясняешь себѣ и эту черту его характера. Чтобы поступить такъ, какъ поступилъ Крашенинниковъ, въ тайнѣ раздававшій свои милліоны, надо имѣть сильный характеръ, который сказывался въ немъ въ каждой чертѣ.

(*) Со временемъ мы надѣемся представить біографію и этою замѣчательнаго дѣателя нашего торговаго быта

Въ самомъ образѣ его жизни, правильной, размѣренной и однообразной выясняется сознательная натура, которая основавшись въ жизни, освоившись, твердо шла къ своей цѣли и если мы припомнимъ, что его планъ благотворенія, начавшійся приводиться въ исполненіе съ 1839 года открылся лишь съ его смертію, то смѣло можемъ сказать, что у этой жизни была цѣль, что въ своей простотѣ душевной онъ сознавалъ и чувствовалъ то, что открыто говорятъ передовые люди, хотя можетъ быть у него эти убѣжденія не были въ такой степени сознательны, какъ у нихъ.

Образъ жизни его былъ по б. ч. однообразный, размѣренный, какъ уже у установившагося человѣка: вставалъ онъ въ 5 часовъ, до 8 постоянно оставался въ своей комнатѣ, въ 9-ть пилъ чай среди своего семейства, все время до обѣда былъ занятъ своею дѣловою перепискою, въ три отправлялся въ городъ, гдѣ и оставался до 6—7 часовъ, иногда, особенно въ молодости, вечеромъ на короткое время бывалъ въ купеческомъ собраніи, которое и до сихъ поръ не способно привлечь надолго серьезнаго человѣка по совершенному отсутствію въ немъ всякаго общественнаго элемента.

Во всемъ въ немъ, въ его женитьбѣ не рутиннымъ образомъ, не смотря на множество предлагаемыхъ ему выгодныхъ партій — въ первый разъ на дочери недостаточнаго юрьевского купца Шевелкина, а во второй на Липинской, въ его образѣ жизни, въ его своеобразныхъ выраженіяхъ сказывалась въ немъ оригинальная даровитая натура и весьма симпатичная личность. Своеобразныя выраженія его болѣе всего свидѣтельствуютъ о его народномъ складѣ ума, которымъ онъ долженъ быть дорогъ всякому истинно русскому человѣку.

Во многихъ случаяхъ онъ особенно былъ скупъ на слова, его краткія выраженія болѣе всего касались обыденной жизни, изъ которой при своихъ огромныхъ средствахъ, онъ не любилъ дѣлать чего либо необыкновеннаго и всегда старался привести ее къ той естественной простотѣ, которая зовется нормальностію: *пойдемте ка дрова рубить* говорилъ онъ вмѣсто приглашенія обѣдать или ужинать, дѣйствіе, которому въ наше время придается весьма важное

значеніе, доводящее многія купческія семьи до того, что, какъ это нерѣдко говорится, они проѣдаются и пропиваются. Всѣ тѣ, часто весьма сложныя хлопоты по домашнему хозяйству, въ слѣдствіе которыхъ въ домахъ современныхъ коммерческихъ тузовъ — своего рода купческой аристократіи, неизмѣримо уже во всемъ низшей аристократіи по происхожденію — составляются цѣлыя штаты... вмѣсто всѣхъ этихъ хлопотъ милліонеръ Крашенинниковъ говорилъ коротко: *«надо вотъ товарцу вымѣнять»* и отправлялся нерѣдко самъ на базаръ закупить провизіи этого году.... *Притесать*, *други надо каждую вещь притесать*, говорилъ онъ нерѣдко вмѣсто уговориться, приладить, сторговаться. — *Примѣрить* на его языкѣ тоже означало уговориться, приладить сторговаться, обѣлечь — справиться, обсудить, распросить; и въ этомъ выраженіи не мало выражалось его привычекъ ничего неговорить близко не разузнавши; по его мнѣнію близкое знакомство съ человекомъ б. ч. обѣляло его — черта и характерная, и достойная уваженія. — Время, видимо, не считалось имъ за ничто, не считался за ничто и трудъ, весьма еще мало цѣнимый у насъ при деньгахъ, на это ясныя доказательства мы находимъ въ его выраженіи — *работой квитъ*, которое на его языкѣ означало напрасный трудъ или несостоявшееся дѣло.

Такимъ образомъ, и въ этомъ слабомъ очеркѣ, Михаилъ Ивановичъ оказывается живымъ человекомъ. Остается только сказать два слова о его наружности, что, впрочемъ, не замѣнитъ его портрета, который къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности приложить. Михаилъ Ивановичъ былъ средняго роста, скорая, какъ бы порывистая, походка его и твердый голосъ ясно выражали въ немъ тотъ характеръ, который болѣе или менѣе обрисовался предъ нами... Бѣлое, добродушное лицо его окаймлялось темнорусыми волосами, которые онъ довольно коротко стригъ; ходилъ онъ, какъ говорится, по нѣмецки, обыкновенно въ сюртукъ, иногда во фракъ, и постоянно въ бѣломъ галстукѣ. Вообще онъ былъ до послѣдняго времени своей жизни весьма чистъ и опрятенъ и въ этомъ смыслѣ пожалуй и не народенъ. Не утомляя болѣе читателей перечисленіемъ менѣе важныхъ фактовъ его жизни, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о его

послѣднемъ времени и о смерти, которая болѣе всего была результатомъ случайности и въ которой главная вина падаетъ на извозчика, слѣдовательно на одного изъ тѣхъ бѣдняковъ, которымъ онъ всю жизнь благотворилъ.

Сокративши свои дѣла, а потомъ и со всѣмъ прекративши свое торговое дѣло, Михаилъ Ивановичъ по утру и по вечеру любилъ ходить пѣшкомъ, и отъ своего мѣстожителства св. Іоанна Вонна, что за Москвой рѣкою, противъ котораго стоялъ его небольшой каменный домъ, почти каждый день дѣлалъ прогулки б. ч. къ Серпуховской и Калужской заставамъ... Напути онъ обыкновенно останавливался, разговаривалъ съ попадавшимися рабочими; вслушивался въ ихъ нужды, перѣдко записывалъ адреса бѣдныхъ людей и скрытно помагалъ, истинной, всетерпящей про себя свое горе нуждѣ. — Карманы его во время этихъ прогулокъ постоянно были наполнены мѣдью, которую онъ раздавалъ попадавшимся, и если, какъ большею частію случалось денегъ у него не доставало, — то онъ заходилъ подорогѣ въ какую нибудь лавку, гдѣ всѣ его знали, бралъ займы и продолжалъ свою прогулку.

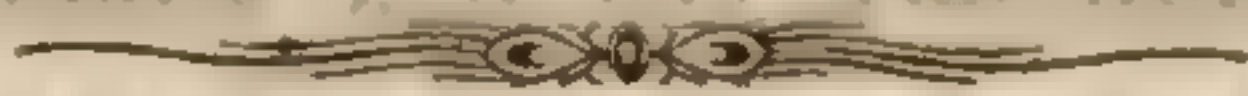
Сложившись въ благотворителя бѣдности, онъ не могъ равнодушно пройти мимо ея, мало того, онъ извинялъ даже и пороки, порождаемые бѣдностью, на это есть фактъ: когда во время одной изъ его подобныхъ прогулокъ у Каменнаго моста напали на него неизвѣстные люди и потребовали у него денегъ, называя его даже по имени—онъ отдалъ имъ все, что было съ нимъ, просилъ только оставить свои любимые часы, которые и не были тронуты, и никогда потомъ не искалъ, не преслѣдовалъ, что съ его средствами, было безъ сомнѣнія возможно. Онъ только, какъ бы болѣе задумывался послѣ всякой несправедливости противъ себя; видно, что сложные мысли подымали въ немъ подобныя случаи, но онъ ни какъ не высказывалъ ихъ... Его не любовь къ веденію формальныхъ дѣлъ, можетъ быть нѣсколько намекаетъ на эти мысли. И еще яснѣй становятся она по прочтеніи книги Оуена, «образование человеческого характера».

Въ одной изъ подобныхъ прогулокъ въ 1845 году, Ми-

хаилъ Ивановича, сбилъ съ ногъ проѣзжій извозникъ; отъ удару и неожиданности онъ потерялъ память. Ъхавшій на этомъ извозникѣ привелъ его въ чувство и предложилъ этого же самого извозника для доставленія его домой. Михаилъ Ивановичъ доѣхалъ, чувствуя сильную боль и незлобиво расселся съ извозникомъ... Послѣ обѣда ему стало дурно, онъ признался, что упалъ и принялъ предложеніе послать за докторомъ... На этотъ разъ ему помогли, но этотъ ушибъ былъ причиною его смерти, припадки повторялись періодически до 1849: 3-го января, они уложили его въ постель; онъ умеръ на 73 году.

Случайность его смерти отъ неосторожности бѣдняка, которымъ онъ всю жизнь благотворилъ невольно дѣлаетъ грустное впечатлѣніе.

Вдумываясь и вглядываясь въ характеръ этого человѣка, въ связи съ тремя личностями представленными нами прежде, положительно преходишь къ заключенію, что наше купечество имѣетъ подъ собою добрую и богатую почву, которою оно всегра съ большою пользою для себя и для цѣлаго русскаго общества можетъ воспользоваться.

СМѢСЬ.

I.

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО НА СЛУЖБѢ.

Купечество, какъ извѣстно, выбирается во многія должности по службѣ; въ прежнее время на одномъ купечествѣ лежало веденіе всего городского хозяйства и городской голова выбирался всегда изъ купечества, теперь это, какъ извѣстно, перемѣнилось къ лучшему, но все-таки выборы на службу изъ купеческаго званія и вообще купечество на службѣ — предметъ очень интересный, по поводу котораго придется тряхнуть и стариной.

Мы далеки отъ того, чтобы въ этихъ выборахъ видѣть что-нибудь подобное турниру; гдѣ бы сшибались на черныхъ и бѣлыхъ шарахъ личныя способности, направленіе, характеръ, энергія человѣка независимо отъ его матеріальныхъ благъ или обстановки, — намъ до этого еще куда, куда далеко, да существуетъ ли оно и гдѣ нибудь? Но хотя бы небольшое сознаніе общественной обязанности, хотя бы поменьше равнодушія къ святому дѣлу общественнаго служенія.

Признаемся, насъ коробитъ отъ частехонько слышимаго разговора:

«Что, братъ, выбрали что-ль?»

— Выбрали.

«Куда?»

— Да въ коммерческій....

«Ну, ничего — тамъ чиновники хорошіе.»

И это между водкой и закуской или за тремя, четырьмя парами чая, будто одно и то же:

«Пообѣдалъ, что-ль?»

— Пообѣдалъ молъ.

Объ обѣдѣ, впрочемъ, далеко болѣе заботятся и гораздо болѣе входятъ въ его подробности; вотъ еще недавно угощали одно важное лице по подпискѣ по 20 р. с. Пусть было бы у насъ отличительное свойство купечества—дѣйствительность, реальность, оно было бы и хорошо, но только тогда, когда не черезъ-чуръ въ нее все погружается. Выборы, разумѣется, не обходятся безъ поясныхъ поклоновъ кому слѣдуетъ.

Вслѣдствіе чего эти поясные поклоны? Неужели только вслѣдствіе того, чтобъ дали мѣстечко полегче? Мы знаемъ много энергичныхъ личностей, которыя не подлежатъ службѣ по разнымъ сословнымъ и родовымъ перегородкамъ; уничтожьте эти перегородки, отворите шире двери обществу; въ настоящее время нужны люди, а не замѣщенныя кѣмъ попало должности и въ однихъ ли это купеческихъ выборахъ? Случалось намъ имѣть дѣла и частыя столкновенія съ однимъ богатымъ помѣщикомъ, владѣвшимъ заселенными имѣніями во многихъ губерніяхъ. Однажды онъ пріѣзжаетъ въ Москву прямо съ дворянскихъ выборовъ и ругаетъ ихъ страшно. «Скажите, пожалуйста», сказалъ ему одинъ изъ присутствовавшихъ при разговорѣ, «неужели въ этой губерніи выборы хуже всѣхъ другихъ губерній.»

«Знаете ли», возразилъ ему словоохотливый помѣщикъ, «я бываю постоянно на выборахъ болѣе чѣмъ въ шести губерніяхъ, и всякій разъ мнѣ казалось, что тѣ выборы, на которыхъ я былъ, самые скверные.»

Что же сказать намъ о купеческихъ выборахъ? По крайней мѣрѣ они никакъ и никакъ не лучше.

Мы знаемъ, наши собраты сердятся на насъ за прямую, откровенную рѣчь, они готовы требовать чтобы свой человекъ, принадлежащій ихъ обществу и умѣющій связать нѣсколько словъ, писалъ имъ хвалебныя рѣчи; что человекъ, опять-таки свой, долженъ и душой и тѣломъ принадлежать обществу. Пожалуй, есть и справедливость въ этомъ требованіи, но это справедливость для такого обще-

ства, какимъ его желаютъ видѣть, какимъ оно должно быть, въ свою очередь, а не для такого, какого оно на самомъ дѣлѣ.

При выборѣ въ разныя должности, прежде всего надо бы *выбирать* людей достойныхъ, пригодныхъ и способныхъ, а не замѣщать кумомъ или сватомъ опроставшіяся легкія мѣста. Напримѣръ: при выборѣ въ члены совѣта московскаго коммерческаго училища и практической академіи (мѣста легкія) слѣдовало бы болѣе всего обращать вниманіе на людей, имѣющихъ хотя какое нибудь образованіе, или, по крайней мѣрѣ, живое сочувствіе къ нему. Неужели не найдется нѣсколько такихъ чело­вѣкъ въ члены нашихъ коммерческихъ заведеній? Найдется и среди нашего купеческаго общества, найдется и смѣна имъ, на нихъ и надобно обратить вниманіе, а не на тѣхъ, кто объ этихъ мѣстахъ хлопочетъ и кланяется какъ объ удобныхъ для проведенія на нихъ, безъ особенныхъ тревоженій, обязанныхъ служебныхъ лѣтъ.

Въ отношеніи дома градскаго общества нельзя теперь не порадоваться тому, что туда пробились наконецъ двое, трое изъ людей еще не старыхъ и довольно свѣтло и современно смотрящихъ на дѣло. Мы хватаемся за нихъ, какъ утопающій за соломенку и просимъ ихъ обратить на все окружающее поболѣе вниманія.

Не мѣшало бы, напримѣръ, постараться вывести изъ лексикона чиновниковъ ихъ всеневныя выраженія, особенно въ отношеніи небогатыхъ людей — *ты, тебѣ, бери, ниши, получай*. Прекрасно это *ты и тебѣ* при равенствѣ отношеній, при отвѣтахъ тѣмъ же самымъ пріятельскимъ тономъ; но сильно непріятно звучатъ они въ полуначальническомъ голосѣ, которымъ привыкъ у насъ говорить всякій, отъ кого хоть что нибудь зависитъ, или, вѣрнѣе, кто можетъ хотя чѣмъ нибудь вамъ подгадить. Неужели уже въ самомъ дѣлѣ купецъ до сихъ поръ долженъ сносить выраженія, подобныя гнѣвно расходившемуся Сквознику-Дмухановскому — *аршинники, самоварники и т. п.* ? Пора быть погуманнѣе къ этому полезному и производительному, ужъ во всякомъ случаѣ не менѣе чиновниковъ, классу.

Въ словесный судъ надо бы всѣми силами стараться выбирать *словесныхъ* людей, — это *вѣдь* не шутка, а первое основаніе открытому словесному судопроизводству.

Въ Коммерческій Судъ необходимы люди энергическіе и съ характеромъ, которые бы кромѣ знанія купческаго дѣла умѣли бы и защитить его, а то мы довольно уже насмотрѣлись на безгласныхъ членовъ, сажаемыхъ по ту или другую сторону, въ одномъ отдѣленіи предсѣдателя, въ другомъ его помощника, которые при разспросахъ и иногда при разныхъ хитросплетеніяхъ тяжущихся только хранятъ молчаніе и отдають все дѣло на добрую волю чиновниковъ. Въ Москвѣ составъ Коммерческаго Суда хорошъ, но дѣло не въ одной Москвѣ.

Много бы можно было сказать о положеніи купчества на службѣ, но это дѣло уже большихъ статей, а мы помѣщаемъ здѣсь замѣтки.

II. *Служба купечества*

ПРОЦЕДУРА ОБЪЯВЛЕНІЯ КУПЕЧЕСКИХЪ КАПИТАЛОВЪ ВЪ СТАРОЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ.

Кому не извѣстно, что наша внутренняя торговля окружена самыми разнообразными формальностями. Рѣчь о необходимости преобразованій въ разныхъ частяхъ нашего городского устройства, не новая, но если она и не нова, то все же не мѣшаетъ подѣ часъ заглянуть въ старину, и вотъ мы попробуемъ заглянуть на этотъ разъ на крайне сложныя формальности въ дѣлѣ чрезвычайно простомъ и обыкновенномъ, каково напр. внесеніе купческихъ капиталовъ.

Перечислимъ просто и безъ всякаго преувеличенія тѣ инстанціи и тѣ формальности, которыя должно было въ доброе, старое и еще недавнее время пройти для такого обыкновеннаго дѣла, какъ взносъ денегъ.

1) Необходимо было отправиться къ приходскому священнику и взять или выпросить у него свидѣтельство, православецъ ли и бываешь ли у исповѣди и св. причастія.

Отъ церкви переходятъ къ дому градскаго общества, отъ священника къ *губернатору*.

2) *Сторожа* за гербовой бумагой, и потому именно къ сторожамъ, что бумага уже, нѣкоторымъ образомъ, приготовлена къ дѣлу... Берешь гербовую бумагу, платишь, не смотря на вывѣшенную таксу, чуть не вдвое, и такъ какъ скидать платя, для того чтобъ войти въ присутственное и вообще общественное мѣсто, у насъ вообще мало въ обыкновеніи, то въ шубѣ, а часто и въ калошахъ (дѣло, какъ извѣстно, совершается зимою, вообще съ 1-го ноября), поднимаешься на третью ступень...

3) Къ *г. столоначальнику* съ поклономъ, свидѣтельствомъ и съ гербовой бумагой... Пишется прошеніе отъ желающаго объявить капиталъ. Съ прошеніемъ дѣлаешь еще шагъ.....

4) Къ *г. присутствующему*, гдѣ получаютъ пошлины, объявляется капиталъ и выдается бумага, приготовленная для написанія свидѣтельства, или такъ называемое печатное свидѣтельство; тутъ же выдаются билеты и на лавки, повѣряемыя въ свое время установленной для этого, и для прочаго въ этомъ родѣ, торговой депутаціей.

Тутъ же наконецъ предлагается *коробочка*, съ надписью на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «на бѣдность», даютъ большею частію, безъ всякаго сознанія, на какое именно употребленіе идетъ все это... Тутъ же можно, и большею частію, должно получить билетъ на *губернскія вѣдомости*, а иногда и прочіе журналы разныхъ вѣдомствъ.

Потомъ слѣдуетъ идти 5) къ *г. повѣтчику*, гдѣ получишь наконецъ самое свидѣтельство.

Отъ повѣтчика, на очереди 6) *бухгалтерія*, гдѣ крестообразно засѣдаютъ четыре чиновника съ книгами; росписываешься *въ трехъ книгахъ*: въ одной — что свидѣтельство получилъ; въ другой — такой-то — имя, отчество; въ третьей ей приходится писать едва не одну фамилію. Зачѣмъ для этой росписки заведено было именно три книги, съ четырьмя при нихъ чиновниками — трудно понять.

Но вотъ на очереди 7) *г. секретарь*, который *просматриваетъ* большею частію, не смотря на то, все ли исполнено по формѣ, записываетъ и, бывало, отпускаетъ съ миромъ.

Но это еще не все — идешь опять 8) къ г. присутствующему, который, осмотрѣвъ подпись секретаря, подписываетъ выданное г. повытчикомъ свидѣтельство и главною для себя обязанностію ставить взглянуть, есть ли подпись секретаря, или письмоводителя, и это не изъ желанія порядка, а скорѣе изъ челоѡкоугодливости... Слѣдуетъ новая инстанція и еще ступень — уже къ низу:

9) *Сторожа*, которые кладутъ печать, и наконецъ-то оканчиваютъ дѣло. Остается расплатиться, въ послѣдній разъ сложить и спрятать драгоцѣнность... слава Богу!

Вотъ самое краткое изложеніе *старой процедуры внесенія капитала*.

Кромѣ того въ этомъ же дѣлѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе и время, назначаемое для принятія капитала. Въ старое еще не давнее время, кромѣ утреннихъ назначались еще вечернія присутствія для принятія капиталовъ.

Вечернія присутствія — явленія довольно оригинальныя и вызывались они потребностію также оригинальною: присутствія эти открываются не болѣе, какъ для приѣма пошлинъ за торговлю и вмѣстѣ съ тѣмъ за имя и права купца. Приѣмъ этотъ начинался обыкновенно съ ноябрю; отъ 10-го же сего мѣсяца по новый годъ и вечеромъ. Домъ градскаго общества остался какъ нельзя болѣе вѣренъ своимъ старымъ преданіямъ до послѣдняго времени. Процедура приѣма капиталовъ умерла съ тою же героическою упорностію, которая составляла главную черту ея дикаго характера, во все время ея полной жизни. Должно быть, поговорка-то справедлива, что старость упряма.

Обыкновеніе вечернихъ присутствій теряется въ цѣломъ рядѣ дѣлъ: вѣроятно-же всего, оно было вызвано недосугомъ дня для торгующаго класса и русскою привычкою оставлять дѣла, подобныя взносу капиталовъ, до послѣднихъ дней и все подгонять къ самому концу. Процедура взноса, носящая на себѣ чиновническій слѣдъ и пахнущая уже не купеческимъ духомъ, вынудила всего скорѣе это обыкновеніе: если пропадать даромъ, такъ лучше уже пропадать вечеру, чѣмъ дню. Нигдѣ не уйдешь отъ чиновничества, и здѣсь-то оно, Богъ вѣсть какими путями привившееся къ

слова, не умѣющіе ни объяснить ничего, ни изложить дѣла, знающіе одно — кланяться да приговаривать: слава Богу! слава Богу! Это еще тѣмъ страннѣе, что поговорите вы отдѣльно со многими купеческими личностями, вы найдете множество ума и встрѣтите массу практическихъ свѣдѣній. Но та же личность является вамъ представителемъ сословія, — Господи! куда дѣвался умъ? куда спрятались свѣдѣнія? Но обратимся къ самому градскому обществу, не къ тому, или другому, но къ обществу съ его общимъ, типичнымъ видомъ, какой мы встрѣчаемъ его у насъ — уввы! почти повсюду.

Не имѣя и тѣни непочтенія къ сѣдинамъ и трудной работѣ нашего почтеннаго стараго купечества, напротивъ, съ большимъ и большимъ уваженіемъ, смотря на его дѣятельность и чтя его не барскій, а вполне мозолистый трудъ, безъ зависти любимся мы его успѣхами и обогащеніемъ, именно потому, что съ этимъ обогащеніемъ непременно соединяется понятіе и о развитіи благосостоянія во всемъ краю, обогатившемъ того или другаго человѣка. Еще недавно мы говорили, и готовы говорить, «что, встрѣчая привѣтомъ молодое поколѣніе дѣятелей, радуясь большому его умственному развитію, мы желаемъ ему той силы дѣятельности и той неуступчивой настойчивости въ дѣлѣ, какою отличались многіе и весьма многіе изъ стариковъ нашего купечества». Все это такъ, все это истинно въ отношеніи отдѣльной, личной дѣятельности; но все это не мѣшаетъ намъ быть справедливыми въ отношеніи общественной дѣятельности купечества. Къ чему, во-первыхъ, получивши отъ общества крупную общественную должность, злоупотреблять членами этого общества? Къ чему же въ общественномъ дѣлѣ являться семейнымъ самодуромъ, — это для однихъ характеровъ, для другихъ же этихъ къ чему же, найдется также не мало. Къ чему напримѣръ щеголять одною виѣшностію, къ чему принаровляться къ образу дѣйствія головы за то только, что онъ выше титуломъ, къ чему не сумѣть сохранить въ своемъ общественномъ учрежденіи духъ своего общества и не заставить уважать неприкосновенность его права? Всѣ это

весьма важные «къ чему».... Однако вѣдь это замѣтка о процедурѣ объявленія капиталовъ, обратимся же къ ней.

Пріемъ капиталовъ по новому положенію начался съ 1-го іюня 1863, срокомъ пріема назначенъ мѣсяць. Новое положеніе о правѣ на торговлю главнымъ образомъ отличается отъ стараго тѣмъ, что вмѣсто трехъ гильдій остается двѣ, которыя уже не зовутся гильдіями, а разрядами, хотя купечество еще до сихъ поръ удерживаетъ за ними старыя названія. Кромѣ старо-гильдейскаго права, присуждаемаго выдаваемыми свидѣтельствами, право на торговлю пріобрѣтается особыми для того свидѣтельствами за особую плату, такъ что всѣ расходы по первому разряду свидѣтельства, доходятъ до 420 р. Но важно то, что хотя съ большими ограниченіями можно брать только торговое свидѣтельство и не пріобрѣтая званія купца. Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и при всякомъ замѣчательномъ нововведеніи, невольно является вопросъ, будетъ ли это имѣть какое либо вліяніе на торговлю и на самое торговое и промышленное общество? Вліяніе несомнѣнно, но оно какъ и большая часть нововводилагаго вполнѣ почувствуется въ нашемъ будущемъ; теперь самое важное послѣдствіе его то, что право торговли, хотя въ ограниченномъ размѣрѣ, дается простымъ торговымъ свидѣтельствомъ, между тѣмъ какъ въ прежнее время, которое кончается только первымъ іюля 1863 г., чтобы торговать чѣмъ нибудь, необходимо было брать гильдейскія свидѣтельства. Только одни крестьяне, по особой росписи, торговали по свидѣтельствамъ. Теперь по новому положенію все это уничтожено, слѣдовательно шире растворены двери для развитія торговли, но въ первое время естественно, что въ нихъ вмѣстѣ съ новыми дѣятелями полѣзутъ, едва ли не главнѣе и не прежде всего, старыя навыки и притязанія. Чтобъ сдѣлать это яснѣе, пояснимъ примѣромъ, и выберемъ его такъ, чтобъ онъ нисколько не могъ насъ отдалить ни отъ предмета, ни отъ мѣстности, преимущественно нами рассматриваемыхъ. Для этого мы возьмемъ фактъ простой, который совершился и до сихъ поръ продолжаетъ

существовать у насъ на глазахъ (въ Москвѣ). Въ Петровскомъ паркѣ, на лѣтнее время, открывается до полудюжины овощныхъ лавокъ, прошедшій годъ (1864) ихъ особенно много, и одна изъ нихъ выстроена новая, на церковной землѣ, неподалеку отъ центра гулянья, почти въ центрѣ самаго парка. Выстроена она съ разрѣшенія здѣшняго округа, съ утвержденія здѣшнихъ правительственныхъ архитекторовъ, слѣдовательно имѣетъ всѣ необходимые документы для своего существованія. Тотъ, кто снялъ эту лавку по контракту, также заплатилъ за свое право, и даже, уважая близость церкви, отказался отъ торговли виномъ и не имѣетъ его не только на распивку въ лавкѣ, но и на выносъ. Однимъ словомъ все обставлено всею полнотою законности. Но на бѣду церкви, на землѣ, на которой выстроена лавка и которая въ ней вѣроятно нашла бы увеличеніе доходовъ, еще на горшую бѣду лавочника, снявшаго еѣ, случилось такъ, что лавка выстроена на самой границѣ церковной земли съ землею дворцовой конторы, которая владѣетъ всѣмъ паркомъ. Вотъ единственная причина и поводъ, по которому мѣстное распоряженіе запрещаетъ торговлю въ лавкѣ и не даетъ къ ней доступа имѣющимъ нужду въ овощномъ, мясномъ и т. п. товарѣ, которымъ лавка и торгуетъ. Само собою разумѣется, что такъ какъ, при открытіи въ ней торговли, соблюдена вся законность, то запретъ тутъ былъ не прямой, а косвенный: ни начальство конторы и никакая отдѣльная личность разумѣется не могли сломать лавки, не могли закрыть ее, но они въ началѣ заставили входъ въ нее рогатками, а потомъ загородили ее заборомъ, такъ что доступъ къ лавкѣ съ лицевой стороны совершенно прекращенъ и остался только доступъ сзади, съ монастыря, совершенно неудобный и, разумѣется, убыточной для мелочной, да и вообще для всякой торговли. Чѣмъ же руководствовались сдѣлавшіе стѣсненія въ поставленіи рогатокъ, и потомъ чѣмъ руководствовались они въ постройкѣ своего забора? Закономъ о границахъ, то есть тѣмъ, по которому каждый землевладѣлецъ можетъ отгородить свою землю отъ сосѣда? Но кто же не согласится, что въ описываемомъ нами случаѣ ссыла на такой законъ есть ни

больше, ни меньше, какъ путь къ притѣсненію? Паркъ—не дворъ частнаго владѣльца, — это мѣсто общественнаго гулянья; на подобномъ основаніи пришлось бы затворить въ Москвѣ всѣ лавки, которыя выходятъ на улицу или на площадь. Еще пожалуй можно было бы найти кой какое оправданіе такихъ дѣйствій въ безобразіи, если бы хозяинъ лавки заводилъ торговлю виномъ, что причиняетъ главное безобразіе; но этого нѣтъ, къ тому же и лавка кругомъ въ зелени, она не можетъ портить и вида. Что же вызвало такой странный фактъ, который обращаетъ на себя невольное вниманіе: полуотворенная лавка, вывѣска—пріемъ писемъ на городскую почту и новый заборъ со всѣхъ сторонъ и предъ самыми растворами? (Въ 1868 г. лавка уже совершенно закрылась). Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы и приближаемся къ разъясненію того, что мы называли старыми обычаями и прежними притязаніями, которые, видимымъ образомъ, полѣзли съ новыми дѣятелями въ нашу торговлю. Одну изъ существующихъ въ паркѣ овощныхъ лавокъ снялъ кто-то изъ дворянъ, кто-то въ чинѣ майора или около; тутъ и родственныя отношенія и связи кое какія, и смѣлость, которая, какъ извѣстно, города беретъ, отъ чего же ей не взять простую лавочку? Пожалуй, если хотите, это фактъ мелочной, ничтожной; но въ обиходной жизни все составлено изъ ничтожностей и мелочей. Подобныя мелочи бросаютъ не мало свѣта на положеніе у насъ торговца и купца, не принадлежащаго къ привилегированному сословію. У упомянутаго нами торговца видно нѣтъ связей, онъ по неволѣ и долженъ торговать въ огороженной лавкѣ; будь связи и въ мигъ бы слетѣлъ выросшій по протекціи заборъ. Вотъ такого-то рода незначительности, составляющія всю сущность ежедневной торговли и мелкой промышленности, и могутъ служить нѣкоторымъ образомъ мѣриломъ того, какъ еще трудно человѣку небольшому, хотя бы и правому, бороться съ сильнымъ, хотя бы и безправнымъ. Утѣшимся хотя тѣмъ, что пришло время, когда неправдѣ надобно прикрываться хотя личиною справедливости, что для прогнанія изъ парка лишней, тому или другому неправящейся лавки, нужно прибѣгать къ постройкѣ забора, а

бывали и другія времена, и давно ли бывали они, когда просто за просто велѣли бы убираться прочь и за то еще сказалъ бы спасибо, что убрался по добру и по здорову.

Хотя нашимъ рассказомъ мы и не ушли отъ введенія новыхъ порядковъ въ торговлѣ, но не много удалились отъ новаго порядка объявленія капитала и полученія торговыхъ свидѣтельствъ.

Въ прошлое старое, но нечего грѣха таить, вовсе нехорошее время, мы не разъ выставляли сложность и затруднительность процедуры этого, по видимому, простаго процесса. Въ настоящее время сложность эта уничтожена, такъ что наконецъ можно просто оставить документы и деньги купеческому старостѣ и на другой день получить свидѣтельство и все къ нимъ принадлежащее. Любопытно видѣть, какъ идетъ теперь это простое дѣло; но къ сожалѣнію и къ удивленію еще любопытнѣе то, что наше купечество или по крайней мѣрѣ большая часть его держится въ этомъ дѣлѣ стараго порядка, т. е. она предпочитаетъ перейти всѣ инстанціи, даже не прочь бы ублаготворить по прежнему всѣхъ своихъ мнимыхъ начальниковъ и уйдти съ спокойною совѣстію. Правъ Байронъ въ Шильёнскомъ узникѣ:

Онъ за порогъ перешагнулъ
Изъ тюрьмы своей вздохнулъ.

Видно уже такова природа человѣческая, или такова сила привычки, а привычка, какъ извѣстно, есть вторая природа. Случалось намъ спрашивать, зачѣмъ все это теперь, когда, повидимому, ничего такого уже не нужно. Вамъ отвѣчаютъ: «что какъ-то не ловко, что пожалуй обидятся.»

Находимъ излишнимъ вдаваться въ психологическое изслѣдованіе подобнаго явленія; скажемъ только одно, что оно можетъ быть обращикомъ того, какъ само общество, тяготившееся и сильно тяготившееся старыми распорядками, въ собственномъ своемъ составѣ находитъ препоны къ водворенію улучшеній и поддержки безчинію; видно не такъ легко и не скоро стряхнешь съ себя разные страхи и опасенія, нагнанныя старымъ временемъ; видно скорѣе сказка сказывается, чѣмъ дѣло дѣлается; скорѣе написать правила для преобразованій, чѣмъ войти преобразованіямъ въ жизнь.

и въ дѣло. Это относительно нашей повизны къ сожалѣнію справедливо: во многомъ.

III.

ДОМЪ МОСКОВСКАГО ГРАДСКАГО ОБЩЕСТВА ПО КУПЕЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ (НЫНѢ «КУПЕЧЕСКАЯ УПРАВА») СЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТОРОНЫ.

Изложивъ значеніе Дома Градскаго Общества (*) какъ собственника, мы считаемъ не лишнимъ слегка коснуться его и съ другой общественной стороны и поставить ему на видъ его нѣкоторые недостатки.

Обратимся прямо къ примѣрамъ изъ дѣла — все будетъ видно яснѣе.

Лѣтомъ 1862 года Домъ Московскаго Градскаго Общества нашелъ необходимо нужнымъ приступить къ слѣдующимъ общественнымъ постройкамъ: Мытнаго двора, пристройкѣ Мѣщанскаго училища и перестройки Биржи съ застройкою лавками и амбарами пустопорожняго, принадлежащаго ей мѣста, остававшагося до сихъ поръ празднымъ на такой улицѣ, какъ Ильинка. По приблизительнымъ изчисленіямъ постройки эти должны обойтись въ полмилліона руб. сер., а въ обществѣ свободныхъ къ распоряженію денегъ оказалось только сто тысячъ руб. сер.; вслѣдствіе этого и было рѣшено просить у правительства займобразно 500 т. р. с., разумѣется, за проценты и съ погашеніемъ; но такъ какъ ссуды отъ правительства прекращены еще съ 1860 года, то и домъ Московскаго Градскаго Общества получилъ отказъ. Вскорѣ за этимъ въ Домъ Градскаго Общества поступаетъ предложеніе отъ одного частнаго лица — выстроить Мытный дворъ на свой счетъ, по плану общества, съ правомъ пользоваться доходомъ въ теченіи извѣстнаго времени, по минованіи котораго дворъ этотъ поступитъ въ общественное владѣніе и съ даваемымъ имъ доходомъ до 40 т. р. с. ежегодно.

Намъ кажется, что прежде всего для обсужденія этого

(*) См. «Наше купечество и торговля» вып. 1-й Отд. 1-й.

вопроса слѣдовало бы назначить *полное* собраніе общества и подвергнуть обсужденію его слѣдующее:

1) Намѣреніе построекъ и приблизительную оцѣнку расходовъ.

2) Предположенный заемъ и его возможность или неудачу.

3) Предложеніе частнаго лица.

4) Свои собственные средства и мѣры, которыми бы можно было привести постройки къ исполненію.

Будь въ обществѣ лица всѣхъ состояній, лица, которыя знаютъ и чувствуютъ сами тяготу настоящаго времени, принимая даже въ соображеніе ихъ настоящія нематеріальныя средства, дѣло не кончилось бы новымъ налогомъ, противъ котораго слышался въ то время ропотъ.

Но дѣло вышло иначе. Какъ бы то ни было, а оно кончилось предположеніемъ налога на капиталы: 100 р. с. на 1-ю гильдію, 50 — на 2-ю и 10 р. с. на третью. Но такъ какъ, *въ силу закона*, каждый новый налогъ утверждается единственно только съ Высочайшаго разрѣшенія, а въ обществѣ сыщется не мало людей, которые, можетъ быть, и скажутъ: «велико дѣло, какіе нибудь 100—50 р. с. и стоитъ ли объ этомъ разсуждать», то мы считали въ свое время не лишнимъ представить и наши соображенія, которыя весьма многими встрѣчены были съ одобреніемъ.

Утвердивъ своею подписью рѣшеніе общества, именно надбавку на гильдіи, два почтенныхъ представителя здѣшняго купеческаго общества, сходя съ лѣстницы, вели между собой такой разговоръ:

— На что же это однако похоже, и какую гадость мы съ тобой подписали: какіе, братецъ, налоги въ наше время?

— Чего же ты *тамъ-то* молчалъ? ну и говорилъ бы, что тяжело. Тамъ «какъ угодно, какъ общество», а тутъ гадость. Изъ огня въ полымя.

— Хорошо тебѣ разговаривать, какъ есть кому отстоять; а захотѣлъ въ Магистратъ, въ ратманы?

— Ну, послѣ этого и даться нечего; самъ себя ѣшь!

Мы слышали также, что въ то время, когда шло разсужденіе о предложеніи частнаго лица принять на свой счетъ

постройку Мытнаго двора, одинъ изъ членовъ общества всталъ и подалъ голосъ.

— Какъ, господа! да объ этомъ нечего и говорить: *Мы осрамимъ себя предъ Европой, если отдадимъ частному лицу постройку общественнаго зданія!* Неужели же Московское купечество не въ состояніи само собрать и изстратить полмилліона.

Все вѣдь это, говоря искреннѣе фразы, пустыя фразы, отъ которыхъ всѣ мы давно уже страдаемъ. Гораздо было бы и проще, и практичнѣе подумать, нельзя ли прибѣгнуть къ займу, но не у правительства, а у общества, (*) и не легче ли это новаго налога на общество? Мы вполне увѣрены, что мысль о займѣ шевелилась у многихъ, но, вѣроятно, или новый кандидатъ въ ратманы магистрата помѣшалъ, или какъ, дескать, разинутъ ротъ мнѣ, третьей гильдіи, когда молчить или говорить первая. Названіе *высочки* въ нашемъ обществѣ и до сихъ даже поръ даже при засѣданіяхъ общей думы слово почти бранное. Но, къ сожалѣнію, и къ вѣщему сожалѣнію, голосъ въ этомъ обществѣ имѣютъ головы изъ числа «быстро-всеобъемлющихъ», которые и предложили въ то время налогъ и заставили свое мнѣніе идти въ ходъ безъ баллотировки. Но все таки вѣдь ихъ мнѣніе не законъ. Московскому купеческому обществу пора выйти изъ анатіи, пора приняться открыто и гласно обсуждать свои нужды и ходъ распоряженій по общественнымъ дѣламъ, пора перестать играть въ молчанку, а въ общей думѣ, отговариваясь тѣмъ, что тамъ силу забрали дворяне.

Считаемъ не лишнимъ привести при этомъ проектъ, который былъ опубликованъ въ то время въ «Акціонеръ» (1862 г. Января 28) и на который общество не соблаговолило обратить свое вниманіе, между тѣмъ какъ постройка Мытнаго двора замедлилась.

Наше мнѣніе то, говорили мы тогда, что налогъ совершенно несвоевремененъ и отяготителенъ въ настоящее время. Наши дѣла совсѣмъ не располагаютъ къ тому, чтобъ платить болѣе за право имѣть дѣло. Налоги хороши только

(*) Какъ извѣстно этимъ воспользовалось уже и Правительство и уже извѣстно съ какимъ успѣхомъ.

въ экстренныхъ случаяхъ, въ случаѣ войны, общественнаго бѣдствія, и общество наше, кажется, уже не разъ показало, съ какимъ горячимъ участіемъ отзывалось оно на все, что было дѣйствительно необходимо. Постройка же Мытнаго двора дѣло не выходящее изъ границъ обыкновенныхъ потребностей. Жертвъ для этого не надо. Пора идти къ общественнымъ улучшеніямъ путемъ болѣе рациональнымъ, путемъ не жертвъ, а если и не особенныхъ выгодъ, то и не потерь. «Почему бы не прибѣгнуть къ займу у общества», сказали мы въ прежней нашей статьѣ, и вотъ уже встрѣчаемъ цѣлый проектъ, переданный намъ г. В. С. Морецкимъ, который, кажется, не будетъ лишнимъ, какъ новый источникъ необходимой для построекъ суммы, на случай, если бы налогъ не былъ разрѣшенъ, даже если не теперь, то на будущее время.

Вѣроятно общество, предпринимая постройку и испрашивая заемъ у правительства, рассчитывало, что платимые за заемъ проценты, хотя на примѣръ 7% съ погашеніемъ, вознаграждаются полученіемъ увеличеннаго дохода съ Мытнаго двора и отъ пристройки къ биржѣ: иначе, разумѣется, и не могла бы возникнуть мысль объ этихъ постройкахъ на общественныя деньги. Намъ говорили, что одинъ Мытный дворъ обѣщаетъ 40 т. годового дохода. Прекрасно, два раза прекрасно: и польза, и украшеніе города!

Принимаемъ эти 40 т. р. с. ежегоднаго дохода и на основаніи этого дѣлаемъ расчетъ погашенія займа съ вознагражденіемъ за капиталъ займа общества у самого себя. Обществу нужно 500 т. р. с., оно имѣетъ 100 т. р. сер.; 400 т. оно занимаетъ среди себя по 5%; составитъ процентовъ въ годъ:

	Р. С.		
	20,000		Разница противъ дохода.
На погаш. облиг. изъ дохода	10,000		
Расхода въ 1-й годъ	—	30,000	10,000
2-й г. % за 390 т. по 5%	19,500		
Погашеніе	10,000	29,500	10,500
3-й » » » 380 » » »	19,000		
Погашаніе	10,000	29,000	11,000
4-й » » » 370 » » »	18,500		

	Погашеніе	10,000	28,500	11,500
5-й » » » 360 » » »		18,000		
	Погашеніе	10,000	28,000	12,000
6-й » » » 350 » » »		17,500		
	Погашеніе	10,000	27,500	12,500
7-й » » » 340 » » »		17,000		
	Погашеніе	10,000	27,000	13,000
8-й » » » 330 » » »		16,500		
	Погашеніе	10,000	26,500	13,500
9-й » » » 320 » » »		16,000		
	Погашеніе	10,000	26,000	14,100
10-й » » » 310 » » »		15,500		
	Погашеніе	10,000	25,600	14,500
			Итого	122,500

Результатъ нашего разсчета тотъ, что общество, не обременяя никого налогами, напротивъ, довольно выгодно помещая общественныя деньги, само получаетъ въ первыя десять лѣтъ 122,500 р. с. дохода и выплачиваетъ уже сто тысячъ рублей сер. Это кромѣ дохода съ пристройки къ биржѣ. Остальные года, само собой разумѣется, съ каждымъ годомъ дивидендъ общества будетъ увеличиваться, а долгъ уменьшаться. На этомъ основаніи можно бы, кажется, приступить и къ другимъ общественнымъ предпріятіямъ, къ другимъ не менѣе, или не болѣе, необходимымъ общественнымъ постройкамъ, хотя бы къ перемѣнѣ яблочныхъ. что у Ильинскихъ воротъ, деревянныхъ балагановъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, торгуютъ не одними яблоками, которые теперь и не красивы, и каждый день, особенно въ лѣтній, жаркій, грозятъ пожаромъ до тла и уже не разъ горѣли и многому другому, въ чемъ нуждается Москва.

Спросятъ, можетъ быть, какимъ образомъ приступить къ подобному займу? Коротко и просто: допустить по приговору общества добровольную подписку на облигаціи, которыя выпускаются московскимъ купеческимъ обществомъ.

Можно быть вполне увѣреннымъ, что такія облигаціи,

обезпеченныя общественными строеніями и доходомъ съ нихъ, когда бы они не появились, будутъ встрѣчены весьма радушно и найдутъ подписчиковъ, особенно если общество откроетъ пріемъ ихъ подъ учетъ въ банкъ, въ чемъ также трудно видѣть какое либо препятствіе. Напротивъ, этимъ допущеніемъ правительство можетъ выказать свое сочувствіе къ общественнымъ предпріятіямъ въ первомъ ихъ зародышѣ, и вѣроятно поощритъ ихъ; въ этомъ смѣшно было бы сомнѣваться, да притомъ давно уже готовъ проектъ и собственнаго купеческаго банка, котораго, вѣроятно, мы когда нибудь дождемся.

Далѣе наше купеческое общество не разъ уже вызывало упреки своему равнодушію къ дѣламъ общественнымъ, хотя бы, напримѣръ, при выборѣ въ цѣновщики.

Всякому, угадывающему его будущее значеніе, больно и грустно встрѣчать эти упреки. Эти упреки проистекаютъ никакъ не изъ желанія унизить значеніе общества, не изъ пустаго безправственнаго лаянья, которымъ такъ заразилась въ послѣднее время наша литература. Васъ невольно одолеваетъ грусть, когда видишь, какъ бѣольшая часть общества, не смотря на старанія отдѣльныхъ личностей, не хочетъ понять своего положенія и не желаетъ, не смотря на необходимость, воспользоваться имъ.

Гдѣ, напримѣръ, наше купеческое общество можетъ сойтись безмундирно, открыто, съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ и практичностью? Когда оно хотя для начала разобьется на партіи и дозволить этимъ партіямъ выступить открыто, безъ страха предъ капиталомъ, гильдіею или какими иными достоинствами? Партіи въ этомъ обществѣ есть и даже такія, которыхъ не заставишь молчать и стерляжею ухомъ. Не разъ уже чувствовалась необходимость сойтись хоть гдѣ нибудь и потолковать токово и откровенно о своемъ положеніи. Одно частное лицо предлагало даже свой домъ для этого, но все это, какъ извѣстно, связано было съ дѣломъ серьезнымъ и требующимъ открытой бесѣды, — съ утвержденнымъ правительствомъ обществомъ для процвѣтанія отечественной промышленности и торговли, которое увы до сихъ поръ, не смотря на всѣ хлопоты, между

прочимъ и предсѣдателя этого общества А. И. Хлудова, такъ равнодушно встрѣчается и вѣроятно же всего не состоитъ. Неужели же не понимаютъ или не хотятъ понять значенія для себя этого общества? неужели не чувствуется, что не смотря на существованіе дома градскаго общества, который Богъ вѣсть какими судьбами превратился въ то, что зовется у насъ мѣстомъ присутственнымъ, къ которому во всей своей красѣ привилось чиновничество, между тѣмъ какъ, напримѣръ, Министерство Финансовъ уже допустило, съ Высочайшаго соизволенія въ своихъ вѣдомствахъ на службу людей безъ чиновъ. Не смотря на полуофициальный духъ новой думы, занятой впрочемъ довольно усердно еще пока только своимъ дѣломъ, не смотря на процвѣтаніе купческаго собранія, благодаря лото-домино, въ которомъ наше купечество только проигрывается, можно бы, кажется, подумать, что съ открытіемъ вышеупомянутаго общества, купческое собраніе пріобрѣтетъ непременно и новое значеніе и больше вѣсу. Но нѣтъ таки—собирались, собирались отвести особое помѣщеніе для бесѣдъ и покончили тѣмъ, что вытянули длинную залу для бѣды, въ которой вѣроятно отъ густоты воздуха, на другой же годъ провалился потолокъ...

Пора же намъ хотя когда нибудь разставаться съ нашею берлогой, въ которой столько времени въ самоуслажденіи мы сосали лапу. Не даромъ въ самомъ дѣлѣ народъ нашъ сложилъ пословицу: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.

Эти надежды мы возлагаемъ на нашу купческую управу, члены которой б. ч. вмѣстѣ съ тѣмъ и члены купческаго собранія и гласные думы. Имъ какъ людямъ общественнымъ, по призванію, необходимо въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ прививать нужную намъ какъ воздухъ общественность, безъ которой мы или сопьемся съ кругу каждый въ одиночку, или разоримся и выживемъ изъ ума уже въ какомъ нибудь обществѣ (*).

(*) Считаю не лишнимъ обратить вниманіе на книжку М. Н. Щепкина «Бюджеты трехъ городскихъ московскихъ обществъ» и на его статьи въ Современной Лѣтописи о бюджетахъ московскихъ купческихъ обществъ.

КОММИССИОНЕРЪ.

КОМЕДИЯ

ИЗЪ НѢМЕЦКО-РУССКАГО КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ВЪ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Посвящена

П. М. Садовскому.

МОСКВА.

ТИП. ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТ. (А. МАМОНТОВЪ), АРМЯНСКІЙ ПЕР. № 14.

1866.

ЛИЦА:

Христьянъ Христьяновичъ Розенбергъ, уроженецъ одной изъ Остзейскихъ губерній, купецъ, имѣющій въ Москвѣ торговый подъ фирмою: «Розенбергъ и К^о», вдовецъ.

Тереза-Софія }
Софія-Тереза } его дочери.

Оттонъ-Юліусъ Пфафъ, иностранецъ, пріѣхавшій агентомъ, лѣтъ пять въ Россіи.

Вильгельмъ, его племянникъ, молодой человѣкъ.

Баронъ фонъ-Рейпфельдъ, близко знакомый съ Пфафъ.

Семенъ Васильевичъ Шуховъ, довѣренный Пфафъ.

Сергѣй Петровичъ Бобровъ, занимающійся въ конторѣ Розенбергъ.

Юнге, кассиръ.

Галатти.

Андрей Ивановичъ Моксенъ.

Иванъ Ивановичъ Моксенъ.

Бартъ.

Цендель.

M-mes. }
Бартъ.
Цендель.

Мѣстные купцы, торгующіе подъ разными фирмами.

Пазаръ Степановичъ Половниковъ, фабрикантъ, бумагопрядильщикъ.

Матвѣй Васильевичъ Усовъ, суконный фабрикантъ.

Сынъ Усова, молодой человѣкъ.

Соровъ, пріемщикъ Транспортной конторы.

Сафронъ, артельщикъ.

1-й }
2-й } Пзвощики.

Квартальный, добросовѣстный и полицейскіе.

Гости обоего пола.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ МОСКВѢ.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ около года; между вторымъ и третьимъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Начало дѣйствія въ шестьдесятъ второмъ году.

ДѢЙСТВІЕ I.

Залъ хорошо и удобно меблированный, въ срединѣ дверь; на лѣво и на право также двери, подъ тяжелой триповой драпировкой; дорогая легкая мебель; рояльно, картины, нѣсколько статуй; обстановка очень чиста, удобна, но безъ особенной роскоши... Время около пяти часовъ по полудни. На столѣ, по срединѣ, довольно парадная закуска.

Явленіе I.

Розенбергъ и Пфафъ (*у Камина, съ старыми*).

Розенбергъ.

Ну, вотъ, любезный Пфафъ, наконецъ-то я могу кое-что сдѣлать для тебя, могу сколько-нибудь расплатиться съ тобой... Нынче для меня старика дорогой день: нынче день рожденія моей милой Терезы, нынче же и обрученіе ея съ тобой; помолвка, какъ говорятъ русскіе. Съ нынѣшняго дня фирма моя болѣе не существуетъ: всѣ мои дѣла, коммисіи, связи и знакомства переходятъ къ тебѣ; все это я отдаю тебѣ охотно; я увѣренъ, что дѣло мое переходитъ въ хорошія руки.

Пфафъ.

Благодарю... за все благодарю: за довѣріе, за Терезу... Надѣюсь, что домъ Розенбергъ и К^о будетъ имѣть въ Гунгеръ и Пфафъ достойныхъ пріемниковъ.

Розенбергъ.

Увѣренъ... но, любезный Пфафъ, одно, что я бы хотѣлъ сказать тебѣ, на что мнѣ даютъ право лѣта мои, моя опытность и знаніе Россіи — не спѣши, не рискуй, не желай большихъ выгодъ, не ищи быстрого обогащенія, про ко-

торое всё кричатъ у васъ... и которое несбыточно, фальшиво... Иди langsam, честно, это вѣрные средства. Иначе, Богъ знаетъ кто кого перехитритъ.

Пфафъ.

Я это знаю, папа, я уже немного знаю русскій народъ; читать, учить, видѣть, будущность.....

Розенбергъ.

Да, да будущность завидная,... я двадцать пять лѣтъ велъ здѣсь дѣла... Многого еще надо остерегаться, — здѣсь все не такъ — какъ вездѣ — оригинальность, самобытность, странность... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то такое, что заставляетъ и удивляться и сердиться въ одно и то же время... Надѣюсь, что ты не пренебрежешь опытностію старика? (*)

Пфафъ.

Я буду очень благодаренъ вамъ папá.

Розенбергъ.

Ну, да... я вѣдь отъ души желаю добра и тебѣ и моей милой Терезѣ, отъ души.

Пфафъ.

Я бы хотѣлъ, чтобы не только здѣсь, но со временемъ и тамъ, у себя имѣть кой-что... Одно скажу вамъ, папá, что я бы не хотѣлъ долго работать здѣсь.

(*) Тотъ и другой говорятъ не чисто по русски, но Розенбергъ много лучше Пфафъ; въ произношеніи Розенберга слышится уроженецъ нашихъ Остѣ-Зейскихъ губерній. Пфафъ говоритъ какъ иностранецъ, еще далеко не выучившійся по русски, но наши русскія пѣмцы ломанымъ русскимъ языкомъ говорятъ только съ русскими, не говорящими по пѣмецки; между же собою говорятъ, разумѣется, по пѣмецки, а потому въ предлагаемыхъ сценкахъ мы не будемъ держаться ихъ ломаной рѣчи, а постараемся передать ихъ не русскія мысли — русскимъ языкомъ.

Розенбергъ.

Ну, да... это естественно... ты иностранецъ... а я, я здѣшній, я русскій-нѣмецъ, я привыкъ, мнѣ хорошо и здѣсь.

Пфафъ.

Нѣтъ, панна... мы не оставимъ васъ, и я вѣдь хотя тоже русскій подданный, но только на время.

Розенбергъ.

Ну, что Богъ дастъ, любезный Пфафъ, теперь же прежде всего желаю тебѣ счастья здѣсь... прямаго, честнаго, трудоваго счастья! По русской пословицѣ: дай Богъ въ добрый часъ!

Пфафъ.

Дай Богъ въ добрый часъ!

Розенбергъ.

Дай Богъ... но однако время и одѣться; я думаю бѣлый галстукъ... а? я нынче въ полной формѣ. Пойду, пойду.

(Уходитъ).

Явленіе II.

Пфафъ.

Чудакъ панна!... чистый русакъ: слезливость, ханжество, и честь и совѣсть на умѣ. А должно быть славное здѣсь было время, когда такіе наживали. Теперь же ужъ не то, спѣшить, надо спѣшить.

Явленіе III.

Пфафъ и Тереза.

Тереза *(входя).*

Ты одинъ здѣсь, Юліусъ?

Пфафъ.

Сейчасъ болталъ съ твоимъ papà. Какъ ты мила въ этомъ костюмѣ, полной хозяйкой!

Тереза.

Да теперь хозяйкой, а вотъ скоро я и сама буду здѣсь гостьей.

Пфафъ.

Чтожъ тебѣ это не нравится?

Тереза.

Нѣтъ, Юліусъ, какъ же не нравится? но странно какъ-то вдругъ разстаться со всѣмъ, съ чѣмъ такъ сжилось: съ роднымъ домомъ, съ отцемъ, съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ знаешь каждый уголокъ; съ людьми, съ предметами.

Пфафъ.

Тебѣ жаль ихъ, не правда ли?

Тереза.

Ахъ, нѣтъ не то я этимъ хочу сказать, Юліусъ... Пойми меня: въ эти минуты, въ день, близкій нашей свадьбѣ, мнѣ невольно приходитъ на мысль моя мать... у меня вотъ и теперь какъ передъ глазами ея образъ... какъ-то пугливо... я сама не знаю по чему, смотритъ она на меня... но ты не сердись Юліусъ... вѣдь это не надолго... ты знаешь какъ я люблю тебя? при одной мысли быть твоей, все это исчезаетъ, мнѣ становится весело отъ одной мысли (*прижимаясь къ нему*)... твоя, твоя... на всегда твоя, Пфафъ! я забываю все — отца, мать... знаю и вижу только тебя... ты вѣдь меня любишь... любишь Юліусъ?

Пфафъ (*смѣясь*).

По всему видно, что ты родилась въ Россіи.

Тереза (*осматривая его*).

Какой ты странный сегодня, Юліусъ! Что съ тобой? Ты вѣроятно разстроенъ чѣмъ-нибудь... (*звонятъ*).

Пфафъ.

Нѣтъ ничего, такъ... Однако звонятъ, поди скажи папа.

Тереза.

Какой ты странный... а все-таки ты милъ, такъ милъ, что я не налюбуюсь тобой! (*Уходитъ*).

Явленіе IV.

Пфафъ.

И это счастьемъ называютъ... странное вообще понятіе — счастье, das Glück, нѣтъ ничего условнаго!... Ну, нѣтъ я счастья въ этомъ вполнѣ не нахожу — должно быть отжилъ для него... Молоденькая кровь, русская мечтательность, экзальтація, вѣроятно всосанная съ молокомъ русской кормилицы, и больше ничего!... Для меня счастье не въ томъ: дѣла и деньги, смѣлость, рискъ, нажива и удача, всѣ эти средства къ жизни свободной, самобытной — вотъ, если это все удастся, такъ это точно счастье!.. Нашъ вѣкъ уменъ: онъ это понялъ, для него и счастье впереди... А все-таки безъ женщины нѣтъ счастья. Такъ, но и ей пора трудиться, мыслить, жить, тогда лишь прочно дѣло.

Явленіе V.

Тѣ же и Рейнфельдъ.

Рейнфельдъ (*быстро входя*).

Ого, ты ужъ во всемъ парадъ.... поздравляю... отъ души! Ну, что, я думаю, ты не дурно себя чувствуешь: день торжества... день достигнутой цѣли.... а достичь чего бы ни было вообще важное дѣло! Счастливецъ ты, Пфафъ, все уда-

лось тебѣ, и деньги и жена! — Миѣ же вотъ особенно ни то и не другое: тогда и женщины, когда есть деньги.

Пфафъ.

Ктожъ въ наши лѣта платитъ женщинамъ? Но, это въ сторону. Какъ дѣла, что съ деньгами?

Рейнфельдъ.

Что дѣла.... дѣла волочатся кой-какъ, а деньги просто рѣдкость въ наше время. Лишь только-бъ денегъ! Помѣщики въ нуждѣ, крестьяне вышли въ люди; имѣнія всѣ въ закладѣ; роскошь сильно привилась: въ стѣняхъ, въ глуши, французское вино — кухня французская дороже въ двое... Тенерь вѣдь, ужь не дѣши — тенерь хлѣбъ, сахаръ, пенька, сало, шерсть, пшеница, ленъ — вотъ ихъ кормилицы.... а это вѣдь все наше.... все дѣло нашихъ рукъ; хозяйства никакого, все ощупью, на корню продадутъ — проценты какіе въ голову взбрѣдутъ такія и заплатятъ, лѣсъ за лѣсомъ валятъ, усадьбу за усадьбой, но денегъ, денегъ нѣтъ! О, еслибъ хоть сотня тысячъ, хоть меньше сотни.... Для денегъ, право, и я бѣ рискнулъ — женился....

Пфафъ.

За чѣмъ же дѣло? одинъ отъ дѣла, который еще отъ дѣла...

Рейнфельдъ.

За небольшимъ! Счастья нѣтъ.... Ты думаешь я не искалъ... да какъ еще искалъ!

Пфафъ.

Здѣсь?

Рейнфельдъ.

Гдѣ жъ больше? здѣсь сидятъ еще огромные куски, о, какіе сытные и жирные куски: одна есть въ триста тысячъ, блондинка, такъ себѣ, хоть кусочикъ мяса — за то вѣдь три-с-та тысячъ!... Есть вдовушка — *belle femme* и фа-

брика, товаръ идетъ отлично и денегъ куча. Вотъ я было къ ней....

Пфафъ.

Ну, и что жъ?

Рейнфельдъ.

Да, что... одно слово, счастья нѣтъ: и бусурманъ, и то, и другое. А у меня ужъ и волосы того.... и силы ужъ нѣтъ.... Одна способность еще меня не оставляетъ — нажить! Лишь только вотъ проснусь, только глаза открою, увижу этотъ снѣгъ, услышу колоколъ, почувствую что здѣсь! ну, смерть, мурашки по тѣлу.... готовъ на все, чтобы нажить.

Пфафъ.

Чувства знакомыя....

Рейнфельдъ. II

Не давно вотъ еще открылъ хорошій источникъ денегъ — откупщики.... Да, вотъ что не говори, а литература-то не шуточное дѣло — какую силу переломила. Спиртъ дѣло дрянъ, торговля сбита, русскіе умные люди не знаютъ куда дѣваться съ деньгами; они теперь вездѣ: и въ фабрикахъ бумагопрядильныхъ, и въ обществахъ тамъ разныхъ страховыхъ, въ компаніяхъ на паяхъ, на акціяхъ.... въ дорогахъ желѣзныхъ разныхъ, вездѣ и во всемъ, какъ въ сумеркахъ... еще не разберутъ, ничего не видятъ. Но тамъ мѣста ужъ заняты; туда намъ не рука — другаго надо поискать. Откупщики *si devant* пойдутъ теперь на все, лишь только бѣ барыши, хотя немножко похожіе на прежніе.... Я ужъ кой гдѣ примазался.... деньги будутъ — тысячъ двѣсти обѣщано.

Пфафъ.

Что жъ, это дѣло; намъ спѣшить необходимо, хотъ двѣсти бѣ тысячъ!

Явленіе VI.

Тѣ же, Моксены и Розенбергъ.

Андрей Моксень (медленно)!

Guten Morgen!

Иванъ Моксень.

Guten Morgen Пфафъ, какъ идетъ Рейнфельдъ?

Пфафъ.

Wie geht's?

Рейнфельдъ (молча жметъ обѣимъ руки).

Розенбергъ.

Ну-съ, что новенькаго? что въ городѣ, на биржѣ?

Иванъ Моксень.

Да что новаго!... почти ничего.... торгуемъ плохо.... платятъ плохо.... Старые дома знаютъ отживаютъ свой вѣкъ.... молодые идутъ впередъ....

Андрей Моксень.

Дѣло плохо, но дѣло будетъ! А, вчера еще банкротство — хорошій капиталъ рухнулъ — Дементій Оседоровъ.

Пфафъ.

Пилатовы?

Иванъ Моксень.

Да, братья — пражей торговали. А знаете гдѣ капиталъ?

Пфафъ и Рейнфельдъ.

Гдѣ?

Иванъ Моксенъ.

Братецъ Степочка припряталъ, а брата къ дѣлу притянулъ: все шло на его имя. Степанъ-то мнѣ нынче смѣется: я, говоритъ, по довѣренности, мало ли что съ хозяевами случается.... Братъ, говоритъ, отца помазалъ, а я съ нимъ по братски порѣшилъ — мнѣ не грѣхъ.

Розенбергъ.

Мошенникъ этотъ Степанъ Федоровъ.

Рейнфельдъ.

Полезные намъ люди.

Явленіе VII.

Тѣ же и Галлати.

Галлати.

Я тамъ ищу, Христьянъ Христьянычъ.... а вы всѣ здѣсь.
Bon jour! Опять, пожаръ, опять....

Рейнфельдъ.

Гдѣ?

Галлати.

Гдѣ-то за рѣкой, всѣхъ сонныхъ разбудилъ....

Розенбергъ.

Фу-ты, Боже сохрани!

Андрей Моксенъ.

То холера, то пожаръ!...

Галлати.

То безденежье! А видѣли вы курсъ?

Андрей Моисеенъ.

Хоть петлю надѣвай!

Галлати.

Э, батюшка, вамъ что: у васъ свои дома тамъ за границей, вамъ можно эдакъ и обратный перевернуть. Вотъ намъ, да кой-кому по меньше, другое дѣло.

Явленіе VІІІ.

Тѣ же Бартъ и Цендель.

Бартъ.

Христіанъ Христіановичъ!... ха, ха, ха, поздравляю, имѣю честь. Какъ поживаете господа? (*подаетъ руку*).

Цендель.

Браво, браво, Христіанъ Христіановичъ.... у васъ, мой другъ, рѣшительный талантъ. Какъ дѣлится, видѣли? Здравствуйте господа!...

Розенбергъ.

Помилуйте, такъ, знаете, отъ скуки....

Цендель.

А, иѣтъ какъ хотите, Христіанъ Христіановичъ, вы, батюшка, рѣшительный художникъ.

Розенбергъ.

Ну, и художникъ — такъ знаете, работа досуга....

Цендель.

Великолѣпно!... Ну, вотъ, господа, давно толкуютъ и кричатъ, что купецъ не можетъ быть художникомъ въ одно и то же время.... Вотъ вамъ опроверженіе на лицо.

Бартъ (жуя у закуски).

Да... да... это вопросъ серьезный... Цендель, отличный кюммель, (англишъ bitter!

Галлати.

Этотъ вопросъ рѣшить не трудно: Христьянъ Христьяновичъ ужъ больше не купецъ.... Нѣтъ, вотъ вопросъ.... (къ Ценделю), вы вѣдь и историкъ, и законовѣдъ, и все — рѣшите-ка.

Цендель.

Что такое?

Галлати.

Простое и не мудреное дѣло, да оно и кстати... Знаете вы Шухова?

Цендель.

А, какже... знаю.

Галлати.

Такъ извольте видѣть, дня два тому назадъ онъ предомной, часа такъ съ три, идею развивалъ...

Цендель.

Да-съ.

Галлати.

Онъ мнѣ доказывалъ, какъ дважды два четыре, что здѣсь торговля и коммерція двѣ разныя вещи.

Цендель.

Идея!

Галлати.

Да вотъ и онъ! Шуховъ здравствуйте! (*Какъ въ продолженіи этой, такъ и послѣдующихъ сценъ многіе подходятъ и закусываютъ*).

Явленіе IX.

Тѣ же, Шуховъ и Бобровъ.

Галлати.

Вашъ вопросъ и рѣшеніе меня рѣшительно поставили въ тупикъ... Коммерція-то!

Шуховъ.

Ага! — Ну что жъ дѣло извѣстное — вопросъ давно рѣшенный; коммерція и торговля здѣсь двѣ вещи разныя, какъ небо и земля, какъ мы и вы и остальное все... Коммерція давно здѣсь процвѣтаетъ; торговля же едва лишь начинается.

Многіе.

Вотъ новость! Sonderbar...

Цендель (*глубокомысленно*).

Въ какомъ же отношеніи?

Шуховъ.

Во многихъ отношеніяхъ: въ отношеніи пріемовъ и экономической постановки, веденія и началъ.

Бартъ,

Ха, ха, ха, ничего не понимаю.

Шуховъ.

Здѣсь все оригинально, какъ народъ и какъ природа — отдѣльный мы, самостоятельный народъ, свой взглядъ, свое умѣнье... а иностранцы впереди.

Цендель.

А почему, какъ вы думаете?

Шуховъ.

Да, кажется потому, что мы мало знаемъ себя и безотчетно чтимъ чужое...

Пфафъ.

Надо учить.

Шуховъ.

А надо бы, безспорно, да лѣнь и скучно, и смотреть все не такъ привѣтливо... Ну, что такое за краса — наши долины ровныя и грустныя пространства — кругомъ затишье мертвое, свѣтится тускленько лишь только кое-гдѣ, въ немногихъ уголкахъ, и что учить, что изучать?... Однообразіе и стужа!... Восемь мѣсяцевъ зима, лѣто — карриатура южныхъ зимъ... Но не смотря на то мы знаемъ многое, мы кушцы, промышленники... какъ же намъ за наукой не слѣдить! Знаемъ, что въ Москвѣ пекутся калачи, что фабрики тамъ разныя подѣланы. Нѣмцы утверждаютъ, что фабрики эти совсѣмъ некстати, что нашъ удѣлъ — соха; цѣлая партія начинаетъ сомнѣваться и почти рѣшаетъ — срыть дескать ихъ! Кричимъ: свободная торговля! Мы жъ хвастаемся квасомъ, въ отпоръ твердимъ, что у насъ Тула съ ружьями, Калуга съ тестомъ, Волга, бурлаки, раскатистая пѣсня, стерляди большія и вкусная уха... Мы книги даже покупаемъ, переплетаемъ, въ шкафы ставимъ.... Въ книгахъ жизнь, кажись бы, хоть куда — тамъ даже женскіе вопросы.... читаешь — таешь, осмотришься — хоть плюнь. Одинъ журналъ ругаетъ

все напоемъ, потому что ему не правится Россія, другой съ запада рѣчь желчную ведетъ, третій на русской тройкѣ съ востока выѣзжаетъ, всю мудрость видитъ въ русской пѣснѣ, въ тройкѣ, въ размашистыхъ рѣчахъ. Три четверти журналовъ наполнено редакторской бранью, а публика плати! Ну-съ, далѣе: купецъ хочетъ тягаться съ дворяниномъ, дворяне лѣзутъ въ знать, мѣщане едва дышатъ, ремесленники по цѣхамъ, какъ по клѣткамъ. Поймите это все, соедините, объясните... Вотъ тутъ-то именно коммерція съ торговлей и не ладятъ.

Бартъ.

Ха-ха-ха, и складно и красно, но ничего не понимаю, то-есть рѣшительно ничего.

Цендель.

Это только перефразировка и больше ничего.

Галлати.

Помилуйте, какая перефразировка, тутъ мысль есть.

Цендель.

Какая мысль, гдѣ она?

Иванъ Моксенъ.

Погодите, я думаю вотъ что....

Рейнфельдъ.

По моему это шутка и больше ничего.

Розенбергъ.

Погодите... погодите... вотъ Иванъ Александровичъ объяснить.

Галлати.

Вотъ видите въ чемъ дѣло: онъ даетъ совершенно раз-
ныя значенія двумъ однозначашимъ словамъ — коммерція,
торговля.

Шуховъ.

Да, и слова даже не однозначущія: звучатъ они совсѣмъ
иначе — прислушайтесь — коммерція... потомъ промышлен-
ность, торговля!... Въ одномъ такъ вотъ и слышатся все-
возможныя затѣи, пружины разныя... выдумки, всѣ ухи-
щренья нажать, объѣхать, придать вещи ложный блескъ,
подняться на фу-фу.

Бартъ.

Фу-фу. Вотъ это понимаю.

Шуховъ.

Обширно поприще коммерціи (россійской) — она теперь
ездѣ: коммерція — богиня временъ нашихъ!.. Раздолье ей
на фабрикахъ при разныхъ производствахъ: при тканье,
отдѣлкѣ и окраскѣ; коммерція живетъ на счетъ и бѣдныхъ
и богатыхъ; она, своихъ же помощниковъ рабочихъ, свои
же двигающія силы, и то до гола обираетъ: за трудную
работу даетъ имъ затхлую муку... мясо не свѣжее... черст-
вый хлѣбъ, наспиртованную воду, и вмѣсто того, чтобъ
этимъ силы подкрѣпить, она лишь ихъ карманы очищаетъ!...
Она теперь вездѣ, вездѣ проникла; въ разныхъ громкихъ
производствахъ, въ дорогахъ желѣзныхъ, въ пароходствахъ,
въ общественномъ правленіи, въ идеяхъ разныхъ — этотъ
духъ паритъ теперь высоко, онъ за народъ, за равенство,
за братство; въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ такъ и
красуется на первомъ планѣ — лишь подписчиковъ бы боль-
ше! Она у насъ теперь во всемъ, даже святомъ бы, кажется
по назначенію — вездѣ коммерція лихая! Но, довольно, и
такъ ужъ поэтично, хоть публицисту бы иному.

Рейнфельдъ.

Горячо!

Цендель.

И забавно. Ай да русскій народъ.

Бобровъ.

Ну, это не народъ!

Шуховъ.

Вездѣ она проныра-барыня проникла, въ высокія хоромы ворона залетѣла и, вмѣсто того, чтобъ двинуть разомъ здоровыя, свѣжія, нѣсколько лѣтъ во снѣ дремавшія, громадныя народа силы, она, коммерція, лишь разслабляетъ, держитъ и гнететъ.

Пфафъ.

Richtig, вѣрно!...

Цендель.

Ну, ну Шуховъ, теперь мы васъ начинаемъ немного понимать...

Шуховъ.

Да, неужели жъ продолжать? Весь этотъ подкупъ, монополіи, всѣ эти ухищренія нажить, обогатиться, полиберальничать, всѣ эти гадкіе приемы при продажѣ... продажныя мѣста, продажныя услуги, — суды и взятки, все то, что какъ кошмаръ давно насъ давитъ, все это, господа, коммерція, коммерція лихая!

Бобровъ.

Такъ! Но это все таки еще не все!

Пфафъ.

Что же еще такое?

Бобровъ!

Да еще не малое — цѣлый отдѣлъ коммерціи!...

Цендель.

Какой же это, новый?

Бобровъ.

Да, отдѣлъ еще значительный, отдѣлъ блестящій, въ приличныхъ формахъ европейскихъ — обманчивый для того, кто мало въ него всмотрѣлся, но въ себѣ самомъ такой-же гадкій, пожалуй еще хуже нашего, потому что подымаетъ другія чувства, такія чувства, какія возбуждаетъ — не рѣдкое у насъ явленіе — когда какой-нибудь баринъ преблагогородно обираетъ честнаго, довѣрчиваго бѣдняка, вполнѣ вѣрующаго въ его прославленную честность.

Рейнфельдъ.

Это что-то такое!... не понятно.

Андрей Моксенъ.

Загадочно!...

Бобровъ.

Позвольте объяснить! Вопросъ возникаетъ самъ собою; вамъ захотѣлось позабавиться надъ тѣмъ, что Шуховъ называетъ коммерціей, рассказъ его вамъ доставилъ удовольствіе: мы вообще любимъ о своемъ дурномъ повсюду рассказать, мы хвастаемся этимъ, а многіе о немъ послушать любятъ, да позабавиться.... Онъ началъ, позвольте мнѣ докончить!...

Пфафъ.

Про что же это вы хотите говорить?

Бобровъ.

Про другую сторону коммерціи *россійской*, про сторону приличную и лицевую...

Иванъ Моксенъ.

Это что такое... будто не совсѣмъ учтиво...

Бартъ.

Тутъ что-то будто бы не ладно...

Андрей Моксенъ.

Послушаемъ, послушаемъ...

Бобровъ.

Дѣло въ томъ, что Шуховъ называлъ только одну сторону, свои родныя раны — раны точно опасныя, но на которыя ужъ есть въ виду лѣкарство... Но кромѣ ихъ скрываются у насъ еще другія раны, болѣе старыя и болѣе опасныя, потому что привитыя, ввозныя, чужія...

Цендель.

Что это такое? Что за раны?

Бобровъ.

Дѣло въ томъ, что наша сторона идетъ сама собой изнутри... ея основы въ жизни, она потому и не хороша, что многое еще въ потемкахъ; со свѣтомъ это пройдетъ, проходитъ уже и принимаетъ другія, свои родныя, народныя формы, свое-то горе, мы, какъ-нибудь, поправимъ... Ну, а что вы скажете про тѣхъ, которые изъ свѣта лѣзутъ въ тьму, да еще стараются какъ можно болѣе ее сгустить; что вы скажете про тѣхъ, которые, пріѣхавши сюда искать и хлѣба, и покрова, и отыскавъ то и другое, становятся врагомъ ихъ пріютившаго народа? Обираютъ его. Что хуже — человекъ, который дѣлаетъ дурно и самъ того не созна-

вая, или тотъ, кто знаетъ, что это ядъ, а вамъ его за нектаръ выдаетъ?...

Бартъ.

Фуѣ, мнѣ какъ будто жарко стало!...

Бобровъ.

Это тоже коммерція своего рода, и болѣе опасная, потому что ввозная, что она имѣетъ формы, учетъ, всѣ принадлежности чистаго, правильнаго дѣла; она учтивая европейски, одѣта щегольски, складно говоритъ, а посмотрите-ка что она скрываетъ подъ этими формами!.. Довѣрься ей неопытный, который въ ней, по отсталости своей, нужду имѣетъ... и онъ скоро почувствуетъ на себѣ ея благодѣтельствующую руку... Все, что сказано Шуховымъ, правда, но правда и то, что намъ приходится терпѣть, не только отъ себя, и отъ другихъ, отъ чужихъ приходится терпѣть! (*Шумъ и сдержанное недовольство со стороны иностранцевъ*).

Галлати.

Позвольте, господа! завязался разговоръ живой и шумный—сошлись двѣ стороны; я постараюсь ихъ помирить. Я здѣсь давно извѣстенъ за француза, но я родился здѣсь, и право я душою русскій.. Вотъ я какъ дѣло понимаю: г-нъ Шуховъ, одинъ изъ тѣхъ, которому здѣсь все, или многое не нравится; въ его словахъ есть много правды... но въ нихъ есть кой что обидное.. Боброва взяло это за живое, онъ говорилъ горячо и можетъ быть немного откровенно.... Признаться надо, что тамъ вѣдь за морями мы слышемъ еще почти за дикаго народа... у насъ вишь все не по людски... у насъ всему нажива, и вотъ многіе стали жаловать сюда, чтобъ деньги наживать, такъ безъ труда, или съ маленькимъ трудомъ, вотъ какъ я дѣло понимаю: это дѣйствительно тоже коммерція...

Андрей Моксенъ (въ сторону).

Дуракъ!

Розенбергъ.

Господа, позвольте мнѣ держать рѣчь, я двадцать пять лѣтъ трудился здѣсь, трудился какъ купецъ и терялъ и наживалъ — разчитывалъ и ошибался, шелъ тихо, шагъ за шагомъ, и слава Богу... на старости теперь покоенъ, и совѣсть моя чиста... Я долженъ замѣтить, что многое, что сказано здѣсь, вѣрно, но кончимъ это дѣло. Теперь, друзья мои, въ это время, когда все такъ быстро пошло у насъ, я собрался отдохнуть... но дѣло мое остается какъ и прежде, я передаю его въ болѣе сильныя руки... Приемникомъ своимъ я назначаю Г-на Пфафъ.

Многіе.

Браво, браво, Розенбергъ, браво Пфафъ!

Розенбергъ.

Кромѣ того, господа, я долженъ вамъ всѣмъ объявить еще новость: Пфафъ съ нынѣшняго дня не только мой пріемникъ, онъ также будущій мой зять, женихъ моей дорогой Терезы.

Многіе.

Браво, браво, браво Пфафъ!

Розенбергъ.

Теперь милости прошу откусать и поздравить нарѣченныхъ.

(Маршъ. Мужчины идутъ на право за дамами и потомъ по парно уходятъ на лѣво, между гостями и племянникъ Пфафъ-Вильгельмъ, который въ паръ съ Софи; около нихъ вьется баронъ).

Явленіе X.

Андрей Моксенъ и Цендель (*Уходя послѣдними*).

Что онъ тутъ толковать, на что такъ горячился, и долгины и купцовъ, и насъ еще пожалуй тутъ прицѣпить, и что за охота пускать сюда этихъ русскихъ горлопаевъ, право Розенбергъ изъ ума выживаетъ...

Цендель.

Дѣйствительно: вѣдь все дѣло Пфафъ передаетъ... Тереза невеста Пфафъ, — баронъ тутъ также шныритъ — дѣло ставится на большую ногу: Гунгеръ компаніонъ въ Петербургѣ, говорятъ будто открываютъ конторы въ Кіевѣ и Казанѣ, на что все это, скажите пожалуйста? Помяните мое слово, Моксенъ, тутъ дрянъ дѣло выдетъ, а Шуховъ этотъ — извѣстная птица.

Андрей Моксенъ.

Мошенникъ!.. да это все не наше дѣло — это все ничего, дурно то, что здѣсь обсуживаются всѣ эти *русскіе вопросы*, — споры вотъ эти, пренья.

Цендель.

И безъ того всѣмъ этимъ уши прожужжали.. Да Моксенъ... плохія времена! пойдете-ка обѣдать (*уходитъ*).

Андрей Моксенъ.

Ступайте я приду! Дуракъ, лиса хромая патрикѣвна.. думаетъ, что лисѣмъ своимъ виляньемъ, ласками, да красными словцами онъ что нибудь сдѣлаетъ съ здѣшнимъ то народомъ. Нѣмцы, нѣмцы — вишь виновны да безъ нѣмцевъ вамъ нидохнуть ни ѣсть, ни пить, не только торговать.

ДѢЙСТВІЕ II.

Контора: на переднемъ планѣ справа большой письменный столъ со всѣмъ приборомъ и множествомъ бумагъ, на правой и лѣвой сторонѣ по двѣ конторки съ принадлежностями работы и касса, вдѣланная въ стѣну; справа недалеко отъ письменнаго стола — отворенная дверь въ другую комнату; въ глубинѣ надъ дверью часы. Слѣва дверь во внутреннія комнаты, справа въ кабинетъ при конторѣ, въ среднѣй входная.

Явленіе I.

Сафронъ (убирая контору).

Эхъ-ма, не прежнее было, что было да прошло, да былою поросло!.. Дрянъ жизнь пришла—обидно даже.. Не хорошо!... Вспомнишь старика двадцать разъ и не однова вспомнишь: золотой человѣкъ былъ, купецъ настоящій — честной, разсудительный, хотя и нѣмецъ, а уваженія человѣкъ достойный и хозяинъ рѣдкостный: понималъ нужду русскую — не нашимъ богачамъ чета.. А этотъ что? что молодъ да красивъ, да изъ чужихъ-то земель пріѣхалъ — такъ думаетъ, вотъ золотой дождь тебѣ въ карманы и посыпится.. Эка птица.. видали мы такихъ! Теперь не прежнее время: и не такіе корабли о нашъ-то берегъ разбиваются; да и мы ужъ на что мужики а понимаемъ васъ... А, все деньги, да жадность... нажать больно скоро въ нашей землѣ хочется. Изъ комара слона хотятъ сдѣлать, а капиталу-то видно разъ, два, да и обчелся!... Сдѣлаешь, наживешь, того и гляди; нѣтъ, братъ, наша земля не такова — мы тоже поразсмотримъ да поразсудимъ... молчимъ, молчимъ, да сразу и прихлопнемъ — только мокро будетъ!... Вотъ что!.. А другая рѣчь и хорошее вѣдь прихлопывали... пожалуй дурное-то и пройдетъ... Сплошъ и рядомъ! То-го вотъ кого винить-то? (Входитъ Бобровъ) А, вотъ и Сергѣй Петровичъ,

вотъ золотой-то человѣкъ, смиренъ только немножко, плохо у насъ такимъ-то... Здравствуйте, батюшка, Сергѣй Петровичъ!..

Явленіе II.

Бобровъ.

Здравствуй Сафронъ.

Сафронъ.

Вы у насъ, сударь, ранняя птичка! — завсегда въ первыхъ.

Бобровъ.

Чтожъ за ранняя — время ужъ. *(Садится за конторку).*

Сафронъ.

Сергѣй Петровичъ...

Бобровъ.

Что, Сафронъ?

Сафронъ *(переминаясь)*.

Эхъ, сударь, Сергѣй Петровичъ, хочу я вамъ доложить — куда все у насъ какъ-то ужъ больно шибко пошло, что-то добра-то изъ этого мало видно..

Бобровъ.

Да что такое, Сафронъ, я тебя не понимаю?

Сафронъ.

Понимаете, сударь, да говорить-то вамъ объ этомъ съ нашимъ братомъ не приходится... Что-то больно мы ужъ за все разомъ — беремся; заказъ за заказомъ, выписка за выпиской во всѣ стороны и туда и сюда... шибко больно.. Что-то право ужъ больно шибко! сами-то и всѣ съ воробья ростомъ, а полетъ-то орлиный... *(Оглядываясь)* Да и

на что, сударь, ходъ-то такой заведенъ, капиталъ-то намъ извѣстенъ... отъ дѣлаютъ дѣла у...

Бобровъ.

Все это, Сафронъ, не наше дѣло.

Сафронъ.

Такъ - то такъ, сударь, а я бы на вашемъ мѣстѣ, помня старые года, шеннулъ-бы Христьяну Христьяновичу... Помните вы мое слово — дѣло у насъ жаркое будетъ... Не мало здѣсь ихняго брата и перевѣшалось и перерѣзалось отъ эдакихъ затѣй...

Бородинъ.

Ну, полно... ты ужъ и растолковался... ступай-ка себѣ, ступай...

Сафронъ.

Я, сударь, пойду, только вспомните вы мое слово, Сергѣй Петровичъ, чтобъ послѣ не жалѣть.. Я вѣдь не даромъ лѣтъ 20-ть, сударь, въ торговомъ-то дѣлѣ трусь... Тутъ не спроста...

Безродный.

Послушай, Сафронъ, ты разговоришься, тебя и не уймешь..

Сафронъ.

Эхъ, сударь, добрый вы человѣкъ, чудны только, Богъ съ вами больно, не поймемъ мы васъ. (уходитъ).

Явленіе III.

Бобровъ (одинъ).

Онъ правду говоритъ: есть что-то здѣсь такое, душно, тихо стало, будто предъ грозой. Чуденъ я! нѣтъ скорѣе чудно то, что кругомъ сложилось... Здѣсь такіа есть дѣла,

которыя за басни примешь, а они всеѣмъ извѣстны — ихъ знаютъ и молчатъ, и этими-то дѣлами многіе добились уваженья въ обществѣ, почета... (*Садясь къ письменному столу и раскрывая книгу*). Ну, вотъ хоть-бы Брызжевъ — три раза былъ банкротомъ и этимъ нажилъ капиталъ: созоветъ бывало кредиторовъ — валяется въ ногахъ, заплатитъ по двадцати пяти, а черезъ годъ снова начнетъ торговлю, а черезъ два опять банкротъ.. а теперь *денежный человекъ*, почилъ на лаврахъ, въ уваженьи... И развѣ онъ одинъ богачъ этой дорогой!... (*перелистывая*). Вотъ еще извѣстный человекъ — жида въ Варшавѣ задушилъ, и нажилъ капиталъ... въ гостинницѣ былъ корридорнымъ, теперь миллионеръ!... А, вотъ нашъ лучшій фабрикантъ, Коммерціи Совѣтникъ, членъ разныхъ обществъ — въ Зарядѣ разъ нашли трупъ старухи, а въ его сундукахъ ся билеты, деньги, и это дѣло съ рукъ сошло: старуху вскрыли, схоронили... а онъ завелъ бумагопрядильню, въ прокъ пошло!.. Вотъ другаго рода фабрикантъ, Бездольный Петръ Михайловичъ, билеты самъ печаталъ и за границей заказывалъ, по Сибири, по Украинѣ ихъ сбывалъ, за то потомство не пустилъ по міру, цѣлый кварталъ застроилъ... А вотъ еще Петръ Пвановичъ Медвѣдевъ — этотъ другое дѣло сдѣлалъ, отца начальству въ руки выдалъ, а самъ кой что спряталъ на черный день... теперь почетъ тебѣ и слава, кредитъ большой тебѣ открыть! Легенды все легенды, и сколько ходитъ ихъ про наше обогащеніе — цѣлый томъ!

Явленіе IV.

Шуховъ.

Что опять въ своей тарелкѣ съ книгой и думой на челѣ?... Вотъ чудакъ-то. О-о-хо-хо! —

Бобровъ.

Такъ, старье перебираю.... У меня вѣдь теперь ликвидація — архивъ.

Шуховъ.

Что его перебирать то — живая лѣтопись былого. Надъ кѣмъ это ты открылъ? а, Семенъ Васильевичъ Короткій. Да крѣпкая была то голова — такихъ головъ нынче немного: изъ мальчиковъ протерся въ люди... по смерти до 12 милліоновъ насчитали, и чисто пальца не подпустишь — умно велѣ дѣло. Въ Тифлисѣ, въ Кяхтѣ торговалъ, и часто, бывало, говаривалъ покойникъ — дайте мнѣ 10,000 солдатъ да 1,000 казаковъ и Индія у насъ. Вотъ вѣдь куда хватилъ, и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ... Рехнулся говоришь.. Хорошая, крѣпкая была то голова, плутъ немножко, но это не бѣда; вѣдь умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.

Бобровъ.

Скажи пожалуйста Шуховъ, почему тогда легко такъ проживалось, а теперь....

Шуховъ.

Проживается легко? Чудакъ, теперь не то ужъ совсѣмъ время, ты забываешь, что все это распрекрасное было сейчасъ послѣ француза, да въ нашъ предразсвѣтный періодъ. Вотъ было время золотое, какъ стала вновь отстраиваться Москва, раздолье! за гривну брали рубль носили русское, родное, деньги просто лопатами гребли; темненько еще было, легко пустить въ ходъ всякія пружины: задумалъ вдругъ машину — не паровую, а русскаго устройства, пошла — дала нажится, и шито все и крыто, свалилъ все на бѣдствіе родное — нашелъ моль съ золотомъ кадушку... Да, матушка Москва, пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію. Да и недавно чудо было — откушъ, монополия, купи что хочешь, чиновный людъ-голодный, взятка была магическая слово — чего хочешь, то просишь!

Бобровъ.

Но, теперь уже серьезно во многомъ лучше.

Шуховъ.

Нѣтъ, куда-не то. Потемки стали исчезать, во многихъ мѣстахъ ужъ ярко освѣтили.. Сначала то горѣли фонари на постномъ маслѣ, было сподручно въ темнотѣ, а теперь подика—газъ!.. Москва и та ужъ освѣщается, Дума два года надъ этимъ голову ломала. Надо спѣшить дружокъ мой милый, безъ отдыха спѣшить: еще кое-гдѣ по угламъ можно, и то уже довольно пооббрѣзано, подчищено, пальца не допустишь. Общественное правленіе введено — шутка! Того и гляди какой нибудь портной изъ Замоскворѣчья вдругъ всѣмъ скажетъ.

Бобровъ.

Что жъ ты этому не радъ?

Шуховъ.

Не радъ! Да какже радоваться, помиосердуй!... Ты посмотри на всѣхъ порядочныхъ людей — Петръ Михайловичъ плачетъ, Федоръ Ивановичъ плачетъ, Василій Понкратьевичъ, просто востъ на всю лавку, Петръ Васильевичъ какъ угорѣлый мечется, не знаетъ что и дѣлать. Вѣдь ремесло отъ нихъ отымается, художество, привилегія! Ну, посуди ты самъ, люди привыкли наживать по тридцати, по сорока, рубль на рубль, и вдругъ все это спуталось, затянулась—такая ломка идетъ что на поди: просто что не затѣвай—все публично разъясняютъ, скарикатурятъ, портреты нарисуютъ, въ «Развлеченіи» отпечатаютъ! Не знаешь за что приняты, какъ взяты. Чтожъ въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всякій человѣкъ, всякая живая душа тоже калачика хочетъ.

Бобровъ.

Послушай, Шуховъ, тебя право трудно понять: шутишь ты или серьезно говоришь?

Шуховъ.

Ай, да полно, до шутокъ ли теперь, напелъ время! Ха, ха, ха! Ну, вотъ и разсердился?.. Охъ, ты птенчикъ — воркунъ!

Всякій не глупый человѣкъ — философъ, жизнь безъ цѣли куда, братецъ ты мой, негодная штука! Вспомни ты мое слово, что она тебя, съ твоимъ-то направленіемъ втащить въ такую грязь, что ты и себя не узнаешь, а посмотрика вотъ на меня, какъ мы вышывемъ! До свиданія пока — если кто спросить, я буду у себя.

Бобровъ.

Вотъ нынче какая философія въ ходу — все націи смѣшались! (*Уводя Вильгельма*). А вотъ еще всесвѣтный гражданинъ!

Явленіе V.

Бобровъ и Вильгельмъ.

Вильгельмъ.

Здравствуй, Сережа. Я братъ, Сережа пришелъ потолковать съ тобой о чѣмъ мы начали вчера. Такъ ты говоришь, что она ничего не замѣчаетъ?

Бобровъ.

Кажется что нѣтъ.. Тише только, здѣсь Шуловъ. Ну а ты, ты также ничего не замѣчаешь?...

Вильгельмъ.

Я?.. нѣтъ!.. то есть въ отношеніи кого?

Бобровъ.

Ну, хотя бы въ отношеніи барона?

Вильгельмъ.

Онъ такъ, знаешь, немножко ластится...

Бобровъ.

Ну, и не немножко!.. хоть бы вчера напимѣрь.

Вильгельмъ.

Ну, это соперникъ не опасный — она его вѣдь не полюбитъ.

Бобровъ.

А, почему знать!... Да, хоть и не полюбить, но можетъ выйти замужъ: твой дядя ему сильная рука.

Вильгельмъ.

Но я скажу, дядѣ, что я люблю ее.

Бобровъ.

А, знаешь что онъ скажетъ?

Вильгельмъ.

Что?

Бобровъ.

Что рано да и скоро... Послушай, Вильгельмъ, ты меня просишь передать ей... намекнуть. Положимъ, это мнѣ не трудно: я почти выросъ въ этомъ домѣ и съ нею, какъ съ сестрой, но если это только шалость съ твоей стороны, желаніе поволочится, вскружить голову молоденькой дѣвчкѣ, такъ пожалуйста не вѣшивай меня; или, если это расчетъ, желаніе составить женидьбой чрезъ годъ, два, свою карьеру, какъ... твой дядя составляетъ, такъ тоже, пожалуйста уволь.

Вильгельмъ.

Но, увѣряю тебя, что нѣтъ и нѣтъ!... клянусь тебѣ, что я ее люблю... Послушай, я тебѣ во всемъ откроюсь, ты знаешь я родился въ Германіи, выросъ и воспитанъ тамъ же, но насъ въ семействѣ много... всѣмъ намъ нечего было дѣлать дома, около отца, мы должны были искать счастья, гдѣ-нибудь въ другихъ земляхъ... Отецъ отправилъ

меня въ Лондонъ, но Лондонъ — это смуть, тамъ безразсудно искать счастья. Тамъ на каждое мѣсто нѣсколько кандидатовъ...

Бобровъ.

Какъ и вездѣ.

Вильгельмъ

Но, не въ такой же мѣрѣ... Увѣряю тебя, что не въ такой; послѣ года я бѣжалъ изъ Лондона, отправился въ Гамбургъ... Скажу тебѣ откровенно, Бобровъ, нѣмцамъ тѣсно въ Германіи — намъ тамъ нечего дѣлать... вотъ почему вездѣ насъ цѣлыя толпы и въ Америкѣ, и въ Англіи, во Франціи, въ Россіи... Наконецъ отецъ отправилъ меня въ С. Петербургъ.

Бобровъ.

И онъ тебѣ понравился?

Видьгелъмъ.

Если хочешь да, если хочешь и нѣтъ. Въ Петербургѣ я нашелъ всего по немногу, и очень мало своего, оригинальнаго. Это и Лондонъ и Парижъ немножко, а больше всего нашего — смѣсь какая-то... Но, жизнь мнѣ понравилась... это русская ширина, богатство, роскошь, золото!... я былъ еще очень молодъ, со всею полнотою свѣжихъ силъ, я отдался всей этой жизни и...

Бобровъ.

И вскорѣ разочаровался?

Вильгельмъ.

Да... мне захотелось другой жизни: мне захотелось не проживать... а наживать...

Вобровъ.

ТАКЪ!

Вильгельмъ.

Но, я хочу работать, Бобровъ, хочу работать сильно, настойчиво, хочу работать день и ночь. О, здѣсь можно работать, здѣсь много дѣла.

Бобровъ.

Да, говорятъ...

Вильгельмъ.

И чтожъ!... вдругъ я въ Петербургъ слышу, что дальній мой родственникъ, однофамилецъ, бѣднякъ, сынъ пастора, играетъ здѣсь важную роль... женится и прочее... Я припоминаю и пишу отцу, мнѣ отвѣчаютъ, что это онъ... Оттонъ-Юліусъ-Пфафъ, я спѣшу, и вотъ ужъ нѣсколько времени какъ я здѣсь. И, какова судьба! влюбляюсь въ мою belle soeur.

Бобровъ.

Да, это точно судьба!

Вильгельмъ.

О, еслибъ она отвѣтила мнѣ тѣмъ же, Бобровъ, я былъ бы счастливъ — тогда полно бы таскаться по свѣту, тогда, Бобровъ, свое бы дѣло — тебя бы въ часть принялъ, вмѣстѣ стали бы работать!

Бобровъ.

Благодарю.

Вильгельмъ.

Ну, а ты... какіе у тебя планы, что думаешь, чего ты ждешь?

Бобровъ.

Я? ничего особеннаго, что дастъ мнѣ жизнь, то и возьму. Намъ русскимъ у себя трудно составить планъ:

честный планъ здѣсь рѣдко удастся; я бился ужъ, немного, ужъ усталъ.

Вильгельмъ.

Знаешь что? меня въ васъ русскихъ удивляетъ какая-то апатія, лѣнь... равнодушіе въ жизни! Вы мало бьетесь съ нею: не удалось вамъ разъ, глядишь вы и крылья опустили; не удастся вамъ въ одномъ мѣстѣ, вы рѣдко ѣдите въ другое... Повѣрь мнѣ, братъ, надо прежде попутешествовать по свѣту, а ужъ потомъ остаться тамъ, гдѣ болѣе поправиться. Отчего, скажи, пожалуйста, вы не похожи на насъ?

Бобровъ.

Отъ многого, братъ, отъ многого! Однако вотъ Софи, она сюда зайдетъ, и если хочешь...

Вильгельмъ.

Я ухожу. Пожалуйста, Бобровъ. (*Уходитъ*).

Явленіе V.

Бобровъ (одинъ).

Отличная философія, какъ не позавидовать! легко живетъ вездѣ какъ дома, а мы и у себя-то какъ въ гостяхъ. Откуда эта апатія, ничего съ собой не сдѣлаешь, сиди вотъ сиднемъ у конторки, работай на другихъ. Эхъ, право, стыдно, грустно, горько и за себя и за своихъ!

Явленіе VI.

Софи (входя осторожно).

Вы здѣсь одни, Сергѣй Петровичъ

Бобровъ.

Здравствуйте Софи. Теперь одинъ

Софи.

Какъ и по большой части?

Бобровъ.

Да, какъ и по большой части.

Софи.

Я на васъ сердита, Бобровъ.

Бобровъ.

За что, Софи?

Софи.

За многое: вчера, напримѣръ, цѣлый день вы не сказали со мной ни одного слова, притомъ вчера опять такъ горячо говорили противъ Пфафъ. Что это у васъ за охота, вы вѣчно всѣхъ вооружаете противъ себя?

Бобровъ.

Что дѣлать, видно ужъ у меня такой характеръ... Я, право, не могъ молчать Софи... Да и стыдно молчать тогда, когда при тебѣ бранять и чернить то, что привыкнешь съ дѣтства уважать.

Софи.

Странный вы человекъ, зачѣмъ вы какъ будто-нарочно устраиваете такъ, чтобы всегда вамъ было хуже. Ни въ чемъ не хотите хотя немножко похитрить?

Бобровъ.

Не могу, Софи, иногда и хочу, а не могу! Что дѣлать, видно я такъ воспитанъ... глупо, не практично; не могу иначе. Знаешь, ... ахъ извините...

Софи.

Знаешь! Продолжай, продолжайте такъ, Бобровъ.

Бобровъ.

Нѣтъ, ради Бога, извините, я не долженъ такъ говорить съ вами.

Софи.

Вотъ глупости! Полноте.

Бобровъ.

Нѣтъ, Софи, вы этого не понимаете, между нами слишкомъ большое разстояніе. Зачѣмъ-же намъ сближаться?

Софи.

Оставьте это, я васъ прошу, не говорите мнѣ такъ... Пфафъ также прежде служилъ папа, а теперь (въ смущеніи). Знаете что, Сержъ, что мнѣ хотѣлось вамъ давно сказать.. давно.

Бобровъ.

Можетъ быть знаю, можетъ быть, — Софи, по ради Бога, прошу васъ не говори, не говорите... Къ чему всѣ эти мечты, зачѣмъ ихъ разбивать... рано или поздно... Изъ нашего сближенія ничего не можетъ выйти. — Вы еще не знаете условій вашего общества: Пфафъ нѣмецъ, а я — русскій. Пожалуйста забудьте обо мнѣ Софи, я буду всегда помнить... любить васъ, какъ сестру.

Софи.

Какъ сестру?

Бобровъ.

Да, Софи! И какъ лучший другъ, я могу вамъ дать совѣтъ: берегитесь барона и обратите вниманіе на Вильгельма — онъ имѣетъ на васъ виды и кажется васъ любить.

Софи.

Такъ значитъ ты меня не любишь?

(замѣта Пфафъ быстро уходитъ).

Явленіе VII.

Тѣ же, Пфафъ, Половниковъ, Юнге, который молча садится за конторку и нѣсколько спустя Шуховъ.

Пфафъ *(съ сигарой, у двери).*

Милости просимъ, Назаръ Степановичъ, милости просимъ.

Половниковъ.

Хозяину впередъ.

Пфафъ.

Нѣтъ, первое мѣсто гостю.

Половниковъ.

По русскому обычью такъ. Войдемъ, сударь, войдемъ. Здравствуйте господа! Любезнѣйшій, Семенъ Васильевичъ, живъ-ли, здоровъ-ли?

Шуховъ *(жметъ ему руку).*

Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, Назаръ Степановичъ!

Половниковъ.

А терпитъ — такъ и хорошо. *(иоха).* Какія, братъ, у тебя славныя сигары, нельзя-ли мнѣ попробовать, да если въ

самомъ дѣлѣ хороши, такъ бы ящичекъ по своей цѣнѣ. Иногда побаловаться.

Пфафъ.

Извольте, Назаръ Степановичъ, вамъ и подарить можно...

Щуховъ (подавая сигару).

Настоящая регалія, Назаръ Степановичъ,

Половниковъ (сидясь на поданный ему стулъ).

Регалія, ишь ты какая (закуривая), хороша! а подарить, такъ и еще лучше будетъ, а подарить тебѣ мнѣ не грѣшно, вотъ тесть-то твой, Христьянъ Христьяновичъ, мнѣ часто даривалъ, мы вѣдь съ нимъ пріятель... Ужъ не занимается дѣлами-то Христьянъ Христьяновичъ?

Пфафъ.

Нѣтъ ужъ мало.. не занимается.

Щуховъ.

Устарѣлъ-съ, Назаръ Степановичъ!..

Половниковъ.

Кто устарѣлъ — Назаръ Степановичъ что-ли? нѣтъ, братъ, еще ничего. Другъ!.. (Щуховъ значительно жметъ ему руку). Да правда что-ль, какъ тебя, Андрей Андреичъ или Иванъ Ивановичъ, слышалъ я Христьянъ-то Христьяновичъ разнымъ будто художествомъ промышляетъ?

Пфафъ.

Да, это его давнишняя охота.

Половниковъ.

Да, ишь ты нѣмецъ, поди-ты, на все гораздъ, а я, братъ, сказать тебѣ по правдѣ, въ этомъ художествѣ ничего, то есть путнаго не вижу. Барышей вѣдь отъ него нѣтъ?

Шуховъ.

Что въ немъ, Назаръ Степановичъ, въ художествѣ: такъ-съ, только времяпрепровожденіе...

Половниковъ.

Именно время... препровожденіе, какое слово-то длинное ха.. ха.. ха.. Да!.. (къ Пфафу). Ну, такъ ты думаешь, что хлопокъ-то, того у насъ, вздорожаетъ?

Пфафъ.

О, да.. непременно! Вѣдь по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя я вамъ представилъ, можетъ быть эти сношенія и совсѣмъ на время,... какъ это по русски?

Шуховъ.

Прекратятся... Назаръ Степановичъ, того гляди что прекратятся, вы ничего про папу не читали?

Половниковъ.

Про папу?... нѣтъ ничего... я вѣдь мало, братъ, читаю. Что, вздоръ!... Такъ прекратятся говоришь на время, нишь ты, вѣдь это дѣло просто значить плюнь; чтожъ мы тогда съ своими бумагопрядильными-то станемъ дѣлать... дѣло-то это выйdetъ пожалуй просто дрянъ.

Пфафъ.

Да, что касается этого, то мы ужъ въ рукахъ у Американцевъ, да у Англичанъ: хлопка не дадутъ—и прясть нечего.

Половниковъ.

Вотъ не дадутъ — дадутъ! Они деньги тоже не меньше нашего любятъ.

Шуховъ.

За лёнь примемся, Назаръ Степановичъ, за свой, отечественный....

Половниковъ.

Вотъ лёнь — на то бабы есть. — Пристало-ль, братецъ, фабриканту такимъ малодушествомъ заниматься... Лёнь! Ишь ты, что сморозилъ! Есть для него двѣ три фабришки, ну и пусть ихъ.

Бобровъ.

Итъ, лёнь важный для насъ матеріаль, Назаръ Степановичъ, свой отечественный, пора-бы и за свое..

Половниковъ.

Ну, ты философъ; съ тобой не сговоришь. Пой, братецъ, пой... это еще когда-то будетъ, а намъ и хлопокъ на руку — хорошіе барыши даетъ; къ тому поди еще прино-равливайся, а это дѣло заведенное.

Пфафъ (съ улыбкой).

Дѣло не подходящее, Назаръ Степановичъ.

Половниковъ.

Не подходящее, братецъ ты мой, это тебѣ лучше меня понятно. Ишь вѣдь нѣмецъ сейчасъ смекнулъ; право какой, посмотришь, досужій вы народъ, какъ разъ все дѣло прозрите, хоть къ чорту прищоровитесь. Я видалъ, вы и кресты, когда пужно, по нашему кладете. Вотъ вашъ Левонтій-то Богдановичъ, какъ они съ Мичуриннымъ дѣла-то начинали; тотъ вѣдь простой — Мичуринъ-то — нѣмецъ-то о дѣлѣ пріѣдетъ толковать, гляди онъ его, нѣмца-то, и потянетъ въ полпивную, право такъ, что же? Мичуринъ-то нальетъ

пива..! возьметъ стаканъ двумя перстами, перекрестится и тотъ тоже возьметъ и перекрестится, ей Богу право, самъ видалъ... Ну, что-жъ и свелъ Мичуринъ вѣдь съ нимъ дружбу. а тамъ того и гляди онъ его пожалуй и помажетъ.. Вѣдь вы тоже доки ха ха ха!.. Нѣтъ я шучу, ты не сердись. Ты мнѣ выпиши.

Пфафъ.

Очень-хорошо-съ, Назаръ Степановичъ, по тѣмъ цѣнамъ какія будутъ?

Половниковъ.

То есть, какъ это какія будутъ, я что-то мало понимаю?

Шуховъ.

По цѣнамъ, какія будутъ по приходѣ товара.

Половниковъ.

Ну да, извѣстное дѣло... тогда и потолкуемъ. Ты значить самъ ѣдешь?

Пфафъ.

Какъ-же, самъ, самъ...

Половниковъ.

И, скоро братецъ ты мой?

Пфафъ.

Скоро! вотъ какъ управлюсь... не дальше мѣсяца.

Половниковъ.

Да, такъ самъ! Въ Англіи значить будешь и въ Италіи и далѣе.. Право, меня, братъ, все любопытство беретъ — по-

смотре́ль-бы, брата́къ ты мой, что это такая за заграница есть, нынче много ѣдутъ; да другое дѣло подумаешь, чего я тамъ не видалъ и что я тамъ буду дѣлать? По вашему вѣдь я не бельмеса не смыслю. Не ротъ-же розни́я тамъ ходить. Вѣдь ужъ лучше нашего-то не будетъ... а?

Пфафъ.

Какъ сказать....

Половниковъ.

Иѣтъ ужъ куда, шалишь братъ! наша вишь какая, гуляй куда хошъ, а тамъ, слыхалъ я и разгуляться негдѣ... да и отъ суновъ" вашихъ бока подведетъ. Вотъ Парижъ вишь ты штука отмѣнная говорятъ. Барыни вишь тамъ ужъ больно хороши; ну, такъ жена не пуститъ, вѣдь у насъ на этотъ счетъ строго! другой разъ охота разберетъ вотъ хоть-бы къ цыганамъ махнуть, такъ и то подумаешь.

Шуховъ.

Ну, да вы, Назаръ Степановичъ, чай объ этомъ не задумаетесь!

Половниковъ.

А что, слыхалъ развѣ? Иѣтъ, братъ, ужъ теперь не то... Въ старые года, грѣха неча таить, бывалъ и я ходокъ.. любилъ... да вѣдь стервы больно тово... разожгутъ, пребѣдовый то есть народъ. Посидишь, посидишь, сотни двѣ три и не досчитаешься. Но чтобъ на счетъ чего нибудь худаго; иѣтъ братъ, ни, ни — у насъ, братъ, строго. Ну, да прощай... какъ тебя Андрей Андреичъ чтоль?... вы вѣдь всѣ Иваны Ивановичи да Андреи Андреичи, ха, ха, ха. Прощай меня еще въ Троицкомъ сватъ ждетъ, нынче у него жена родила, такъ обѣдомъ назвался угостить — все барышъ; на чужой счетъ значить день проживу... ха, ха, ха, оно намъ и на руку, прощай.

Шуховъ.

Хе-хе-хе... Назаръ Степановичъ... шутникъ, ей Богу!...

Половниковъ.

Хе... хе.. хе... какъ это онъ, у тебя все въ тонъ пускаетъ— другъ! Золото парень-то — хоть кого обдѣлаетъ. Завтра забѣги въ амбаръ, я тебѣ выписку приготовлю какъ векселя то написать.. Прощай, пріятель, покушать захотѣлось.. А морозъ-отъ нынче.. ого, крутой, русскій, братецъ ты мой морозъ, его не перехитришь... всякаго кѣмца пришибетъ, ха, ха, ха; Ну, да прощайта отъ насъ до свиданія!

Явленіе VIII.

(въ дверяхъ встрѣчается съ Усовымъ).

Половниковъ.

А, Матвѣй Васильевичъ! какъ сударь поживаете, здоровы-ль сударь?

Усовъ (съ сыномъ).

Здравствуйте Назаръ Степановичъ, благодарю покорно-съ! *(кланяется)*. Понемножечку-съ, помаленичку-съ.

Шуховъ (Пфафу).

Смотрите, этотъ похитрѣй.

Пфафъ.

Да, да!.. Я знаю.

Половниковъ.

Что вы по миткалевой развѣ тоже торгуете-съ?

Усовъ.

Нѣтъ-съ... Я на счетъ машинъ-съ.

Половниковъ.

Значитъ паровикъ выписывать, другой?

Усовъ.

Да-съ... другой-съ...

Половниковъ.

Ну, дай Богъ! дѣло хорошее-съ. Вамъ Богъ невидимо посылаетъ. Мы съ тестемъ-то его съ Христьяномъ Христьянычемъ дѣлали дѣла, человѣкъ хорошій. Прощенья просимъ, я къ Дехтярникову — жена родила, такъ обѣдомъ угощаетъ. Будете — заверните, мы въ Повотроицкомъ.

Усовъ.

Ахъ-съ, Анна Павловна! ну слава Богу-съ, ну, дай Богъ .. Честь имѣю поздравить ее... честь имѣю... нынче-то ужъ не знаю-съ... поздравьте отъ меня Пвана Федоровича-съ! (много кланяется, почти что при каждомъ словѣ).

Половниковъ.

Ну, прощайте Степанъ Васильевичъ.. Прощай какъ тебя, Андрей Андреичъ.. сигаръ-то братъ не забудь, сигары важныя, а есть получше и получше пришли, не обижусь. Прощайте господа... Семенъ Васильевичъ... другъ! Заходи, выпьемъ. (уходитъ).

Явленіе VIII.

Тѣ же безъ Половникова.

Пфафъ.

Милости просимъ. Садитесь пожалуйста. (къ молодому) Садитесь молодой человѣкъ. Угодно сигарочку, Степанъ Васильевичъ?

Усовъ.

Нѣтъ-съ я не курю, съ измалнѣтства привычки не сдѣлалъ.

Пфафъ (къ молодому).

Вамъ-съ?

Мол. Усовъ.

Нѣтъ-съ, благодарю-съ. Миѣ еще не позволяютъ.

Шуховъ.

Такъ пряжа дороже Степанъ Васильевичъ.

Усовъ.

Дороже, сударь, дороже...

Пфафъ.

Вѣроятно не на долго?

Усовъ.

Богъ знаетъ, Богу извѣстно-съ...

Шуховъ.

У васъ запасаецъ есть пока Степанъ Васильевичъ?

Усовъ.

Немножко-съ.

Пфафъ (къ сыну Усова).

Ну, молодой человѣкъ, такъ за границу?..

Усовъ.

Робѣтъ все-съ, ужъ право и не знаю-съ..

Шуховъ.

Такой молодецъ, да робѣтъ.

Пфафъ.

Э, ничего... ничего нѣтъ страшнаго..

Усовъ.

Не ѣздилъ никуда-съ, боязно-съ знаете.

Пфафъ.

Э, помилуйте... ничего...

Шуховъ.

Смотрите-ка какъ покатытъ—любо-дорого!

Усовъ *(откашливаясь и ухмыляясь)*.

Такъ-то — такъ-съ. Такъ мы приступимъ-съ Андрей Андреичъ-съ.

Пфафъ *(показываетъ на дверь на лѣво)*.

Не угодно-ли сюда?

Усовъ.

Все равно-съ! пожалуй и туда-съ; извольте проходить-съ, да вы ужъ только по-русски, по вашему то я не понимаю-съ, не ученъ.

Явленіе IX.

Тѣ же и Соровъ.

Соровъ

(въ дверяхъ, за нимъ два извозника).

Ступай, ступайте — бороды, вотъ я васъ разгуляю... а, гутъ моргенъ, любезнѣйшій Семенъ Васильевичъ, гутъ моргенъ Федоръ Мартыновичъ, здравствуйте благодѣтель, любезнѣйшій Сергѣй Петровичъ. (Указывая на извозниковъ къ Шухову.) Вотъ-съ вамъ карасей какихъ привелъ... Что, мочи нѣтъ, Семенъ Васильевичъ, разбери пожалуйста, батюшка, товаръ вѣдь вашъ, вотъ третій день прости Господи ни крестомъ, ни пестомъ отъ нихъ не отдѣлаюсь...

1-й Извозникъ.

Да какъ-же, отецъ родной....

Соровъ.

Молчи борода, сиволапъ, медвѣдь архангельскій, рыло твое неумытое. Отецъ родной, много ихъ тутъ про васъ.

2-й Извозникъ.

Что ты вотъ станешь дѣлать — лается да и только; разбери хоть ты дѣло, братъ любезный!

Шуховъ.

Ну, ну, что такое, другъ милѣйшій, что ты мнѣ за исторію расскажешь?

Соровъ.

Погоди, молчи! Гдѣ же ему, Семенъ Васильевичъ, позвольте я расскажу; вотъ видите-ль, государь милостивый... въ

Астраханѣ вотъ, какъ его, агентъ онъ чтоль какой вашъ подрядилъ вотъ этихъ зипуновъ — прости Господи мнѣ многогрѣшному — вести рисъ по 1 р. 40 копѣекъ. Такъ-ли? вѣдь дѣло торговое, говори на чистую — по сорока?

1-й Извозчикъ.

Нѣтъ не по сорока, а по полтинѣ; по сорока ошибкой написано и оговоркой оговорено въ грамотѣ, — ты погляди-ка.

Соровъ.

Врешь ты, никакой нѣтъ оговорки. (*Къ Шухову*) Никакой вѣдь оговорки нѣтъ, брешить онъ. Ну, вотъ видите, Семенъ Васильевичъ, подряжено однихъ по сорока, а дялю, какъ его (*читая*) Финногена тамъ чтоль?...

2-й Извозчикъ.

Хвиногенъ, кормилецъ, Хвиногенъ.

Соровъ.

Его съ полтиной.

2-й Извозчикъ.

Съ полтиной, истинно...

Соровъ.

Ну, вотъ васъ, дурачье, контора, слышь ты, контора и рассчитываетъ одного по 40-коп., другаго по полтинѣ.

1-й Извозчикъ.

Да, вѣдь тамъ-же въ грамотѣ прописано, милостивецъ ты мой, въ накладной-то прописано.... что и насъ съ товарищемъ рассчитать тоже по полтинѣ. Такъ что-же ты Бога чтоль Христа небѣснаго не боишься?...

Соровъ.

Написано, написано, да кто написалъ-то, вѣдь дѣло торговое, кто написалъ?

1-й Извозчикъ.

Кто написалъ, не мы-жъ написали, въ Астраханѣ прописано, вѣдь намъ такъ и сказано...

Соровъ.

А, чѣмъ ты мнѣ это докажешь, жукъ ты навозный, чѣмъ докажешь что въ Астраханѣ прописано.

Шуховъ.

Ну-ка-сь, послушаемъ разумной рѣчи! Что за народъ, и на людей-то не похожи! Ну-ка-сь, ну-ка, братъ, любезный.

1-й Извозчикъ.

Да, вѣдь Давыдъ Давыдычъ-же сказалъ, что робята ошибся молъ я, такъ говоритъ марать, то есть не стану, а въ грамотѣ въ Москву отпишу — мы въ той надеждѣ....

Соровъ.

Ну, а ты спроси написано-ли въ грамотѣ-то, написано-ли въ письмѣ-то? *(Всѣ молчатъ, Бобровъ дѣлаетъ движеніе и смотритъ на извозчиковъ)*. Ну, видишь ты вѣдь дѣло торговое... все въ порядкѣ, у насъ на чистоту.

1-й Извозчикъ *(къ Юнгѣ)*.

Чтожъ, ваше благородіе, вѣдь это разбой просто, не говоря другаго слова. Чтожъ помилосердуй!

Юнгѣ *(ломаннымъ языкомъ)*.

Молшаты!

1-й Извозчикъ.

Тождъ вѣдь эдакъ мы и къ фортальному пойдёмъ, чтождъ въ самомъ дѣлѣ!

Юнге (вскакивая).

Ахъ ты мужикъ, ахъ ты скотиня ступай къ квартальному, вонъ каналья ты эдакая, пошелъ вонъ! (даетъ одному изъ извозчиковъ пинька).

Соровъ.

Вонъ, вонъ!... вотъ такъ его, Федоръ Мартынычъ, ха, ха, ха, вотъ эдакъ его, каналья ты эдакая, хайло разодраля тоже, зипунъ навозный, скажите на милость, еще огрызается, къ фортальному! (къ Юнге). Да, пусть его, Федоръ Мартынычъ къ фортальному идетъ-сь, много онъ возьметъ отъ фортальнаго-то, еще своихъ, сударь, прибавить... Вѣдь прибавить батюшка Семенъ Васильевичъ?...

Шуховъ.

Чтождъ, пусть поучится.

Соровъ.

Ну, чтождъ сталъ-то ступай къ фортальному.... Что, аль осилили, хе, хе, хе, правды въ части захотѣлъ искать.

1-й Извозчикъ (къ товарищамъ).

Чтождъ, рабята, это просто разбой, не говоря дурнаго слова...

Юнге (вскакивая).

Разьбой! Опять разьбой! Ахъ ты каналья ты, бестья ты эдакая варваръ... Пошелъ вонъ отсюда.

(толкаетъ его).

Юнге (бросаясь къ извозчику).

Вонъ пошли подлецы, вонъ пошли.

Сафронъ (*выходя впередъ*).

Не трошъ! сондофен се извикаше на един от войниците.

ШУХОВЪ.

Ха... ха... ха... вотъ и опять народность.

Юнге.

«Это что такое?»

Сафронъ.

Вотъ те и что... не трошъ!.. смѣешь ты православнаго, да своими погаными руками... За что ты его гнетешь? онъ по́томъ, да кровью заработалъ копѣйку, а ты ее крадешь, томишь, пойдите къ старику Сергѣй Петровичъ.

Юнге (вишь себя):

Што это такое. Какъ ты смѣешь, какъ ты можешь, Herr Pfaff, Herr Pfaff!

Вобровъ.

Идите за мной ребята... я вас разочту.

1-ый Извош.

Спасибо тебѣ отецъ родной. Бѣда вотъ наша безъ грамоты-то, всякая тварь, что хочеть, съ тобой то и дѣлаеть!

Сафронъ.

Небось не обидятъ, не прежнія времена! (*Уходитъ*).
(*Въ дверяхъ показываются Пфафъ и Усовы*).

Явленіе IX.

Тѣ же, Пфафъ и Усовы.

Пфафъ.

Ну, такъ это дѣло, значитъ, кончено Матвѣй Васильичъ, вы представляете задаточные, я вамъ выдаю росписку... Заказъ завтра-же по телеграфу—въ Манчестеръ, съ открытіемъ навигаціи ваши машины въ Петербургъ.

Шуховъ.

Значитъ, сударь, Матвѣй Васильичъ съ окончаніемъ можно поздравить...

Усовъ.

Точно такъ-съ, очень бы такъ хорошо Андрей Андреичъ, оченьбы хорошо... Мой директоръ и приметъ ихъ.

Пфафъ.

Отлично. У Васъ Крамеръ?

Усовъ.

Точно такъ... Ну, а какже на счетъ сынишки-то, Андрей Андреичъ?

Пфафъ.

Что жъ много думать, снаряжайте въ дорогу.

Усовъ.

Ужъ право, и не знаю какъ...

Мол. Усовъ.

Боязно на первый-то разъ.

Усовъ.

Да... именно боязно Андрей Андреичъ...

Пафъ.

И полноте, чего бояться? волковъ тамъ нѣтъ! ...
Шуховъ.

Какіе волки, тамъ все овечки.. и воротиться не захочет-
ся, молодой человѣкъ! ...

Усовъ.

Такъ-то такъ, да право ужъ не знаю, вотъ я еще съ
женой поговорю,.. что она скажетъ... вѣдь еще время не
ушло-съ?

Пафъ.

Да, разумѣется уснѣемъ...

Усовъ.

Ужъ право не знаю-съ какъ... Ну, да пока до свиданья,
Андрей Андреичъ, я задаточекъ вамъ завезу... на первый
разъ тыщенокъ до тридцати?

Шуховъ.

Вѣдь мѣсто вѣрное!

Усовъ.

Помилуйте-съ! Вѣдь мы съ Христьяномъ Христьяновичемъ,
давно торгуемся; честибѣйшій человѣкъ... Такъ прощайте,
сударь, а о немъ подумаемъ съ женой и насчетъ задатка
переговоримъ-съ.

Мол. Усовъ.

Прощайте.

Пфафъ.

Прощайте молодой купецъ.

Шуховъ.

А, какія тамъ овечки!

Явленіе X.

(Тоже кромѣ Усовыхъ).

Пфафъ.

Sonderbarer Karl!.. вотъ баба, а говорятъ ведетъ большія дѣла.

Шуховъ.

Такихъ здѣсь много; не хитры на слова, а доки, поклонами прочищаетъ дорожку...

(Пфафъ садится за столъ. Шуховъ остается на своемъ мѣстѣ, Юнге подходитъ къ Пфафу).

Пфафъ (съ досадою).

Что-съ?..

Юнге.

Ich will Ihnen paar Worte sagen.

Пфафъ. (видимо занятый другимъ).

Да, но только послѣ... мнѣ теперь некогда.

Юнге.

Aber, nur paar Worte!

Пфафъ.

Ахъ, я вамъ скызалъ, что послѣ.

Юнге (недовольно).

Вы будете на биржѣ?

Пфафъ.

Да... да... Шуховъ прошу васъ здѣсь остаться. (Юнге быстро идетъ къ конторкѣ, одѣвается, подозрительно и съ завистью смотритъ на Шухова, который его провожаетъ насмѣшливымъ взглядомъ)

Явленіе X.

Пфафъ и Шуховъ.

Пфафъ (у письменнаго стола горячо и быстро считая на-
бумагъ).

Ушелъ?

Шуховъ (осматриваясь).

Ушелъ!

Пфафъ (вставая).

Денегъ, Шуховъ, денегъ, денегъ!

Шуховъ.

Денегъ? деньги пустяки... достать честныхъ образомъ не трудно...

Пфафъ.

Но, у кого, гдѣ и какъ?—Миѣ скоро надо...

Шуховъ.

Объ этомъ надобно подумать, поразгадать, умомъ раскинуть. Трудная задача!

Пфафъ.

Да... не легка!. а вѣдь все таки возможно разрѣшить не квадратура круга?

Шуховъ.

Когда тутъ квадратура, мудренѣй! Дисконтировать....

Пфафъ.

Что дисконтировать, немного на лицо... мнѣ надо тысячъ двѣсти, триста...

Шуховъ.

Такъ что жъ за важность, ну дисконтируемъ и двѣсти, ну и триста, у разныхъ можно.

Пфафъ.

Все это такъ... да что мы будемъ дисконтировать?...

Шуховъ.

Да документы же, извѣстно что дисконтируютъ.

Пфафъ.

Не понимаю...

Шуховъ.

Неужли?

Пфафъ.

Нѣтъ, право-же не понимаю.

Шуховъ.

Ну, полно, Пфафъ, ты словно малое дитя; дисконтируемъ чужіе, ну, понимаете чужіе?

Пфафъ.

Но, какъ чужіе? Значитъ поддѣльные?

Шуховъ.

Ну, да, насилу догадайся; вѣдь тоже писанные будутъ и документы тоже.

Пфафъ.

Но.. любезный Шуховъ! это... это...

Шуховъ.

Что это — преступление? А что такое преступление?.. — вольно-жъ было нашимъ дѣдамъ такъ глупо взглянуть на это дѣло.. Преступление страшно для дураковъ, для умныхъ же людей....

Пфафъ.

Оно лишь средство къ цѣли?

Шуховъ (оживляясь).

Ну да... по совершенной логикѣ пора это понять...

Пфафъ.

И оборотъ коммерческій?

ШУХОВЪ (*сильнѣе оживляясь*).

И, чортъ меня возьми здѣсь на матушки Руси это отличный оборотъ: за воображаемый капиталъ проценты лишь заплатимъ, не будь я Семенъ Васильевичъ Шуховъ, отличный оборотъ — ни въ одной политической экономіи такого не отыщешь... Хватить-ли только бумаги, сейчасъ пишу, пишу я на тузовъ извѣстныхъ, чтобъ представители цѣнности, высоко были цѣнны... По горячимъ слѣдамъ на одного Бездольнаго 100,000 удеру.

Пфафъ.

Но, стойте, стойте Шуховъ.

ШУХОВЪ.

Чего стоять, садиться надо, да писать, во сколько рыбемъ мы Пфафъ?..

Пфафъ.

Да мѣсяцевъ въ пятнадцать... не короче...

ШУХОВЪ.

А, долго время: того вѣдь и гляди — концы вѣдь надо ловко прятать, ты будешь тамъ, а я подъ русскими законами останусь...

Пфафъ.

Ну, въ десять, меньше не могу —, пока придетъ, пока мы сбудемъ, вѣдь время очень не большое — десять мѣсяцевъ.

ШУХОВЪ.

Часть въ восемь, а часть въ десять.

Пфафъ (рѣшительно): III

Ну, идетъ. Что будетъ, то и будетъ!

Шуховъ. И я иду онъ... согласенъ...

Ну, вотъ и ладно! это понашему, по русски — куда не вывезетъ кривая, вытягивай голубчики. Только залогъ, мой милый другъ, залогъ!..

Пфафъ.

Какой залогъ?

Шуховъ. Отъ чего? отъ чего?

Какъ какой? вѣдь ты уѣдешь... въ отвѣтъ я одинъ...

Пфафъ. Вотъ и все, этого достаточно!

А, жена, дитя мое здѣсь скоро...

Шуховъ.

Да, жена! Ну, чтожъ тебѣ жена?..

Пфафъ.

Шуховъ... если такъ...

Шуховъ.

Ну, ну... молчу, согласенъ... Abgemacht! Сейчасъ я дѣлаю расчетъ, кому по сколько, во многоль срокомъ — а потомъ, потомъ я капиталы создаю! (насмѣшливо). При каждомъ почеркѣ пера рубли, десятки, сотни тысячъ за мною кучей полетятъ; перо-жезломъ волшебнымъ станетъ (обращая конецъ пера къ зрителямъ). И что за сила, въ наше время, вотъ въ этомъ пишущемъ концѣ! Сколько имъ акцій, облигацій, стиховъ и прозы создано!.. И что за сила въ этихъ

деньгахъ, что за сила ломовая: рука дрожитъ, какъ ихъ считаю, глаза горятъ какъ вижу ихъ... и вотъ сейчасъ я цѣлый ворогъ ихъ создамъ.. такъ сѣрой кучей и зашевелится на столѣ... Вѣдь мы, само собой, заплатимъ, Пфафъ?...

Пфафъ.

О, да, да, непременно, непременно, я честный человекъ. Миѣ только-бы нажить, себя-бы обеспечить. Планы широкіе.. богатство, скрытое, которое кругомъ здѣсь вижу — ни днемъ, ни ночью миѣ покоя не даютъ.

Шуховъ.

Ну вотъ, теперь тебѣ дадимъ покой — Такъ я иду... пишу... Господи благослови!

Пфафъ *(смотря на него)*.

То правда, слышалъ я, что русскій человекъ хотя и убить кого сберется — все перекрестится.

Шуховъ.

Ха, ха, ха! да эта наша характеризная черта... *(останавливаясь на полдорогѣ)*. Постой.. *(возвращаясь на аван-сцену)*. А кто же сбудетъ?..

Пфафъ.

Да кому-же, сбудь ты, пожалуйста.

Шуховъ.

Все я... нѣтъ, я за это не берусь: моя рука и миѣ сбывать... Много чести: за это знаешь вѣдь куда?..

Пфафъ.

Куда?..

ШУХОВЪ.

Туда.... А, это туда дѣло такого рода, что какъ вообразишь его, такъ сердце ёкнетъ: все равно, что живому лечь въ гробъ, и на тебя аршина три земли насыпать..

ИѢЗѢТЪ.

Но, какъ-же быть?!. Мнѣ тоже вѣдь нельзя, тоже подозрѣнье... можетъ быть.

ШУХОВЪ.

Это такъ!.. надо еще подтибрить человѣчка...

ПѢСНЬ.

Кого-же... а?... Ну, говори скорѣй кого-же?.

ШУХОВЪ.

Кого... а знаешь-ли кого?...

Явленіе XI.

Тѣ же и Баронъ.

ШУХОВЪ.

Тьфу! какъ чортъ онъ легокъ на поминѣ; какъ Мефистофель за Фаустомъ, такъ и онъ за мной.

II ५२ ५८.

-1.Его?и и елзгъ вой мѡлѣдѣи отъ се и гл҃ади .

ШУХОВЪ.

Кого-же больше... вѣдь онъ не тонетъ не горитъ! По-говори,... но только по хитрѣй?

Баронъ (сквозь зубы подходя).

Что новаго?...

Пфафъ.

И много, и немного...

Баронъ (протяжно).

Да—а—а.

(Шуховъ, взявши бумагу и нѣсколько документовъ, тихо, осматриваясь уходитъ въ комнату на лѣво, Баронъ, какъ будто выжидая его, въ раздумьи перебираетъ газеты на письменномъ столѣ).

Явленіе XII.

Баронъ (подходя).

Что это у васъ за секретныя дѣла?

Пфафъ.

Ничего, такъ!.... Есть деньги у тебя?

Баронъ.

Нѣтъ, денегъ нѣтъ!

Пфафъ.

Такъ, значитъ... все бросить надо... все пустяки.. всѣ планы широки въ игрушку превратились... Вѣдь время дорого... вотъ ужъ около года прошло — а что мы сдѣлали? Я даромъ время тратить не хочу, жизнь эта меня душитъ, задаромъ что-ли я, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мерзну на морозѣ, по пяти, по шести разъ на дню пью чай, таскаюсь по рядамъ, бѣгаю за этими скволыжниками и бородами; у меня

дыханье захватываетъ отъ этого проклятаго мороза, ноги пухнуть, вѣдь простудился и капутъ .. Давайте денегъ мнѣ, давайте мнѣ работы, у меня жена... дѣти... мнѣ нужны деньги, деньги..

Баронъ.

Но, что же дѣлать, гдѣ-жъ ихъ взять?... Не-ма!..

Пфафъ.

А, твои откупщики, твой новый источникъ... высохъ?

Баронъ.

Не высохъ — гдѣ имъ высохнуть, документовъ требуетъ.

Пфафъ.

Документовъ!.. какихъ, чьихъ?

Баронъ.

Разумѣется не нашихъ, чужихъ... извѣстныхъ лицъ...

Пфафъ.

Чужихъ! У меня есть чужіе документы...

Баронъ.

На много ли, на пустяки?

Пфафъ.

Нѣтъ не на пустяки... На двѣсти-триста тысячъ!

Баронъ.

На двѣсти... три-ста-тысячъ!... откуда жъ это? Что жъ продано? Ты гредишь, Пфафъ!

Пфафъ.

(ткуда... Это ужъ мое дѣло... ну, продалъ я, на срокъ чужой товаръ.

Баронъ.

Ну, полно же!... къ чему секреты... чужой товаръ... скажи скорѣй, чужіе документы — поддѣльные!

Пфафъ (отрывисто).

Ну да! это все равно — оборотъ!

Баронъ.

Ну, вотъ и дѣло!... знаешь ли, я нынче шелъ къ тебѣ съ такимъ же предложеніемъ... вижу, что дѣлать больше нечего... Вѣдь это дѣйствительно только оборотъ коммерческій... Ты меня предупредилъ!

Пфафъ (также).

Не я...

Баронъ.

Такъ кто же?

Пфафъ.

Шуховъ!

Баронъ.

Такъ значитъ и онъ въ часть?

Пфафъ.

Ну, да увидимъ тамъ, кое что надо будетъ дать.

Баронъ.

Ну, это жаль: гдѣ русскій замѣшается, тамъ мало вы-
детъ толку.

Пфафъ.

Почему жъ? онъ ловкій человекъ!. Ну, что тутъ толко-
вать, дѣло начато, надо его кончить — дисконтируй, при-
нимай участіе.

Баронъ *(будто подумавъ)*.

Пожалуй... я готовъ... съ условіемъ только Пфафъ.

Пфафъ.

Что еще?

Баронъ.

О, самое простое и не денежное. Я хочу жениться. Въ
это время, смотря на тебя съ твоей Терезой, я позавидо-
валъ тебѣ... Нѣтъ силъ... таскаться надоѣло... все это по-
купное — пріѣлось не могу.

Пфафъ.

Послушай, баронъ, ты ли это?

Баронъ.

Нѣтъ, право такъ. Серафима страшно дорога, ушла на
дняхъ къ другому, остальное такая дрянь.

Пфафъ.

Ты жену, какъ будто любовницу третируешь.

Баронъ.

Ну, думай объ этомъ какъ ты знаешь .. Мы ужъ съ тобой не аркадскіе пастушки... Не знаю на долго ли, а правится мнѣ теперь, сестра твоей жены.

Пфафъ.

Софи?

Баронъ.

Да, Пфафъ, Софи!

Пфафъ.

Но, послушай, *cher ami*, за кого жъ меня-то ты принимаешь?

Баронъ.

За мужа ея сестры и за человека, имѣющаго большое вліяніе на старика.

Пфафъ.

Послушай, какъ хочешь, но такъ нахально, и такъ открыто... цинически...

Баронъ.

Другъ любезный, повторяю, вѣдь мы не пастушки; ты искалъ съ Розенбергомъ породниться, онъ у тебя надежная опора, что же я дѣлаю худаго?.. я нищу того же; разница въ томъ, что у тебя прошедшее, то настоящее у меня.

Пфафъ.

Вы ошибаетесь, Баронъ, въ Терезѣ я искалъ жену: надъ моими семейными отношеніями я никому не позволю

забавляться. Мы съ вами совершенно иначе понимаемъ женитьбу и отношенія къ той женщинѣ, которую мы называемъ своею женой; будьте увѣрены, что я никогда не буду ходатайствовать за того человѣка, который такъ низко понимаетъ то, что должно быть хоть нѣсколько священо для всякаго.

Баронъ.

О, я плачу той же монетой: я никогда не дисконтирую документовъ, о которыхъ такъ цинически, и такъ открыто, такъ низко говорятъ, что они поддѣльные...

Явленіе XII.

Шуховъ (входя).

Онъ уже знаетъ... ну, и дѣло, онъ какъ бѣсъ за грѣшную душу за это ухватился (подходя). Часть готова, вотъ они (показываетъ документы; нѣсколько минутъ молчанія).

Пфафъ (какъ будто про себя).

Чтожъ это такое... подобнаго вѣдь я не ожидалъ. Вѣдь это вопросъ на жизнь и на смерть... (послѣ долгаго молчанія) Но, можетъ онъ исправится,... можетъ быть его женитьба переменить,... я посмотрю... не откажу ему совсѣмъ. (Къ барону). Я подумаю, баронъ!

Баронъ (принимая отъ Шухова документы).

Ну, и я подумаю, любезный Пфафъ!..

Пфафъ.

До свиданія... (быстро уходитъ).

Баронъ.

До свиданія...

Явленіе XIII.

Шуховъ (къ барону).

Скажите, что такое?

Баронъ.

Такъ ничего! Знаете русскую пословицу: два раза при-
мѣрь...

Шуховъ.

Ахъ, чортъ возьми... а я заслушался, да и отрѣзалъ, а
росписку-то съ него и не взялъ (беретъ шляпу). О, Русь
святую надо знать: законный документъ великое здѣсь дѣ-
ло! (Уходитъ быстро за Пфафомъ въ среднюю дверь).

Явленіе XIV.

Баронъ (одинъ).

Дружба дружбой, а служба службой... У насъ теперь
порука круговая, а въ случаѣ и улика на лицо! Ну, Софи,
ты, душечка, ужъ какъ ты не вертись, хоть бы за тебя
тысяча Бобровыхъ и двѣ дысячи Вильгельмовъ, а ты те-
перь, мой миленькій, прелестненькій дружочикъ моя моя.
Поїду полюбуюсь на нее въ ожиданіи и въ этомъ кое-что
эдакое есть... Волненіе очень пріятное!

ДѢЙСТВІЕ III.

Залъ въ домѣ Пфафъ. Вечеръ. Ярко освѣщено. Все видимо приготовлено къ приему гостей. На заднемъ планѣ большой раскрытый рояль, на столахъ — вина, фрукты; на право двери подъ драпировкой въ гостиную, тоже освѣщенную; налѣво, чрезъ растворенныя двери, видны еарточныя столы.

Явленіе I.

Пфафъ.

(сходитъ тревожно, въ плащъ и шляпъ; плащъ онъ сбрасываетъ у дверей и быстро идетъ на аван-сцену, не скидая въ забывчивости шляпы).

Неужели это правда... что я слышалъ... сейчасъ... случайно. Одинъ другому по секрету говорилъ... Наши документы — узнано... открыто... Фу, Боже мой, вотъ я чего такъ быстро въ Россіи не ожидалъ!... Какое несчастіе, какая неожиданность и въ какое время, въ день крестинъ моего перваго сына... Лучше смерть, нежели такой позоръ! Что же дѣлать, на что рѣшиться? Бѣжать, скорѣй отсюда... Но паспортъ этотъ проклятый... ба! кажется барона паспортъ у меня... да... да... вотъ онъ, вотъ! По сынъ мой,... Тереза, крещенъя день, гости... Ахъ Боже мой, какая пытка!... За что жъ, это за что?... Но лучше порознь на свободѣ, потомъ сойдемся. Скорѣй деньги... паспортъ... прощусь съ женой, съ сыномъ... и... да, во время шума бала, прощай ты русская тяжелая земля, куда-нибудь, да поскорѣе бы изъ тебя.

Явленіе II.

Тѣ же и Софи.

Софи (шутливо).

Куда?

Пфафъ.

Я къ себѣ, къ Терезѣ...

Софи (также).

Нельзя...

Пфафъ.

Что такое, почему?

Софи (всматриваясь въ него).

Боже мой, что съ вами, Пфафъ?... Вы на себя не похожи...

Пфафъ.

Какъ ты меня перепугала... Постои, Софи.

Софи.

Нѣтъ погоди Юліусъ... Миѣ нужно спросить тебя два слова.

VI. Эпизодъ

Пфафъ.

Миѣ нѣкогда, Софи.

Софи.

Одну минуту!... У меня до тебя есть дѣло, я васъ прошу.

Пфафъ.

Ну, я слушаю, скорѣе только...

Софи.

Пфафъ, нынче я должна сказать рѣшительный отвѣтъ барону, вы этого сами желали. Пфафъ вы его знаете. Скажи мнѣ, Пфафъ... прямо и откровенно — онъ честный и хорошій человекъ?

Пфафъ.

Вотъ что Софи... да — нѣтъ... послѣ, меня ждутъ, увидимся еще... *(быстро уходитъ)*.

Явленіе III.

Софи *(смотря ему вслѣдъ)*.

Да — нѣтъ! что это все значить? Встревоженъ, снѣшить и это — да и нѣтъ?... Боже мой, и такъ-то вотъ играютъ судьбой дѣвушки... самъ наставлялъ, просилъ, совѣтовалъ, уговаривалъ папа и вдругъ!... Что же это значить? Сестра больна, отецъ старъ и я одна, одна въ такія минуты? Что за судьба: зачѣмъ вошелъ къ намъ этотъ русскій, этотъ Бобровъ, и что это за странный человекъ? Самъ себя не понимаетъ, самъ не знаетъ чего хочетъ; но какъ я люблю его! Боже мой какъ люблю такъ крѣпко, сильно, порусски, и какая мука, все сильнѣй и сильнѣй...

Явленіе IV.

Софи и Вильгельмъ.

Вильгельмъ *(въ бальномъ костюмѣ)*.

Слава Богу она одна... *(Громко:)* Добрый вечеръ, фрейлейнъ Софи.

Софи.

Добрый вечеръ!

Вильгельмъ.

Знаете ли Софи... если я еще смѣю такъ назвать васъ: (съ насмѣшкою) вѣдь вы, быть можетъ, скоро баронесса, знаете ли вы, зачѣмъ я здѣсь остаюсь... Въ эти дни, послѣ ссоры съ моимъ дядей, я еще не успѣлъ сказать вамъ ни одного слова.

Софи.

Странно было бы, еслибъ я это знала.

Вильгельмъ.

А кажется узнать не трудно, особенно если вы помните ваше обѣщаніе передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

Софи.

Я помню, но все-таки не угадываю.

Вильгельмъ.

Значитъ, вы его не хорошо помните. Позвольте мнѣ напомнить. Кажется вы обѣщали мнѣ писать.

Софи.

Я... вамъ?

Вильгельмъ.

Да, вы мнѣ!... Неужели вы уже забыли это?

Софи.

Я кажется сказала — сестра напишетъ вамъ.

Вильгельмъ.

Это все равно.

Софи.

Можетъ быть для васъ, но не для меня.

Вильгельмъ.

Положимъ. Но и она не написала...

Софи.

Сколько я знаю, кажется, нѣтъ.

Вильгельмъ *(притворно мѣняя тонъ)*.

И, не смотря на это, я все-таки пріѣхалъ сюда и остаюсь. Да, Софи, я не могъ не пріѣхать, потому что все еще люблю васъ. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть вашу сватьбу — и вотъ я здѣсь, нынче кажется помолвка, и я останусь, Софи, здѣсь, до тѣхъ поръ, пока буду имѣть удовольствіе называть васъ баронессой; мнѣ жаль васъ, Софи, но что же дѣлать, можетъ быть мы оба равно несчастливы.

Софи.

Послушайте, оставьте пожалуйста. Неужели вамъ правится играть такую пустую и жалкую роль — вздыхателя, она нисколько не идетъ къ вамъ. Ахъ, Вильгельмъ, вы еще такъ молоды и такъ уже... фальшивы. Неужели же вы дѣвушку въ девятнадцать лѣтъ принимаете за ребенка, неужели же вы думаете подслужиться ей, повздыхать и заставить полюбить себя. Зачѣмъ, вы, не любя, хотите быть влюбленнымъ, вѣдь это смѣшно и тяжело, да и жалко и смотрѣть на это. Въ вашихъ глазахъ я уже давно прочла обманъ и фальшь; вы хотите обмануть и себя и меня. Стыдно, Вильгельмъ! Будьте покойны, что ни вы, ни баронъ, и никто изъ васъ и на васъ похожій, никогда не будетъ моимъ мужемъ! *(Быстро уходитъ)*.

Явленіе V.

Вильгельмъ.

Ахъ чортъ возьми, какова! это Софи, эта та скромная, тихая Софи?... да, я не узнаю ее, она нынче и смотритъ-то какъ-то иначе... просто выросла въ одну минуту. Не я, и не баронъ! да кто же наконецъ? Вѣдь ей ужъ двадцать, и ни одного кандидата... вѣдь это все равно, что доходное вакантное мѣсто... Кто же?

Явленіе VI.

Тѣ же и Бобровъ (*также въ бальномъ костюмѣ*).

Вильгельмъ.

Неужели Бобровъ? О, пустяки!... Впрочемъ чѣмъ чортъ не шутитъ, постой-ка я попробую его: Бобровъ поди-ка сюда, какую я тебѣ сообщу новость.

Бобровъ.

Что такое?..

Вильгельмъ.

Софи вѣдь наклеила носъ Барону...

Бобровъ.

Очень радъ.

Вильгельмъ.

Я думаю.

Бобровъ.

Что?

Вильгельмъ.

Такъ, ничего! Ты это говоришь, какъ будто уже зналъ объ этомъ прежде.

Бобровъ.

Разумѣется зналъ.

Вильгельмъ.

И, ты тоже, разумѣется, радъ этому?

Бобровъ.

Я думаю, какъ и всякій радъ тому, когда видитъ, что устроивалось подлое дѣло, и не устроилось.

Вильгельмъ.

И только будто — ха, ха, ха! Какъ однако ты мало способенъ притворяться. А, нечего сказать, ты славно умѣлъ обдѣлать свои дѣла, тишкомъ да понемножку, а смотришь и дошелъ.

Бобровъ.

Обдѣлывайте вы!. Вы вотъ сюда набрѣли съ вашими идеями да планами, которые тишкомъ да понемножку здѣсь въ ходъ пускаете. А жаль мнѣ тебя, Вильгельмъ, ты вѣдь немного опоздалъ, проходить ужъ эта золотая пора, а точно было здѣсь для васъ широкое раздолье. Молчали мы довольно; вы были все для насъ и руководители и учителя. Но теперь ужъ довольно—будетъ, довольно вы потѣшились надъ нами, довольно надсмѣялись надъ нашимъ хлѣбосолецствомъ. Пора бы и вамъ понять, что ужъ не прежнее время, что мы васъ поняли, что и теперь для васъ раскрыты двери, но только не для всѣхъ, не для званыхъ и незваныхъ, а только для

избранных.... Я радъ разрыву, но ты ошибаешься..... не изъ своихъ выгодъ, не думай чтобъ я чего нибудь искалъ— куда ужъ намъ: наша доля не пиршество на чужой счетъ, а трудъ, да страданіе съ своими. — Радъ же я потому, что она чистая добрая дѣвушка, а баронъ — подлецъ!... Онъ и твой дядя въ равныхъ степеняхъ.

Вильгельмъ.

Какъ, что?

(Въ дверяхъ показываются М-мъ Пфафъ и Софи).

Явленіе VII.

Тѣ же М-мъ Пфафъ и Софи.

Вобровъ.

Теперь молчи...

М-мъ Пфафъ.

Не знаю что случилось...

Софи.

Онъ такой встревоженный. Гдѣ онъ теперь?

М-мъ Пфафъ.

Пошелъ въ контору. Боже мой, и въ это время, въ этотъ день... всегда постоянно дѣла, ни на минуту не можетъ отъ нихъ оторваться. Весь этотъ годъ среди рѣдкихъ, самыхъ рѣдкихъ, минутъ чего-то будто похожего на привязанность,

сколько недовольства, сколько цѣлыхъ часовъ молчанія, какихъ-то обдумываній, тревогъ, беспокойствъ, всегда эти проклятыя дѣла. Все дѣлу, намъ бѣднымъ — ничего, имъ годъ, намъ минуты.. какъ милостыня. Ахъ, Софи, не дай тебѣ Богъ полюбить слишкомъ ужъ занятаго человѣка.

Софи (въ сторону).

Я ужъ это отчасти знаю. (громко) Но, успокойся, сестра, онъ сейчасъ придетъ, вѣроятно что нибудь важное..

Тереза.

Но, въ этотъ день, въ этотъ день, въ день крещенія нашего перваго малютки... Онъ, нынче, какъ-то особенно страненъ: утромъ, во все время крещенія на немъ не было лица, все спѣшилъ кудато; лишь только уѣхалъ насторъ, онъ взялъ шляпу и ушелъ — ушелъ не простясь, не сказавъ мнѣ ни слова, не поцѣловавъ своего ребенка.

Софи.

Ахъ, Боже мой, но вѣроятно что нибудь важное Тереза. Погоди, я сейчасъ спрошу. Сергѣй Петровичъ, на минуту... Скажите, пожалуйста, не случилось-ли чего по дѣлу?

Бобровъ.

Нѣтъ — ничего..

М-мъ Пфафъ.

Но, что-же съ нимъ, Бобровъ?

Бобровъ.

Право ничего, рѣшительно, нѣсколько необходимо-нужныхъ писемъ въ Англію... Успокойтесь М-мъ Пфафъ, вѣдь вы должны быть уже знакомы съ нашимъ дѣломъ, вѣдь иногда дорога каждая минута.

М-мъ Пфафъ.

Но, въ этотъ день, Бобровъ, въ этотъ день, и какія пи-
буди письма..

Софи.

Вѣдь важныя, Тереза.

Бобровъ.

Что дѣлать, вѣроятно очень нужныя.

Явленіе VIII.

Тѣ же и Розенбергъ.

Я бѣгаю, ищу, а вы всѣ здѣсь. Здравствуйте, опять здрав-
ствуйте, Сергѣй Петровичъ, благодарю, благодарю... Виль-
гельмъ...

Вильгельмъ.

Позвольте мнѣ поздравить...

Розенбергъ.

Благодарю, благодарю. Ну, что все ли у васъ готово,
хозяйки молодыя, не позабыли-ль чего.. осмотрите.... (ос-
матриваясь). Все это такъ... и музыка, вино.. и все къ
веселью человека.. О, нынче я повеселюсь, повеселюсь..
танцовать буду, въ гроссъ-фатеръ пройду, радостный
вѣдь день нынче для меня.. Сергѣй Петровичъ, вы вѣдь
этого... да не то что вы, и ты Софи и Вильгельмъ тоже,
вѣдь вы никто не можете этого понять, какой это такой
великій праздникъ, когда дѣлаешься дѣдушкой... старикомъ
эдакимъ, сѣдымъ, почтеннымъ и видишь.. видишь.. вотъ къ
тебѣ вдругъ, протягиваются такія маленькія рученки, и
смотрятъ на тебя такіе крошечные глазки, увидишь вдругъ

такую крошку, и знаешь, что эта крошка тебѣ родная, что мать ее ты также видѣлъ крошкой, и вдругъ.... Друзья мои, все это пережить, почувствовать, тогда лишь будешь знать, что за наслаждение Творецъ намъ въ жизни посылаетъ. Друзья мои, семейный кругъ — вотъ жизнь святая! Имѣть, выше тѣхъ радостей, которыя мы въ немъ встречаемъ.. Дай Богъ, намъ всѣмъ и каждому имѣть семью святую, тогда спасенъ и на прямой дорогѣ человѣкъ..

Тереза.

Папа...

Розенбергъ.

Что ангелъ мой, что счастье мое, Тереза милая моя, что.. что?..

Тереза.

Папа, не говорите такъ...

Розенбергъ.

Что.. что.. что такое, не говорить, про это, про семью? хорошо я говорить не буду тогда кричать я стану, да кричать, кричать изъ всѣхъ стариковскихъ силъ, что пропадаетъ, ошибается и погибаетъ тотъ, который покидаетъ святой семейный кровъ и въ его ищетъ и жизни — и удовольствій жизни... что низкій тотъ, безчестный человѣкъ, который, бывши семьяниномъ на что нибудь, или на кого нибудь, на продажное, на покупное, мѣняетъ святые радости семейства, что отецъ семейства расточитель — нравственный преступникъ, что тотъ, который не для семьи, вмѣстѣ съ тѣмъ не для себя, что каждый шагъ отъ нее — гибель, вѣрная и скорая... Да, однимъ словомъ, что... что подобный человѣкъ — не человѣкъ!..

Тереза.

Но, папа, я васъ прошу оставить: каждое ваше слово...

Розенбергъ.

Да, что такое? (тревожно осматривается. Бобровъ и Вильгельмъ медленно удаляются въ боковыя двери, которыя и при-
творяютъ). Что такое, Тереза?.. ты будто разстроена, что
такое, дитя мое?

Тереза.

Ничего папа... такъ право ничего.

Розенбергъ.

Нѣтъ, однако!... Софи.. (киваетъ ей головой).

Софи (уходитъ).

Розенбергъ.

Тереза! я прошу тебя сказать, что за причина, что ты
разстроена въ такой день, въ который ты должна быть и
весела и счастлива. Скажи мнѣ... я прошу тебя, прика-
зываю.

Тереза.

Папа... Юліусъ всегда такъ много занятъ; нынче даже
онъ не могъ до сихъ поръ оставить дѣла; для такого дня,
папа.

Розенбергъ.

Ха.. ха.. ха! . Ну, слава Богу, я думалъ ужъ въ самомъ
дѣлѣ что нибудь.. ха. ха. ха! Ахъ, женщины — должно быть
вы всегда дѣти.. большое что-то, даже и тогда, когда у васъ
свои ужъ дѣти... Ну, какъ-же тебѣ мой другъ не стыдно
такъ себя тревожить, и чѣмъ-же? ха. ха. ха—тѣмъ, что мужъ
очень занятъ.. да этому надо радоваться: твой мужъ при-
мѣрный человѣкъ, энергій его завидовать надо... Да мало-
ли нынче мужей совсѣмъ таскаются безъ дѣла? Вы жен-

щины видно никогда не поймете, что можетъ быть гораздо труднѣе оторваться намъ отъ васъ, нежели вамъ отъ насъ; вы не поймете, что при этомъ намъ дорога каждая минута, но, что и минуту нельзя терять, и отъ нее многое зависитъ въ дѣлѣ, особенно теперь, въ наше время. (*Входитъ Пфафъ и увидя жену и старика, какъ-бы невольно отступаетъ назадъ*) Да вотъ и онъ! Ахъ, вы неблигодарныя!... Да, что такое, и ты, Пфафъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ... что это съ вами для такого дня?

Явленіе IX.

Пфафъ.

Развѣ вы что замѣчаете.... слышали что-нибудь?...

Розенбергъ.

Да что ты, что мнѣ слышать? Что съ тобой (*отводя его въ сторону*). Нѣтъ-ли ужъ какой пропажи, банкротства?...

Пфафъ.

О, нѣтъ, нѣтъ... все благополучно.

Розенбергъ.

Ну, да!... а мы вотъ тутъ говорили съ Терезой.. она.., слушайка, она вѣдь жаловалась на тебя.

Пфафъ.

На меня?..

Розенбергъ.

Да, на тебя, ха, ха, ха!.. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь есть за что!.. Она... она тобой очень недовольна, недовольна за то, что ты не берешь примѣра съ этихъ, ну вотъ, что здѣсь такъ много, что здѣсь въ ходу въ большомъ, этой святой

обязанности — ничего не дѣлать.. играть.. кутить.. развратничать.. Она недовольна этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пфафъ, вѣдь ты этимъ губишь ее бѣдную..

Пфафъ.

Я — гублю?

Тереза.

Папа.. оставьте прошу васъ.

Розенбергъ (къ Пфафу).

Да, полно, что ты.. что ты наморщился!.. развѣ не видишь, что я шучу.. что балагурю на старости, да на радости. Ну, какая жена можетъ жаловаться на тебя — полно, это стыдно и думать!.. Нѣтъ, Пфафъ, было когда-то время, когда ты меня благодарилъ за Терезу, теперь братъ моя очередь, дай руку... да дай же.. ну, скорѣй.... Вотъ такъ! Благодарю — ты сдержалъ свое слово, ты честный человекъ! *(Тонъ: вздрагиваетъ, но сейчасъ-же оправляется)*... Спасибо (тебѣ — вотъ эдакое, большое русское спасибо! (къ Терезѣ).

Ну, а ты, тебѣ не за что благодарить его? *(Та молча подходитъ къ нему, и крѣпко прижимается)*.

Пфафъ.

Господи, скоро-ли же кончится эта пытка?

Розенбергъ.

Ага.. ага!.. Ахъ, вы неблагодарные!..

Пфафъ.

Я сдѣлалъ что могъ.. такъ было надо.. такъ было должно....

Явленіе X.

Тѣ же и Бартъ, М-мъ Бартъ и двѣ дочери.

Пфафъ.

Наконецъ-то!

Бартъ (*входя съ букетомъ*).

Христьянъ Христьяновичъ, М-мъ Пфафъ, въ такой радостный день, я вотъ какой букетъ маюточкѣ.... (*Розенбергъ и Тереза идутъ къ нимъ на встрѣчу*).

Пфафъ (*одинъ на авансценѣ*).

Еще нѣсколько минутъ притворства и дѣло кончено; теперь же съ радостнымъ лицомъ гостямъ на встрѣчу, съ смѣхомъ, съ словомъ приличнымъ случаю... (*оборачиваясь*). Бегъ Бартъ, М-мъ Бартъ... благодарю, благодарю... букетъ цвѣтовъ, вниманье, прошу, прошу... сюда пожайлуста, въ гостинную. Мы теперь уже совсѣмъ по русски живемъ.

Розенбергъ.

Вотъ я вѣдь говорилъ, что онъ полюбитъ русскихъ, да ихъ и нельзя не полюбить — славный народъ! (*Дамы проходятъ въ гостинную*).

Бартъ (*переходя вмѣстѣ съ Розенбергомъ*).

И такъ, любезнѣйшій Христьянъ Христьяновичъ, дѣдушка значить и внучекъ..

Розенбергъ.

Внучекъ, внучекъ... дѣдушка, дѣдушка...

Бартъ.

Значить — выпьемъ нынче Христьяновичъ а.. выпьемъ?

Розенбергъ.

О, за этимъ дѣло не станетъ.

Явленіе XI.

Тѣ же Галлати и Моксены.

Галлати.

Пфафъ, съ сыномъ, съ наслѣдникомъ, что бы ему сотня
лѣтъ и горы золотые! Начало хорошо!.. Христьянъ Христь-
яновичъ, дѣдушка, почтенный, любезнѣйшій — поцѣлуемся
на радости... по русски.

Розенбергъ.

Поцѣлуемся.. поцѣлуемся.. Вотъ такъ.

МОКСЕНЫ

(молча жмутъ руку Пфафъ и обращаются къ Розенбергу).

Иванъ Моксень.

Христьянъ Христьяновичъ!

Андрей Моксень.

Любезный! Розенбергъ!..

Розенбергъ.

Благодарю, благодарю, Андрей Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ.

Галлати.

Твое здоровье любезный Пфафъ!

Пфафъ.

Благодарю!

(Подаютъ шампанское, чекаются и пьютъ).

Явленіе XII.

Цендель, М-мъ Цендель, тѣ же и Вильгельмъ Бобровъ,
четыре дѣвцы и двое молодыхъ людей.

(Сцена пріема: дамъ встрѣчаютъ М-мъ Пфафъ, дѣвцы Софи, мужчины группируются около виннаго стола, залъ мало по малу наполняется гостями, молодыми людьми и нѣсколькими парами; слышатся отрывочные звуки музыки).

Цендель.

Ну, что новаго Пфафъ.. каковы курсы?

Пфафъ.

Курсы не хороши...

Галлати.

А слышали про банкротство въ Гамбургѣ, господа?

Цендель.

Да... большой свалился домъ.

Пфафъ.

Да .. да... (въ сторону) скороли-же конецъ этому мученью?

Бартъ.

А слышали Петербургскую исторію?.. Всѣхъ насъ замара. Проклятыя Гутъ!

Цендель.

Да... какъ вамъ писали объ этомъ Бартъ?

Галлати и другіе.

Да кстати, каковы подробности?

Бартъ (оглядываясь и тише обыкновеннаго).

Просто чистая поддѣлка: до послѣдняго часа никто ничего не зналъ; даже братъ и тотъ только при допросѣ показъ, что съ нѣкотораго времени онъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго. Говорить, что не зналъ.

Андрей Моисеенъ.

Ну, какъ не знать!.. Солидный домъ и такъ низко упасть! И насъ, какъ вотъ не упирайся за собой тащить..

Бартъ.

Пріѣхалъ видите домой.. съли обѣдать.. жена, дѣти.. двое изъ конторы — молодыхъ людей.. Самъ-то онъ сидѣлъ предъ окномъ, видите, и въ это время особенно задумчивъ и серьезень... Потомъ вдругъ поблѣднѣлъ... всталъ, поспѣшно бросилъ салфетку, и почти выбѣжалъ... Жена за нимъ.. онъ ее просилъ, остаться, дѣла будто бы; брата еще не было, съ биржи не пріѣзжалъ... Вдругъ тревога.. полиція — купцы у которыхъ дисконтировано, что за чудо?.. Спрашиваютъ кого нужно?. Г-на Гуть!.. Въ столовую, туда, сюда, въ контору... все поднялось, встрѣвожилось, на биржу.. Нѣтъ — и слѣдъ простылъ...

Галлати.

Ну, и чтожь?

Бартъ.

Повѣсился... на чердакѣ...

Андрей Моисеенъ.

Вздоръ, говорятъ уѣхалъ.

Цендель.

Есть слухи будто застрѣлся.

Бартъ.

Мнѣ пишутъ такъ наскоро, завтра узнаемъ вѣрно.

Галлати.

А, мы вотъ за него страдай!

Андрей Моксенъ!

Вольно втягиваться, да затягиваться; снаровки нѣтъ.

Галлати.

Слышалъ Пфафъ какая исторія?

Пфафъ.

Да.. да.. слышалъ, исторія.. Опасное время!

М-мъ Пфафъ.

Юлиусъ — на минуту!..

Пфафъ.

Исторія, да, иду.. иду..

(Уходитъ).

Иванъ Моксенъ (Ценделю).

Что съ нимъ, онъ будто-бы растроень?

Цендель.

Не лопнуло-ли что?..

Галлати.

Такъ. — такъ-то батюшка, Христьянъ Христьяновичъ, вотъ какія дѣла, другъ, на свѣтѣ-то бываютъ, все корысть мучитъ, губитъ; представь-ка себѣ цѣлое семейство: жена, дѣти малые и безъ подпоры — страшно! А ты-то, слава Богу, покойно до дѣдушки ужъ дожилъ.

Розенбергъ.

Да, да... благодаренье Богу! Теперь не грѣхъ и умереть.

Бартъ.

Ну, вотъ-те умереть... Мы поживемъ еще, попразднуемъ...

Розенбергъ.

Дай Богъ, дай Богъ!

Швафъ. (возвращаясь съ картами).

Господа... карты на столахъ... Иванъ Ивановичъ, Андрей Ивановичъ... Цендель... Бартъ... Галлати... папа...

Розенбергъ.

Нѣтъ, нѣтъ... я нынче не играю.

Галлати.

Это что такое, Христьянъ Христьяновичъ, что за новость?

Розенбергъ.

Такъ, я нынче въ плясъ пускаюсь — на радости, въ гроссъ-фатеръ пройдуся.

Бартъ.

Такъ, что же ты другъ, о гроссъ-фатеръ-то задумался? Гроссъ-фатеръ успѣемъ, и я пляшу.

Галатти.

И я.

Цендель.

И я, Христьянъ Христьяновичъ.

Галатти.

Да, что тутъ, все пойдѣмъ. А теперь дѣдушка на счастье внука.

Розенбергъ.

Ой!... ну, если такъ — пойдѣмъ, идетъ!

Пфафъ. (въ нетерпѣннѣйшій).

Итакъ, папа... ну, а четвертый... четвертый кто?

Розенбергъ.

Да ты садись...

Пфафъ.

Нѣтъ, мерсі, мнѣ некогда.

Розенбергъ.

Ну, ну!... Такъ ктожъ четвертый?

Явленіе XIII.

Тѣ же и баронъ.

Многіе (громко).

А, вотъ баронъ. . баронъ.

Рейнфельдъ.

Что такое... въ чемъ дѣло господа?

V. Многіе лѣтъ.

Четвертый въ вѣсть!

Рейнфельдъ.

Пожалуй, но... (Ифафъ) мнѣ бы хотѣлось...

Пфафъ.

Послѣ — все готово. И такъ партія составлена... Теперь танцы. Mes-dames... (спышитъ въ гостинную). Mes-dames!

Рейнфельдъ (къ партнерамъ).

Господа, подождите пожалуйста, одинъ туръ вальса (уходитъ въ гостинную).

Иванъ Моксень (уходя Андрею).

Тутъ что-то не ладно, какъ мнѣ кажется...

Андрей Моксень.

Я слышалъ кое-что, не знаю правда ли, будто бы... (уходитъ съ нимъ въ двери, нальво).

Явленіе XIV.

Тѣ же и Пфафъ, М-мъ Пфафъ, Софя и баронъ, Вильгельмъ съ одной изъ дочерей Бартъ, и нѣсколько паръ. (Вальсъ).

Пфафъ (на сценъ-сценъ, нѣсколько спустя).

Теперь не тратя время... Но какое мученье оставить домъ, семью въ такое дорогое время. Какая пытка, Боже

мой, за что же такъ? Богатства жажда... жадность... вотъ ты до чего доводишь... кровь холодѣетъ, сжался мозгъ... Но дѣлать нечего, пора! *(тихо и не замѣтно уходитъ)*.

Явленіе XV.

(Танцы продолжаются)

Входитъ Шуховъ.

Шуховъ *(пробираясь на аван-сцену)*.

Танцуютъ! Гм! И я, когда-то вотъ также танцовалъ, давалъ балы, и вечера и пикники... *parties plaisirs*, кутилъ, и глупо сдѣлалъ, прокутился!... *(Осматриваясь)*. Есть хорошенькія пѣмочки!... *Schönes Mädchen*. Эхъ, было время — толпами шли они ко мнѣ всѣхъ націй, за деньги и задаромъ, счастливъ я былъ на женщинъ и дернулъ же чортъ меня жениться. Вотъ тутъ-то настало для меня крутое время: безъ денегъ, и съ женой!... Друзья и други отошли, веселье также, про балы, пикники помину нѣтъ; стали надъ изголовьемъ дни черные всходить... Зимой по комнатѣ я въ шубѣ щеголялъ, пилъ кислый квасъ да воду, а ѣлъ — и самъ не знаю что такое, ... ни въ какой кухнѣ нѣтъ названья такихъ блюдъ!... Фу, гадко даже вспоминать!... Да, пу ихъ, да ну ихъ! Какъ Берамже великій говоритъ, прошло вѣдь, звѣзда моя въ яркое солнце разгорѣлась, вишь свѣтитъ какъ!... Опять и балъ и женщины — и я опять почти хозяинъ всего этого; вдовъ и скоро снова моя свадьба, на дочери Степана Половникова женимся, т. е. ее въ приданое, а на сто тысячъ много будетъ женъ. Пойду и процѣляшу! Софи, вотъ славная бабенка; ее на деньги не возьмешь... Ба, баронъ-то какъ на нее уставился!... Пойду и отобую. *(Подходитъ и беретъ ее почти что изъ-подъ руки барона. Вальсъ кончается послѣ тура Шухова)*.

Баронъ *(подходя къ Софи)*.

Фрейлейнъ Софи, я имѣю сказать вамъ нѣсколько словъ, вы можете быть знаете о чемъ?

Софи.

Нѣтъ, я рѣшительно, баронъ, ничего не знаю.

Баронъ.

Вамъ ничего не говорилъ вашъ батюшка обо мнѣ?

Софи.

Батюшка? нѣтъ ничего.

Баронъ.

Ну, Пфэфъ, по крайней мѣрѣ?

Софи.

Не помню, онъ что-то говорилъ, но я, извините, я мало обратила на это вниманія...

Баронъ *(переламывая себя)*.

Но, я бы желалъ самъ сказать вамъ теперь, позвольте мнѣ эту кадрили...

(Слышна музыка).

Къ Софи подходитъ Бобровъ.

Софи *(барону, подавая руку Боброву)*.

Я ее уже танцую...

(Составляются пары кадрили).

Баронъ.

Что же это значитъ? Слѣдовательно я обмануть... онъ мнѣ сказалъ, что все готово, что нынче вечеромъ я могу надѣяться быть объявленъ женихомъ. Что же это такое, вѣдь это просто подлость, ложь, онъ хотѣлъ только вос-

пользоваться мною! Такъ нѣтъ, другъ любезный, не на того попалъ, я не новичекъ... Я три раза банкъ въ Гомбургѣ срывалъ... нѣтъ я вѣдь этого такъ не оставлю — я прямо къ посланнику. Гдѣ онъ... гдѣ Пфафъ? (*Осматриваетъ танцующихъ и спѣша уходитъ въ гостиницу. Кадриль продолжается. Предъ окончаніемъ ея изъ дверей направо, гдѣ карточные столы выходитъ Розенбергъ*).

Явленіе XVI.

Тѣ же и Розенбергъ.

Танцуютъ, веселятся, доброе время, хорошее время, а намъ старикамъ, и намъ дано веселье — смотрѣть на все, на это, и также веселиться, свою юность вспоминать. Софи, дружокъ мой, Софи, ее теперь устроить надо... А, а... плутовка, какъ она съ Бобровымъ-то танцуетъ... весела и щечки разгорѣлись. Славный этотъ человекъ, Сергѣй Петровичъ, не нѣмецъ только — вотъ бѣда... а то-бы... (*Кадриль кончается*). Ну, господа, теперь какъ вы хотите, а я хочу гроссъ-фатеръ, гроссъ-фатеръ мой, гроссъ-фатеръ... Сергѣй Петровичъ, господа... скорѣй, сюда скорѣй, гроссъ-фатеръ!.. (*Беретъ подъ руку Софи и идя съ нею говоритъ нараспѣвъ*):

Der Grossvater die Grossmutter zum Tanzen nahm... (*Другіе повторяютъ*): Zum tanzen, zum tanzen, zum tanzen!

(*Гроссъ-фатеръ*).

Явленіе XVII.

Тѣ же, Галатти, Бартъ, Цендель и прочіе также подхватываютъ и продолжаютъ подъ темпъ музыки.

Галатти.

Ай да Христьянъ Христьяновичъ, молодецъ, молодецъ!... Вотъ такъ... вотъ такъ... (*обращаясь къ прочимъ*). Пойдемте, господа, утѣшимте старика. (*Беретъ одну изъ дѣвицъ*).

Бартъ.

Идемъ mein Herren (беря жену). Христьянъ Христьяновичъ
Der Grossvater die Grossmutter и т. д.

(Всѣ прочіе кромѣ Шухова и Боброва, беря даму танцуютъ
гроссъ-фатеръ).

Der Grossvater die Grossmutter и т. д.

Шуховъ (подходя къ Боброву).

Послушайте, Сергѣй Петровичъ, да гдѣ же Пфафъ? я его
не вижу цѣлый вечеръ.

Бобровъ.

Не знаю... ты долженъ, кажется, знать это лучше меня.

Шуховъ.

Нѣтъ, не шутя...

Бобровъ.

Я вовсе не шучу... помнишь, Шуховъ, ты эти слова?...
дѣйствительно ты славнымъ ихъ дѣломъ доказалъ.

Шуховъ.

Полно, что такое, я ничего не знаю. Скажи пожалуйста,
гдѣ Пфафъ?

Бобровъ (показывая изъ входящаго барона).

Спросите его... вамъ лучше знать (примѣшивается къ
толпѣ).

Баронъ (къ Шухову).

Шуховъ, ты Пфафа не видалъ?...

Шуховъ (*тревожно*).

Я только тебя, баронъ, хотѣлъ спросить объ немъ. Гдѣ онъ?

Баронъ.

Я его ищу весь вечеръ... мнѣ его необходимо нужно.

Шуховъ.

Да гдѣ же онъ, чортъ побери? Знаете ли что, любезнѣйшій баронъ, мнѣ начинаетъ казаться, что тутъ что-то не совсѣмъ *comme il faut*.

Баронъ.

Что же такое? Я этого такъ не оставлю...

Явленіе XVIII.

Тѣ же и слуга.

Слуга (*съ безпокойнымъ видомъ, отыскавъ Розенберга*).
Христьянъ Христьяновичъ — полиція!

Розенбергъ.

Что?

Слуга.

Полиція-съ...

Розенбергъ.

Что такое?

Слуга.

Полиція къ намъ.

Розенбергъ (хватаясь за карманъ).

Полиція!... зачѣмъ?... Я ужасно боюсь!... Зачѣмъ полиція.

Слуга.

Не могу знать, Андрея Андреевича спрашиваютъ.

Розенбергъ.

Пфафъ... зачѣмъ? Да гдѣ же онъ, гдѣ Пфафъ, я его давно не вижу.

Слуга.

Андрей Андреичъ изволили уѣхать.

М-мъ Пфафъ.

Уѣхалъ... куда? зачѣмъ уѣхалъ?..

Розенбергъ.

Кто уѣхалъ?

Слуга.

Г-нъ Пфафъ.

М-мъ Пфафъ.

Боже мой!

Розенбергъ.

Куда, когда уѣхалъ?

Слуга.

Да еще въ самомъ началѣ-съ, изволи взять мѣшокъ, что деньги возятъ; ничего не сказали и уѣхали...

Розенбергъ.

Что же это такое значить, господа? Тереза, что это такое?

Тереза.

Я ничего не знаю, папа... я ничего не знаю, зачѣмъ полиція... куда онъ уѣхалъ... папа, ничего не знаю...

Розенбергъ.

Чтожъ это такое? Въ такой день! Господа да не случилось ли чего съ нимъ...

М-мъ Пфафъ.

Боже мой,... стойте,... пусти, пусти скорѣе полицію...

Галатти.

Погодите, я переговорю (идетъ къ дверямъ).

Явленіе XIX.

Тѣ же, частный приставъ, полицейскій офицеръ и полиція, которые остаются у дверей.

Приставъ.

Извините господа, что я разстроиваю вашъ семейный праздникъ. Я имѣю экстренное предписаніе арестовать Г-на Оттона-Юліуса-Пфафъ, торгующаго подъ фирмою Гунгеръ и Пфафъ; иностранца барона фонъ-Рейнфельдъ и русскаго подданнаго Семена Васильевича Шухова! (Общее движеніе). Они обвиняются въ поддѣлкѣ документовъ, дисконтированныхъ у Г-на откупщика Басова... Я желаю видѣть Г-на Пфафъ! (Общее молчаніе... М-мъ Пфафъ, пораженная остается въ сторонѣ; Розенбергъ стоитъ противъ съ восторженнымъ взглядомъ, Шуховъ пьтится къ дверямъ).

Галатти.

Держите Шухова! Г. приставъ Пфафъ, вѣроятно, скрылся.

Шуховъ (выходя).

А, здѣсь Шуховъ и (показывая на барона) баронъ фонъ-Рейнфельдъ (тихо пристава). Послушайте, приставъ, я имѣю вамъ передать одну тайну, касающуюся нашихъ польскихъ дѣлъ, я тутъ невинно замѣшанъ.

Приставъ.

Очень хорошо, васъ выслушаютъ... Вы г-нъ баронъ Рейнфельдъ?

Баронъ.

Да, я баронъ, но позвольте, я этого такъ не оставлю... Позвольте, я обмануть, я ничего не знаю, я не знаю здѣшнихъ законовъ, я не знаю что поддѣльное, что настоящее; я иностранецъ, я баронъ, я, наконецъ, обиженъ и не хочу остаться здѣсь, здѣсь низость, подлость, вертепъ разбойниковъ, меня мараютъ это общество. Позвольте мнѣ, я сейчасъ къ посланнику... (Галатти и Бобровъ берутъ совершенно потерявшагося Розенберга и сажаютъ его въ кресла на аванъ-сценѣ; къ нему также подходитъ Софи).

Приставъ.

Не горячитесь, баронъ, вы будете у посланника. И такъ г-на Пфафъ нѣтъ въ домѣ?

Бобровъ.

Его дѣйствительно нѣтъ.

Приставъ (къ офицеру).

Сдѣлайте обыскъ и примите быстрыя мѣры.

Розенбергъ.

Что это все сонъ или дѣйствительность? Поддѣланные документы, арестъ, какъ же мнѣ смотрѣть послѣ этого въ глаза честнымъ людямъ? Простите меня, простите (*Бобровъ и Софи берутъ его подъ руки и сажаютъ въ глубинѣ сцены*).

Баронъ (*горячася*).

Но я этого такъ не оставлю.

Шуховъ.

Полноте-ка баронствовать баронъ, подумаемъ-ка лучше на что-то намъ придется переимѣнить вотъ этотъ бальный фракъ?

Бобровъ.

На куртку сърую съ крестомъ на спинѣ, какъ на самый приличный для васъ костюмъ.

Баронъ.

Изъ куртки легко снова сдѣлать фракъ.

Шуховъ.

Умно! Лишь только фалдочки прибавить...

Бобровъ.

Замѣтно будетъ...

Шуховъ.

Ничего... мы тогда въ него положимъ сотню тысячъ, а мало ли у насъ народа съ такою суммой въ подобныхъ фракахъ щеголяеть?

(*Офицеръ съ полицейскими возвращаясь*).

Г-на Пфафа не оказалось!...

Приставъ

Милости просимъ, господа.

Шуховъ (*уходя вмѣстѣ съ барономъ и полиціей*).

А, вѣдь дѣйствительно прогрессъ: полиція у насъ много учтивѣе стала.

Андрей Моксенъ (*къ оставшимся*).

Вотъ я не разъ говорилъ вамъ, господа, что не доведутъ насъ до хорошаго всѣ эти русскіе вопросы. —

Цендель.

Э, успокойтесь, Андрей Ивановичъ, нынѣ ужъ одинъ паршивый баранъ не портитъ цѣлаго стада.. Въ насъ еще велика вѣра...

Галлати.

Еще поживемъ! Только не такъ горячо, господа. Qui va piano va sano.

Бобровъ (*къ публикѣ*).

Прислушайтесь! Вотъ они наши благодѣтели!

КОНЕЦЪ.

back to Zohar's old one being nothing—

[illegible]

et infirmos, orphanos et viduas in caritate fovimus quibus

11. *Phryganidia* *Bois* and *Bois* *Bois*

41 31 3 11 01 51

ВСТРѢЧИ.

BC1P111

I.

Я М Щ И К Ъ.

Не дорогъ подарокъ, дорога любовь.

(Подпись на валдайскомъ колокольчикѣ).

Иѣтъ ничего скучнѣе, дожидаясь рѣшенія дѣла въ гражданской палатѣ, или выдачи какой-нибудь квитанціи, сидѣть въ непріютномъ номерѣ постоялаго двора губернскаго города, въ которомъ не имѣешь знакомыхъ. Я испыталъ это удовольствіе. Постоялый дворъ, на которомъ угодно было судьбѣ и чиновникамъ приучать меня къ долготерпѣнію, ничѣмъ не отличался отъ прочихъ учреждений этого рода. На темномъ, крытомъ дворѣ стояли повозки, бродили ямщики въ полушубкахъ, ходилъ козелъ, котораго держатъ обыкновенно для предохраненія лошадей отъ нападковъ домашнего и для увеселенія ямщиковъ, ожидающихъ работы. Запахъ отъ васьки (повсемѣстная русская клочка козла) проникалъ въ корридоръ и комнаты, что не мало увеличивало пріятность моего пустынножителства. Наскучивъ лежаньемъ на жесткомъ кожаномъ диванѣ, изучивъ въ подробностяхъ архитектуру церкви, стоявшей противъ моихъ оконъ, и насмотрѣвшись вдоволь на проходящихъ, я надѣлъ шубу (такъ какъ дѣло было зимою) и вышелъ за ворота.

На улицѣ закладывали тройку какимъ-то купцамъ, изъ которыхъ одинъ спалъ въ кибиткѣ, а другой покупалъ калачи. Я сѣлъ у воротъ на лавку. Толпа ямщиковъ стояла подлѣ повозки, дѣлая, по временамъ, замѣчанія закладывавшему лошадей мальчишкѣ. Одинъ изъ нихъ, средняго роста, кудрявый, въ накинутомъ съ нѣкоторымъ щегольствомъ сверхъ полушубка армякѣ и съ заломленною на

бокъ шапкою, подошелъ и сѣлъ подлѣ меня на лавку. Лицо и вся фигура ямщика были мнѣ знакомы; я сталъ всматриваться.

«Что баринъ? али не узнаёте?» началъ онъ, приподнявъ шапку.

— Нѣтъ, не могу узнать», отвѣтилъ я.

«Микита изъ Баклаева; ѣзжали съ вашимъ степенствомъ не мало».

— Никиту изъ Баклаева какъ не знать», отвѣчалъ я. «А ка-бы ты не сказалъ, никакъ бы мнѣ не узнать тебя: пере-мѣнился, братъ, ты сильно».

«И время-то много прошло; давно мы съ тобой не вида-лись-то, проговорилъ ямщикъ, задумчиво опустивъ голову. И многого во мнѣ противъ прежняго нѣтъ. Укатали сивку крутыя горки».

— Кто съ работой ѣдетъ?» перебилъ разговоръ нашъ сѣдой ямщикъ.

«Сенька,» отозвался рыжій мужикъ въ тулупѣ.

— Ну, такъ отдай ты, на вотъ, шесть гривень за овёсъ Матрѣнѣ, да двадцать копѣекъ вычти съ нее: Антипкѣ за другую работу, значить, слѣдуетъ полтина.»

Проговоривъ это хитрое уравненіе и вручивъ Сенькѣ мѣдными пятаками, что слѣдовало, старикъ подошелъ къ моему сосѣду.

«Завтра съ утра поѣдешь,» сказалъ онъ ему.

— Ладно,» отозвался Никита: «а другая работа?»

«Завтра и другая. Вмѣстѣ поѣдетѣ.»

Въ это время купецъ влѣзъ въ кибитку; тройка отпиранилась и ямщики разошлись. Мы остались вдвоемъ съ Никитой. Начинало смеркаться.

Лѣтъ пятнадцать я не видался съ нимъ. Когда-то, живши не подалеку отъ Баклаева, я часто ѣзжалъ съ нимъ и съ отцемъ его. Баклавскіе ямщики были извѣстны тогда въ нашемъ околоткѣ; у Никитина отца лошади были отличныя; мужикъ онъ былъ зажиточный, держалъ никакъ троекъ до восьми.

— Старикъ-то твой живъ ли?» спросилъ я.

«Померъ. Вотъ девять лѣтъ будетъ на масляной какъ померъ».

— А ты все въ Баклаевѣ живешь?

«Нѣтъ въ Баклаевѣ племяннику сдалъ; а я ужъ и въ почтовыхъ былъ, и въ Москву ходилъ счастья искать»... отвѣчалъ Никита.

— Отчего-жъ ты изъ Баклаева-то удралъ? спросилъ я.

«Такая ужъ планида, значить, мнѣ вышла», отвѣчалъ улыбаясь Никита. «Позамотался, значить...; купца Алексѣя Семеновича Станинникова не знавали»? спросилъ онъ меня, нѣсколько помолчавъ.

— Нѣтъ не зналъ», отвѣчалъ я. «А что-жъ этотъ купецъ»?

«А, эвтого самага купца я на барской дочери, значить, женилъ», съ вѣсомъ проговорилъ Никита, выпрямившись и запахнувшись армякомъ.

— Какъ-такъ? Расскажи, братъ, пожалуйста», сказалъ я.

«Такъ и женилъ», разсмѣявшись и поправивъ шапку, отвѣчалъ Никита. «Дѣло было, значить, такое: Алексѣя Семеныча я съ малыхъ дѣтъ знаю. Старикъ мой отъ его отца много работы видалъ. Купцы были они старинные; деньгами ворочали большими. Мы и съ ними, и съ прикащиками ихними и съ товаромъ, кажинный годъ, ѣздили въ Нижній, на Ростовскую и въ другія мѣста, гдѣ, значить, дѣла они дѣлали. Съ купцами ѣзда, извѣстно дѣло, хорошая; вотъ мы и свели знакомство съ Алексѣемъ Семенычемъ; оба молодые были, ѣдемъ вдвоемъ, калякаемъ отъ скуки. Бывало я ему: что, молъ, Алексѣй Семенычъ, прикажешь коленцо сдѣлать? «Сдѣлай», говоритъ, «Никита». Вотъ ты ему, эдакъ, версту, другую и сдѣлаешь, — пристяжныя чуть постромки уносятъ. Старикъ мой ругается, бывало, пріѣдешь домой; зачѣмъ вишь, лошади въ мылѣ? А и скупъ былъ, старый, не тѣмъ будь помянуть, на лошадей».

— Ёдемъ мы разъ съ Алексѣемъ Семенычемъ, вечерять ужъ стало, на Цѣзогу; знаете можетъ, за Волгой, село есть? Расплатиться онъ ѣздилъ туда за пряжу съ мужиками. Подъѣжаемъ къ кабаку, я и говорю ему: «а что молъ, Алексѣй Семенычъ, поднести бы ямщику надо, охотиѣ бы ѣхать было». Онъ далъ мнѣ четвертакъ; «возьми», говоритъ, «пол-

штофа, да принеси сюда, и я вышью». Я подумалъ, онъ ба- лагурить; до этого случая, онъ какова есть канля, и той въ ротъ не биралъ. Одначе, вынесъ я. Взялъ онъ у меня полуштофъ, гляжу... почти половину вышилъ. Я допилъ по- слѣдки, отдалъ посудину и поѣхали. А въ эту дорогу Алек- сѣй Семенычъ скучный-прескучный былъ, то есть слова отъ него добиться нельзя было. Надоѣло мнѣ въ молчанку играть, я и затянулъ пѣсню. Онъ, это, слушалъ, слушалъ, да говоритъ: «что-то ты, братъ, Микита за тоску поешь? Спѣлъ бы, повеселѣе какую, а то, и безъ того», говоритъ, «тошно». Я ему: «что, молъ, такъ? Что за тоска у тебя, Алексѣй Семенычъ? Не зазнобуника ли ужъ какая, грѣхомъ завелась?» «Не безъ того, братъ», говоритъ. И рассказалъ онъ мнѣ тутъ, что ходитъ къ нимъ въ лавку, почитай, ка- жинный день, барышня; «ужъ такая», говоритъ, «красави- ца, что и не расскажешь». (Я хоть и смекнулъ тотчасъ: чьихъ она: окромя барской дочки быть некому; и въ лавку къ нимъ часто ходитъ, это и мы замѣчали; одначе виду никакого не показавъ, — будто ничего не знаю.) «На прош- лой недѣлѣ увезъ», говоритъ «отецъ ее въ деревню. Съ тѣхъ поръ», говоритъ, «какъ вотъ пересталъ я съ ней ви- даться, вотъ точно оторвался», говоритъ, «что у меня отъ сердца. Ночи не сплю, а день какъ шальной хожу. Отдать», говоритъ, «за меня не отдадутъ ее, да и сама она не пой- детъ за нашего брата, аршинника. Она», говоритъ, «роду дворянскаго, а дворянскимъ родамъ съ нашими родниться не стать. Самъ», говоритъ, «я это все знаю, а таски унять не могу. Сосетъ вотъ что-то», говоритъ, «сердце, да и ша- башъ». Я пожалѣлъ его: «плохо», говорю, «это дѣло, Алек- сѣй Семенычъ». Такъ мы, тогда, разговоръ этотъ съ нимъ и покончили».

«Барина, значить, отца этой барышни мы знали доволь- но. Имѣнье у него богатое подъ городомъ, никакъ душъ двѣсти, Знаменское село было. Деньгамъ счету не зналъ, а скѣпъ былъ ни на что не похоже; ни у него гостей, ни онъ куда въ гости, — этого у него и заведенья не было».

— Отвезъ я Алексѣя Семеныча въ Пѣзюгу; онъ тамъ ос- тался, а я вернулся съ тремя сѣдоками домой. Недѣли че-

резъ три эдакъ поѣхали мы съ нимъ, ни въ Великое, ни въ Тягучево, за полотнами онъ ѣздилъ; по нашему мѣсту купечество большую торговлю этимъ товаромъ ведетъ, и въ Питеръ и въ Москву отправляютъ. И велѣлъ онъ мнѣ съ тройкой въ трактиръ, у самой заставы былъ тутъ у насъ, пріѣзжать. Пріѣхалъ я, дожидаясь. Черезъ часъ эдакъ мѣста, выходитъ мой Алексѣй Семенычъ, сильно грузѣнъ; — насилу влѣзъ въ кибитку. Думаю: плохо дѣло, малый-то, значить, зашибать не на шутку началъ. Выпить какъ не выпить, а ужъ какъ если сильно-то эвтимъ займаться начнешь, добра не жди отъ него проклятаго. Выѣхали за городъ, — онъ и началъ: и пѣсни-то поетъ, и плетъ у меня вырываетъ, лошадей хлестать сталъ... я его, было, унимать сталъ, — куда те... Шумѣть бы, пожалуй, шуми, въ полѣ шуму одинъ не надѣлаетъ, да на ноги все вскакиваетъ, того гляди, изъ повозки выпадетъ. «Поѣдемъ въ Знаменское». «Чтожь», говорю я ему, «хорошаго, Алексѣй Семеновичъ, изъ эвтого будетъ? Накладутъ намъ съ тобой въ спину, да шею натолкаютъ въ Знаменскомъ, а горю своему все-таки, ты эвтимъ не пособишь». И такъ онъ, съ той поры, кажинный разъ все хмѣльный ѣздилъ. Разъ чуть деньги не растерялъ; догадала меня нелегкая на овесъ у него попросить; онъ бумажникъ-то вынулъ, да и давай швырять бумажки по полу; хорошо, что при мнѣ это было; извѣстно дѣло, мы Бога боимся, а вѣдь тутъ, на постояломъ, всякой народъ бываетъ... Долго ли до грѣха?

— Жаль мнѣ его, больно, стало. Человѣкъ-то онъ былъ рѣдкій; то дорого было въ немъ, что завсегда онъ съ тобой обо всемъ поговорить, потужить. Человѣкъ былъ душевный. Вотъ и началъ я его разъ уговаривать: «ты», говорю, «разузнай какъ нибудь, Алексѣй Семенычъ, записку, что ли», говорю, «напиши; знаетъ ли она, что ты по ней крушишься»? Боялся онъ долго писать; иначе уговорилъ я его; написалъ онъ записку и отправилъ съ дѣвкой; прикащика барскаго дочь была вишь у ней въ прислугѣ. Письмо это, значить, послалъ онъ и сейчасъ меня вечеромъ туда же отправилъ, чтобы, если отвѣтъ какой будетъ, привезти ему сейчасъ же. Пріѣзжаю я въ Знаменское, дожи-

даюсь за селомъ. А ужъ у насъ эвтой самой, съ прикащиковой дочерью стачка была: вотъ что молъ, выходи туда-то и туда, что ужъ я буду дожидаться. Стою я, а самъ думаю: «какъ вышлетъ баринъ холопьевъ, да схватятъ меня голубчика....; лошадь хотъ хорошую заложилъ я въ сани, да вѣдь не ровень случай, пожалуй у нихъ на конюшнѣ и получение моей найдется». Съ часъ, эдакъ мѣста, прождалъ я; — гляжу, выходитъ изъ-за овина кто-то. Я легъ въ розвальни, тронулъ лошадь и поплелся по дорогѣ, какъ не мое дѣло. Ночь была мѣсячная. Вижу платкомъ машутъ мнѣ; а ужъ это все, значить, у насъ сговорено было: что и какъ. Подходить ко мнѣ Акинья, прикащикова дочь эвта самая. «Ну что»? спрашиваю я у нее. «Записка», говоритъ, «къ Алексѣю Семенычу есть». Положилъ я письмо за пазуху, простился съ ней и пустилъ, что есть духу, въ городъ. Приѣзжаю къ себѣ на дворъ (старика моего дома не было, а то бы и не урвался, пожалуй, при немъ съѣздить, а ужъ мой Алексѣй Семенычъ тутъ; бѣжитъ мнѣ сердешный навстрѣчу. Я ему сейчасъ записку подаю; весь такъ онъ и вспыхнулъ, и побѣжалъ читать въ харчевню. Я убралъ лошадь, иду туда же; спрашиваю: «какъ и что, молъ, Алексѣй Семенычъ»? Мой Алексѣй Семенычъ себя не слышитъ отъ радости. «Вѣсти», говоритъ, «хорошія привезъ ты, Микитушка. Только, что толку», говоритъ, «изъ эвтого будетъ.» «А коли вѣсти хорошія,» говорю я ему, «Алексѣй Семенычъ? такъ не горюй; подумаемъ — погадаемъ, авось и выдетъ какой нибудь толкъ». «Что же», говоритъ, «такое ты выдумалъ Микита»? «Теперь», говорю я, «толковать объ этомъ не время; а вотъ, я померекаю и скажу тебѣ, какъ поѣдемъ куда нибудь вдвоемъ.» Роспили мы съ нимъ тутъ три пары чаю и разошлись.

Послѣ эвтого раза мало мы съ нимъ видались; то я все въ разъѣздахъ былъ, тутъ старика его параличъ разшибъ; значить, ему разъѣзжать некогда было, надо было дома самому всѣмъ орудовать. Самъ хозяиномъ сталъ, а ихъ купеческое дѣло такое, что на другихъ понадѣяться не во всемъ можно. Такъ, о великомъ посту, приѣхалъ я только что домой, съ господами ѣздить не подалѣку, сидимъ мы,

обѣдаемъ, входитъ въ избу прикащикъ Алексѣя Семеныча Никифоръ, изъ Тяминѣ, вотъ на большой дорогѣ, государственные. «Хозяину», говоритъ, «тройка съ кибиткой требуется», «Самъ что ли ѣдетъ»? «Самъ», говоритъ, «да наказывалъ, какъ можно, чтобы Микита ѣхалъ». Старикъ мой говоритъ: «ладно, собирай тройку, Микита». Я пошелъ, думаю самъ про себя: «знаемъ, Алексѣй Семёнычъ, на что тебѣ Микита надобёнъ». Собралъ я тройку, одѣлся и поѣхалъ. Изъ Баклаева, вашему здоровью извѣстно, рѣку перѣѣхалъ и въ городъ. Привелъ я тройку, ужъ къ вечернямъ звонили, а черезъ часъ, эдакъ, выѣхали мы съ нимъ. Ёхалъ онъ въ губерню; понавѣдать хотѣлъ, значитъ, купцовъ, съ которыми они дѣла вели; старикъ его захворалъ, надо было, выходитъ, самому ихъ понайти; опять же его дѣло молодое, первому надо съ поклономъ быть. Вотъ, ѣдемъ мы съ нимъ, дожидаюсь я: не заговоритъ ли? Молчитъ мой Алексѣй Семёнычъ, лежитъ въ кибиткѣ. Миѣ самому начать, извѣстно дѣло, не приходится; хоша мы и имѣли съ нимъ, напримѣръ, знакомство.... ну да вѣдь теперь, думаю, самъ хозяиномъ сталъ: какъ покажется... наше дѣло простое. Проѣхали, эдакъ, вёрсть пятокъ, смеркаться стало. «Постой», думаю я самъ себѣ, «попытаемъ сторонкой, коли прямой дорогой нельзя». Пустилъ я рысцѣй тройку, да и затянулъ, знаете можетъ, ваше здоровье, пѣсня въ нашихъ мѣстахъ поется:

Какъ случилася пропажа
У Мошкова на дворѣ,
Что не сто рублейъ пропало,
Что не тысячу рублейъ,
Пропадала, западала
Дочь любимая его.

«Пропѣлъ я эвту пѣсню-то, да на лошадей: ахъ вы соколки, ударю.... нашихъ одровъ изволите чай помнить; только свисни, — взбѣленился, удержу нѣтъ. Колоколець звонкой, раззвонкой у меня былъ, за двѣ вёрсты, бывало слышать — Микита ѣдетъ. Разгулялись мои клячи, — самому любо. Я эвто, покрикиваю на нихъ, а самъ ухо навост-

рилъ, слушаю: что отъ него будетъ? Посмотрѣлъ эдакъ не-
коса: не спитъ ли? Не спитъ, приподнялся вижу, мой Алек-
сѣй Семенычъ, задумался, — глядитъ, сердешный, въ сто-
ронку; слышу, вздохнулъ. Я одержалъ лошадей и поѣхалъ
рысью. Всею дорогу эвту онъ ни слова со мной не гово-
рилъ: лежитъ да молчитъ; и я молчу, занимаюсь своимъ,
значить, дѣломъ. А губернія отъ насъ, вашему здоровью
извѣстно, сорокъ двѣ версты считается.

— Пріѣхали мы на свой дворъ, къ Евлахию, всегда ужъ
мы тутъ и съ нимъ, и съ старикомъ его стояли; онъ по-
шелъ, значить, въ горницу, а я, убралши лошадей, въ из-
бѣ спать улѣгся. На другой день онъ по своимъ дѣламъ
пошелъ, на третій то же; дѣло эвто меня не касается, —
такъ мы съ нимъ дѣнь пять и не видались. На шестой ужъ,
снжу я, въ сумерки, у воротъ на лавкѣ, вотъ какъ и съ
вашей милостью теперича, примѣръ взять, калякаемъ съ
ямщиками, подбѣгаетъ ко мнѣ Маремьяна, стряпуха хозяй-
ская: «на вотъ», говоритъ, «Микитушка, питналышный; дой-
ди до лавочки, свѣчу сальную возьми Алексѣю Семѣнычу».
Я пошелъ, взялъ свѣчку, иду къ нему въ номеръ. Онъ ле-
житъ у стола на диванѣ; я поклонился, положилъ на столъ
свѣчку и сдачу, что слѣдовало, и пошелъ было. «Погоди»,
говоритъ, «Микита». Я всталъ у дверей. «Садись». Я, было,
ему «я», молъ, «и постою, Алексѣй Семенычъ, наше дѣло
крестьянское».... «Нѣтъ, садись; сдѣлай милость садись».
Сѣлъ я, нечего дѣлать. «Скажи», говоритъ, «ты мнѣ Мики-
та: отчего ты пѣсню дорогой такую пѣлъ? Вѣдь это», го-
воритъ, «не ямщицкая пѣсня. Ты думаешь», говоритъ, «я не
слыхалъ? Я словечка не проронилъ», говоритъ. Я, было,
ему: «изъ пѣсни», молъ, «слова не выкинешь, Алексѣй Се-
менычъ; а запѣлъ я ее и самъ не знаю почему, вздумалось
ее запѣть».... «Ну», говоритъ, «Микитушка, это, выходитъ,
однѣ промежъ насъ рѣчи пустыя; я», говоритъ, «тебя знаю
и ты меня, кажись, не сегодня узналъ.... Не сирѣста ты
эвту пѣсню запѣлъ, признайся»? Я, эдакъ, поусмѣхнулся на
эвту его рѣчь, онъ всталъ съ дивана, подошелъ ко мнѣ, а
у самого слезы на глазахъ. «Ну», говоритъ, «Микита, мо-
жетъ и не хорошее дѣло мы затѣваемъ, а видно Богу такъ

угодно, до времени, смотри же», говоритъ, «ни кому объ этомъ не гугу, и промежь собой, покуда, много толковать нечего. Надо сначала развѣдать, да разузнать кое-что». «Ужь безъ этого», говорю я ему, «самъ знаешь, Алексѣй Семенычъ, эдакое дѣло дѣлать нельзя; — надо аукнуться, да послушать какъ откликнется». Вотъ съ этого разговора дѣло и началось. Смѣкнулъ, думаю я самъ про себя; парень толковый; значитъ, путь будетъ.

«Это дѣло было, такъ эдакъ, сегодня, а на другой день, чѣмъ свѣтъ, поѣхали мы съ нимъ въ обратный. Ъхалъ онъ не одинъ, а съ другимъ купцомъ, нашимъ же, Толоконниковымъ прозываютъ; значитъ, о дѣлѣ этомъ молчать надо было. Ъздили-то мы ни на третьей, ни на четвертой недѣлѣ великаго поста, а на Ооминой ѣду я, въ телѣгѣ (Святая въ тотъ годъ поздняя была, на колесахъ ѣздили); за Знаменскимъ деревушка есть, къ мужичку одному, сѣна поспрошать, пѣтъ ли, значитъ, продажнаго. Гляжу, Аксинья, дѣвка эта барская, идетъ пѣшкомъ съ базара: «Микита, здорово». «Здравствуй, красавица». Слово за слово; «садись», говорю, «я тебя подвезу, а отъ скуки покалякаемъ», Она сѣла. Вотъ я ее и спрашиваю: «ну что, молъ, у васъ дома подѣлываютъ, какъ барышня ваша живетъ-можетъ?» «Что», говоритъ.... «Микитушка, какое моей барышнѣ житье, вставши да за вытье». Что такъ? «Да что», говоритъ: «дѣло ея молодое и погулять тоже, и въ люди хочется показаться, а нашего-то» говоритъ «пентюхъ, барина, съ мѣста не сопрешь; самъ сидитъ дома и ее, бѣдную, моритъ. «Вотъ», говоритъ, «только и радости, къ намъ въ дѣвичью выйдетъ поболтать; такъ и за то бранить, старый песъ: «тебѣ», говоритъ, «простыя дѣвки не компанія, отъ нихъ», говоритъ, «окромъ худаго, ничему не научишься». Книжку возьметъ, опять не хорошо; «много», говоритъ, «читаешь; вредитъ тебѣ». «День денской», говоритъ, «ворчитъ на нее. Она,» говоритъ, «сердешная, слушаетъ, слушаетъ, придетъ къ себѣ въ опочивальню, кинется въ подушки; зальется слезами, такъ, часъ цѣлый» говоритъ, «и пролежитъ, проплачетъ. Заѣлъ», говоритъ, «онъ ея молодость. Сохнуть начала голубушка. Выйдетъ», говоритъ, «къ намъ: «хорошо», гово-

рить, «вамъ дѣвушки: вы и въ лѣсъ-то сходите по ягоды, и въ горѣлки-то побѣгаєте, и на хороводы посмотрите»...; а у самой слезки на глазахъ. Мы утѣшаемъ ее, ручки цѣлуемъ, говоримъ: вотъ матушка барышня, Богъ дастъ, свадебную пѣсенку вамъ пропоемъ, и вы повеселитесь, да погуляете не по нашему». Вздохнетъ на эту рѣчь она, да и пойдетъ по горнищѣ ходить; «долго», говоритъ, «ходить изъ угла въ уголъ; мы часто», говоритъ, «смотримъ на нее тихонько изъ-за дверей, да плачемъ. Со стороны-то глядя на нее, измучишься. Извѣстно», говоритъ, «кабы покойница матушка ея жива была, не то-бы и было». «Ну, а какъ», я говорю, «на счетъ Алексѣя Семеныча? Поминаетъ она его? Али, значить, это дѣло такъ и покончила?» «Много», говоритъ, «будешь знать, скоро состарѣешься, Микитушка; а сама усмѣхнулась моя дѣвка на это. Дѣло видное, я и допрашивать больше не сталъ. У села слѣзла она съ телѣги, пошла своей дорогой, а я своей, куда слѣдуетъ, поѣхалъ. Вотъ сторговалъ я у мужика сѣно, ѣду вечеромъ обратно, проѣхалъ Знаменское, выѣзжаю за овины: «правѣ держи», слышу, кричитъ кто-то сзади. Я своротилъ съ дороги, — пырь мимо меня, телѣжка въ одну лошадь. Я, эдакъ, посмотрѣлъ: Алексѣй Семенычъ, назвалъ я его. Оглянулся и лошадь остановилъ. «Микита, ты?» «Я», говорю, «Алексѣй Семенычъ. Откуда, твою милость, Богъ несетъ?» «Гдѣ былъ тамъ ужъ меня нѣтъ», говоритъ а самъ усмѣхается, — молодцомъ такимъ. Изъ себя онъ хватъ былъ, нечего сказать; стройный, высокій, бровь дугою.... Заглядывались на него купчихи не мало; да не одиѣ купчихи, и повыше ихъ, значить, чиномъ примазывались. Парень-то онъ былъ смиренный; другой бы на его мѣстѣ много дѣла надѣлалъ. «Миѣ», говоритъ, «надо съ тобой потолковать, Микита. Побывай-ка», говоритъ, «ты завтра у меня; скажи старику своему, что я велѣлъ за расчетомъ придти; неровно», говоритъ, «старикъ самъ пойдетъ, такъ скажи ему, что тебѣ именно велѣлъ; нужно де ему ѣхать, такъ объ этомъ тоже переговорить хочетъ». «Что же», спрашиваю я его, «повидали ли хошь?» «Дѣло», говоритъ, «на ладъ идетъ; далъ бы Богъ только», говоритъ, «акуратнымъ манеромъ, какъ

слѣдовательно, сдѣлать его. Завтра обо всемъ переговоримъ. Послужи»; говоритъ, «миѣ, Микитушка, а я тебя не забуду». «Для вашего здоровья», говорю я ему, «кажется въ огонь и въ воду готовъ; не то что, напримѣръ, изъ корысти, али изъ чего инаго прочаго, а, то есть душу готовъ отдать.... И какъ же иначе было миѣ говорить? Человѣкъ, эдакій, душевный. Въ эдакомъ случаѣ, какъ ему не помочь, если еще мало-мальски, что нибудь въ тебѣ есть, сколько нибудь, значитъ, привѣтъ его и добро помнишь? Онъ миѣ на это: «спасибо», говоритъ, «Микита; вѣкъ я твоего доброхотства и желанія не забуду. Много-бы», говоритъ, «хотѣлось съ тобою поговорить, да дѣло», говоритъ, «признаться, есть спѣшное; человѣчикъ одинъ меня дожидается, а опричь того», говоритъ, «боюсь не увидалъ бы насъ кто». Простились мы; онъ поѣхалъ впередъ рысью, а я пустилъ шажкомъ свою клячу, легъ въ телегъ и нѣсию заплѣлъ; важная, наша ямщицкая; чай слыхали, ваше здоровье, Баклаевскіе поютъ:

Улетаетъ мой соколикъ, да изъ очей моихъ, да изъ глазъ,
Во слезахъ я просила его: хоть немножко ты со мною поживи.

«Вотъ какъ дальше-то, позабылъ. Пстой». (Разскащикъ пропѣлъ тихонько половину послѣдняго стиха и тотчасъ вспомнилъ).

«Миѣ велятъ ли душечку, миѣ милую, велятъ бросить, позабыть.
«Позабыть!... Я тогда дружка забуду, какъ закроются глаза...

«Вчужѣ разгорѣлось у меня ретивое.... эхъ, думаю, кажется все село увезу, не то что одну барышню!.. Молодъ былъ, — тѣшило тогда все эдакое.... О чемъ, бишь у меня рѣчь-то пошла? Залепортовался совсѣмъ.... Да.... велѣлъ онъ миѣ, значитъ, на другой день, безпремѣнно, къ нему придти. Наплелъ я своему старику такіе турысы на колесахъ, что люли только; что ужъ я ему, тамъ, такое нагородилъ, не помню, только что послалъ онъ меня съ расчетомъ, самъ не пошелъ. Прихожу я къ Алексѣю Семенычу; онъ самъ выходитъ ко миѣ навстрѣчу; сейчасъ позвалъ

меня въ другую горницу, осмотрѣлся: нѣтъ ли кого, и дверь на замокъ заперъ; посадилъ меня, примѣромъ, вотъ здѣсь, а самъ сѣлъ вотъ гдѣ, теперича, ваша милость».

— Знаешь ли, — говоритъ, «Микита, на какое ты дѣло идешь?»

«Знаю», говорю, «Алексѣй Семенычъ».

— Да нѣтъ, — говоритъ, «ты, можетъ, знаешь, да не все.... Вѣдь, тутъ», говоритъ, «можетъ такая оказія выдти, что и подъ красную шапку, пожалуй, попадешь.... Какъ», говоритъ, «все это кончится, одному Богу извѣстно; проститъ насъ старикъ, — хорошо, а вѣдь если зартачится, да судиться начнетъ, вѣдь онъ и не насъ съ тобою засудитъ; съ сильнымъ не борись, и въ Писаніи сказано. Ты», говоритъ, «человѣкъ молодой, жена у тебя, отецъ старикъ-старый... такъ ты», говоритъ, «объ этомъ подумай».

«Онъ мнѣ это говоритъ, а у меня въ три ручья слѣзы, самъ не знаю отъ чего».

— Коли услуга», говорю, «моя не нужна тебѣ, Алексѣй Семенычъ, дѣло ваше; съ деньгами вы, эдакихъ слугъ, извѣстно, можетъ, не то что одного, сотню найдете; а я, такъ какъ, помня доброту вашу къ намъ».....

— «Нѣтъ», говоритъ, «Микита, такихъ», говоритъ, «услугъ за деньги не купишь». Заплакалъ и обнялъ меня.

«Вотъ я, твоему здоровью, какъ на духу говорю; то есть, значить, какъ промежъ насъ, все это дѣло было».

«Послѣ этого, говоритъ онъ мнѣ, что надо скоро дѣло дѣлать. Ёдетъ», говоритъ, «баринъ съ ней въ какую-то дальнюю усадьбу на полгода; значить, потораниваться надо.— «Вотъ», говоритъ, «поѣдемъ, черезъ недѣлю, въ губернію, а здѣсь половина дѣла улажена». Поговорили мы тутъ съ нимъ, въ чемъ везти ее. Онъ, было, коляску; я ему, однако, отсовѣтовалъ: потому неровенъ случай, поѣдемъ мы вдвоемъ съ ней, ихнее, господское дѣло, нѣжное, ну ей что нибудь, эдакое, приключится отъ страха, — ни мнѣ съ лошадьми, ни съ ней возиться. Придумали въ дрожкахъ безъ козелъ: я ее возьму, значить, передъ собой посажу и съ Богомъ. «Онъ, было, другаго кого со мной посылать.... «Никого», говорю, «мнѣ не нужно. Дай ты мнѣ только въ

Аксютой стакнуться, а ужь доставимъ, куда слѣдуетъ, въ цѣлости». Ужь это вдвоемъ, нѣтъ хуже; одинъ на другаго понадеется, да глядишь, бѣды, какъ разъ, и надѣлаютъ оба. «Какъ съ лошадьми? Не нанять ли», говоритъ, «въ губернии тройку»? «Нѣтъ ужь», я говорю, «Алексѣй Семенычъ, тутъ нужны лошади извѣстныя; опричь своихъ, какъ хошь, ни на какихъ не поѣду». Переговоривши обо всемъ эвтомъ, отдалъ онъ мнѣ, по расчету, деньги сколько, значить, старику моему причиталось за работу и велѣлъ куда, какъ можно, не отъѣзжать».

«Недѣлю, эдакъ, спустя ѣздили мы съ нимъ въ губерню, заказали дрожки у перваго, значить, что ни на есть, мастера. Для эвдакаго случая нельзя какую нибудь вещь брать, надо на нее, значить, надѣяться да и надѣяться; купили троѣчную сбрую полегче, безъ мѣди, знамо, чтобы не брячала; тутъ со звономъ подѣзжать не статья. Подговорилъ онъ двоихъ купцовъ, изъ молодыхъ, да, нѣкакова, офицера, свидѣтелями. Съ попомъ дѣло было ужь, прежде эвтого, улажено. Верстахъ, эдакъ, въ двѣнадцати отъ Знаменскаго былъ, такъ не изъ богатыхъ, приходъ, Нефедьѣвымъ прозывался; отъ большой дороги стоялъ онъ въ сторонѣ, и крестьянскихъ-то дворовъ два, либо три всего при немъ было; жили при церкви одни причетники. Намъ, вѣстимо, это и на руку. Тутъ и положили вѣнчаться. Уладивши въ губерніи, все какъ, значить, слѣдовательно, ѣздили мы и въ Нефедьево. Тамъ то же уговорились: когда и какъ; чтобы ужь все было, къ такому-то дню, готово. А придумали такъ: на другой день Ильи пророка пріѣхать къ мужичку одному въ Нефедьево, переночевать у него, да отъ него и ѣхать ужь, значить, за невѣстой. Въ этихъ сборахъ, да хлопотахъ прошло, безъ малаго, три недѣли; покуда съ Аксиной уладили, принасли все, какъ слѣдуетъ...; зря эдакое дѣло дѣлать нельзя. Надо было обо всемъ, значить, подумать».

«Ну а съ ней-то, видался ли онъ въ это время? перебилъ я, — Съ барышней-то? Еще бы.... Кажинный вечеръ видался. У барины былъ за домомъ садъ, тутъ они и свиданіе имѣли; Аксиныя всѣмъ эвтимъ завѣдывала, у нее и ключъ былъ поддѣланъ отъ калитки. Ужь вы, ваше здоровье, ме-

ня не того.... не перебивайте; какъ бы мнѣ, выходить, не спутаться.... вотъ вѣдь и запомнилъ на чемъ остановился. Эхъ-ма!...

«Ты говорилъ», началъ было, я....

— Постои, вспомнилъ», перебилъ Никита. «Ну, мерекали мы не мало.... Съ дворовыми, опричь, эвтой самой, Аксиньи, ни съ кѣмъ стачки мы не имѣли; потому больше, что если много народу въ эвакое дѣлю замѣшать, какъ разъ узнается. Окромя, городъ у насъ небольшой, другъ про друга и господа, и наша братья всякую малость, какъ разъ провѣдаютъ. За два дня Ильи, какъ сказано, благословился Алексѣй Семенычъ у родителя. «Ты», говоритъ, «батюшка, плохъ, не ровень случай, я вотъ», говоритъ, «въ губерню ѣду, благослови»; тотъ и благословилъ. Поѣхали мы, приѣзжаемъ; сейчасъ, привезъ я отъ мастера дрожки, новую сбрую пригналъ на лошадей, купилъ тесемокъ, вилелъ своимъ клячамъ, въ гривки; все оно поприглядиѣ. На другой день, утромъ, заложилъ; хотѣлось дрожки попробовать за городомъ, да и лошадей-то маленько, знаешь, попріучить къ дрожкамъ; стойтъ моя тройка, какъ есть игрушечка. Ямщики добиваются: куда собираюсь? Я имъ, давай городить; нагородилъ съ три короба. «Ѣдемъ», говорю, «перегоняться съ однимъ помѣщикомъ на тройкахъ; купцы», говорю, «о двухъ стахъ съ нимъ побились». Поѣхалъ, это я пробовать-то; ѣду городомъ, кто ни встрѣнется: «эхъ тройка важная»... Въ корень заложилъ я иноходца, не настоящій онъ, иноходецъ, а такъ съ перевальцомъ, а и ходко шелъ рысью; восемьдесятъ рублей далъ я за него на Великосельской. Пристяжныхъ взялъ изъ вороной тройки; старика моего любимыя были: лошади не крупныя, а ужъ, только возжей шевельни, — чувствуютъ. Кажинный день, до того какъ ѣхать намъ, значить, въ Нефедьево, раза по два я наѣзжалъ лошадей. Дрожки, такъ ужъ дрожки сдѣлалъ мастеръ; эти винтики тамъ, гайки словно вотъ вилты всѣ; не стукнетъ, не брякнетъ ни что, то есть, кажется, хоть съ крыши ихъ брось, ничто не сдѣлается.... На другой день Ильина, заложилъ я тройку свою, Алексѣй Семенычъ сѣлъ, съ однимъ изъ эвтихъ самыхъ свидѣтелей, ко мнѣ на дрожки,

офицеръ съ другимъ свидѣтелемъ въ коляску сѣли и поѣхали мы, всей честной компаніей, ужъ за своимъ значить, дѣломъ. Ямщики кричатъ мнѣ во слѣдъ: «смотри, Микита, потѣши купцовъ, не давай обгонять барину». «На руку охулки не положимъ», Богъ милостивъ», кричу я имъ, а самъ про себя думаю: «обогнать-то не обгонять, а не сугнали бы, — товаръ-то дорогій повезу».

«До Нефедьева тридцать верстъ мы, почитай, четыре часа, жалѣючи лошадей, ѣхали. Старикъ бы мой, на что ужъ, и тотъ бы меня, въ эвототъ разъ, похвалилъ за то, что лошадей берегу. Приѣхали мы въ Нефедьево ужъ пѣтухи пропѣли; напились мои купцы чаю и спать улеглись. Въ остальную, эвту ночь, глазъ я не сомкнулъ; не спится, да и полно. Алексѣй Семенычъ, передъ свѣтомъ, изъ избы ко мнѣ вышелъ, лежу я у лошадей, «что», говоритъ, «али и ты не спишь, Микита»? «Какой», говорю, «тутъ сонъ. Дѣло покончимъ, Богъ дастъ, свое возьмемъ, выснимся». Днемъ ужъ всхрапнулъ я, послѣ обѣда маленько. Часовъ, этакъ, въ девять вечеромъ, значить, заложилъ я своихъ сокольниковъ, хлопнулъ стаканъ водки для куражу и поѣхалъ въ Знаменское, а Алексѣй Семенычъ къ попу, да молебень. Ужъ не знаю, каково ворами воровать, а мнѣ, помню, а и жутко пришлось. Ёдешь, а тутъ у дороги, вотъ, какъ есть, человекъ тебѣ стойтъ.... — Разглядишь, — кустикъ. Плюнешь инды, — самому себя станетъ стыдно. Ночь была темная. Эдакія дѣла, вѣстимо, при свѣтѣ не дѣлаются. Ёду я легко; знай, сдерживаю лошадей. Подъѣзжаю къ Знаменскому, переѣхалъ у самаго села, тутъ черезъ ручей мостикъ, сердце у меня такъ и застучало. Вижу, огни ужъ вездѣ погашены; только въ барскомъ домѣ одно окошечко на верху, свѣтится; это, значить, въ ея горенкѣ. Спасибо, лошади мои. .. вѣдь вотъ поди ты, скоть-скоть, а понимаетъ за какимъ дѣломъ идетъ: не фыркнетъ ни одна, бѣгутъ таково ровно, не горячатся, ни што.... Переѣхалъ я мостикъ, осмотрѣлся, да сейчасъ, въ сторону, мимо гуменинниковъ лугомъ, прямо къ садовой калиткѣ. Изъ эвтой калитки Аксинья и хотѣла выдти съ барышней. Вотъ ёду я, добрый молодецъ, не путемъ да и не дорогой, вдругъ,

кто-то, ровно вотъ изъ земли выросъ, стоитъ, шагахъ этакъ въ пяти отъ меня на дорогѣ. Я не будь плохъ, стегнулъ лошадей, да прямо на него; онъ отскочилъ, да меня по загривку. Я одержалъ тройку. «Чтожъ ты, говорю, такъ тебя да эдакъ, дерешься то»? «Нѣшто, я», говорю, «тебя трогалъ? А самъ это, знаешь, ему говорю, да изъ стороны въ сторону качаюсь, хмѣльнымъ прикинулся. «А ты», говоритъ, пропилъ видно глаза то, пьяница эдакая, что на человѣка-то лѣзешь? Куда те», говоритъ, «лукавый то несетъ? Какъ, куда несетъ? Тутъ большая дорога», говорю я ему, тутъ всякому ѣзда вольная, а тебѣ драться», говорю, «не приходится»... А самъ все, знаешь, мотаюсь изъ стороны въ сторону. «Развѣ», говоритъ, «тутъ дорога-то? Вонъ гдѣ дорога.... Поворачивай; вишь», говоритъ, «какъ натрескался, что и дороги-то ужъ не разбираетъ». Толкуй больной съ подлекаремъ, думаю я про себя; иначе, что станешь дѣлать? поворотилъ тройку и поѣхалъ назадъ. Проводилъ онъ меня до мостика и пошелъ къ овинамъ, я скрозь села поѣхалъ; загибаю ему и такихъ и эдакихъ.... Досада смертная! Вѣдь нанесетъ же нелегкая на грѣхъ.... Проѣхалъ село, да опять къ саду, съ одного боку не удалось, съ другаго попытаться надо. Ъду, а самъ прислушиваюсь: нѣтъ ли его, лѣшаго, опять тутъ....; послушалъ — тихо, только сторожъ, гдѣ то далече, въ доску колотитъ. Вотъ я къ калиткѣ; вижу: стоитъ кто-то и бѣлымъ платкомъ миѣ машетъ.... Я остановилъ тройку.... «Аксинья ты»? «Я», шепчетъ она миѣ. «А барышня гдѣ»? «А вотъ», говоритъ, «и барышня; а мы», говоритъ, «думали, что ты попался; мы слышали, какъ ты со сторожемъ-то ругался»... «Ну, говорю я имъ, калякать некогда; садитесь, барышня, да, что Господи дастъ, и поѣдемъ помаленьку. «Тутъ онѣ поцѣловались; посадилъ я свою барышню передъ собой, взялъ ее въ охабку и поѣхали. Дрожитъ сердешная, — она у меня такъ вотъ напрути ее и бьетъ, словно въ лихорадкѣ. «Шибче, говоритъ поѣзжай, Микита, не хватились бы.... — Погоди, говорю, сударыня; дай ты миѣ вотъ только мостикъ-то переѣхать, а тамъ, послужимъ, — довольны останетесь.... Ъду я, а самъ все осматриваюсь:

иѣтъ ли сторожа эвтого, окояннаго, гдѣ, такъ онъ меня озадачилъ, проклятый. Однако благополучно переѣхали мостикъ; у меня и отъ сердца отлегло; теперь, думаю, Богъ милостивъ; пустилъ своихъ вѣроговъ, — только насъ и видѣли. Получасу не ѣхали до Нефедьева; барышня моя ужъ стала, и потише, просить, какъ поддалъ я своей тройкѣ жару, подѣзжая къ селу.... Она было: «переодѣться, говоритъ, надо». «Куды». говорю, «тутъ переодѣваться»... Ухнулъ на лошадей, да прямо къ церкви. Тамъ ужъ, насъ ждутъ — не дождутся, и свѣчи зажжены; выбѣжали всѣ на крыльцо, подхватили мой товаръ подъ руки, и въ церковь, а я съ лошадьми, къ мужику, гдѣ мы, значить, стояли; заставилъ мальчишку тройку проѣзжать, бѣда какъ задохлись, сердешные, а самъ, къ хозяину, да стаканъ водки тянулъ на радостяхъ».

— Повѣчавшись, молодые сей же часъ въ коляску и въ губерню. Я, то же, за ними, не кормя, поѣхалъ. Тутъ дорогой, то есть, такая гульня пошла, что я ужъ ничего не помню; какъ мы пріѣхали, кто у меня лошадей убиралъ, ничего, эвтого, не знаю. Молодые остановились на фатерѣ; нанялъ нарочно Алексѣй Семенычъ двѣ горницы. На другой день, съ утра, опять, у насъ попойка пошла; денегъ кучу намъ надавали купцы. Самъ-то, Алексѣй, Семенычъ не пилъ, до питья ли ему ужъ тутъ. А я кликнулъ чело-вѣкъ пять ямщиковъ, да и засѣли, на весь день, въ харчевню; выдемъ, зададимъ овса лошадямъ, напоимъ ихъ, да опять въ харчевню, за свое, значить, дѣло. Такъ мы три дни, въ губернии, и пропировали. Мы, это, тутъ прохлаждаемся, а тамъ, въ Знаменскомъ тревога страшная идетъ, баринъ нашъ всѣхъ людей съ ногъ сбилъ. Сторожа высѣкъ, эвтого самого, который мнѣ загривокъ-то поправлялъ. Посылаетъ холопьевъ и въ городъ-то, и по селамъ разнымъ. Аксиною допрашивали, та, сначала, было: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», однако, постращали ее, — призналась; «уѣхала», говоритъ, «барышня съ купцомъ Станишниковымъ, а куда, хоть убей, не знаю». Разузнавать велѣлъ баринъ, однако, тихонько; огласки, значить, не хотѣлось ему вдругъ дѣлать; думалъ, вишь, что не всѣ еще про эвто знаютъ. А

тутъ, ужъ, чего не знать? Въ тотъ же день затолковалъ весь городъ».

«На четвертый день собрался мой Алексѣй Семенычъ, со своею молодой княгиней, домой. Коляску взялъ у пріятеля, кушца одного; четверкой, значить, надо было ѣхать. Прихватилъ я у Бакиевского же нашего, ямщика четвертую лошадь и поѣхали. Алексѣй Семенычъ, было, меня не бралъ, вишь не подумали бы чего. «Нѣтъ», говорю я ему, «какъ хошь Алексѣй Семенычъ, не замай ихъ думаютъ что хотятъ, а я тебѣ, такъ какъ значить, помогаю, я и домой тебя съ хозяйкой доставлю». Собралъ я четверку что ни на есть лучше, колоколецъ, бубенцы навязалъ; съ громомъ такимъ въѣхали въ городъ, что бѣда. Ёдемъ по городу, — изъ оконъ всѣ высовываются, бѣгутъ за нами; лестно, извѣстно, всякому на молодуху посмотрѣть, а ѡкромя боярскаго роду. Подъѣхали къ дому; — Алексѣй Семенычъ, сейчасъ выходитъ изъ коляски, прямо къ старику своему и съ женой. Старикъ, ужъ извѣстно, безъ памяти былъ, можетъ и не разобралъ хорошенько: что такое».

— Ну, а баринъ? спросилъ я.

«Баринъ безъ малаго, годъ ломался: и просьбы-то подавалъ, говорятъ, и письма къ какимъ-то тамъ благопріятелямъ въ Питеръ писалъ; старался, значить, какъ чтобы ихъ развести. Да, видно, законъ-то покрѣнче его. Богъ соединилъ, человекъ не разлучить; — простилъ, дѣлать нечего. Тутъ умеръ старикъ Алексѣя Семеныча, переѣхали молодые въ Питеръ. Меня въ кучера онъ, было, звалъ къ себѣ; иначе я не пошелъ. Старикъ мой слегъ тоже, языкъ отнялся у него; началъ я самъ хозяйствовать, да не долго нахозяйствовалъ. Съ легкой руки Алексѣя Семеныча началъ попивать, да погуливать; — пріятели нашлись; извѣстно, какъ помочь тебѣ нужна; ни одного не сыщешь, а вино пить много найдется помощниковъ. Такъ я, значить, дворъ-то сдалъ, а самъ зашатался, да вотъ, и по сю пору по чужимъ людямъ шляюсь».

— А хозяйка-то твоя гдѣ? спросилъ я.

«Хозяйка моя померла. По эту больше и дворъ-то въ тѣ поры сдалъ я племяннику. На другой, было, хотѣлъ

жениться, да подумалъ: дѣтей у меня нѣтъ, дома жить не учего; прахъ ихъ возьми, и безъ бабы вѣкъ-то какъ ни-будь, домаячу».

— Сколько же тебѣ далъ Станишниковъ за хлопоты?

«Денегъ-то сколько далъ? Да — сколько хошь, говоритъ, бери, Микита. Заплатите, говорю, Алексѣй Семенычъ, что по расчету слѣдуетъ и дѣло съ концомъ. Что деньги? Тутъ не деньги.... Деньги дѣло наживное. Хозяйкѣ моей, опослѣ я узналъ, далъ онъ сто рублевъ».

— Ну, а каково живутъ Станишниковы, не слыхалъ ли?

«Да, этта, прикащикъ миѣ ихній попался, говоритъ: не само ладно живутъ; она, слышь, на своей половинѣ, а онъ на своей; рѣдко, говоритъ, и видятся. Самъ-то онъ человѣкъ рѣдкій; рубашку, кажется, съ себя и ту отдастъ, ну, а она то, говорятъ съ душкомъ. Теперича, этихъ старыхъ, которыхъ, прикащиковъ, сидѣльцовъ, всѣхъ разсчитала, а набрала, слышь, новыхъ молодцовъ изъ нѣмцовъ. Хочетъ, слышь, съ чужими землями торговать; ну, а ужъ капиталу-то поубавилось сильно; и за ней-то что дано, знаешь, старикомъ ея, бариномъ, порастратили. Не то что съ чужими землями, а и на прежнія то дѣла, какія, выходитъ, по нашему мѣсту, Алексѣй Семенычъ со старикомъ своимъ вели, ужъ силы не хватитъ. А окромя того, она, говорятъ, все съ большими господами водится, ну а онъ, такъ какъ, по прежнему, съ своимъ братомъ компанію имѣетъ; вотъ у нихъ и идетъ отъ эвтого самого разлада».

«А дѣти есть у нихъ?»

— Нѣтъ, дѣтей Богъ не даетъ. Былъ, правда, мальчикъ, да померъ.

«Ужинать ступай Микита», сказала кухарка, высунувшись изъ-за воротъ, «ямщики ужъ щи отхлебали».

— Ну, за тѣмъ прощенья просимъ, сказалъ, приподнявъ обѣими руками шапку, Никита.

Я простился съ нимъ и пошелъ то же въ свой номеръ. Черезъ нѣсколько минутъ явился ко миѣ чиновникъ съ бумагою, такъ нетерпѣливо мною ожидаемою. Чѣмъ свѣтъ, на другой день, я выѣхалъ. На шестой верстѣ догналъ насъ

Никита. Увидавъ меня, онъ приподнялъ шапку и закричалъ ямщику моему:

«Вишь, плетется. Что ты, съ горшками что ли ѣдешь? Заморозилъ барина-то совсѣмъ».

Сказавъ это, онъ крикнулъ, тройка приняла, понеслась во весь духъ и скоро исчезла.

Ямщикъ мой, долговязый, бѣлокурый парень, улыбнулся и проговорилъ, въ свою очередь, во слѣдъ Никитѣ: «эхъ, ты, сорванецъ, праа-а ... сорванецъ».

Н. Чаевъ.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА

ВЪ

ТОРГОВОМЪ МІРѢ МОСКВЫ.

AMERICAN SOCIETY

OF

THE HISTORY OF THE UNITED STATES

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА ВЪ ТОРГОВОМЪ МІРѢ МОСКВЫ.

Канунъ попросте и повразумительнѣе называется у насъ преддверіемъ.

— Съ преддверіемъ праздничка прошу поздравить, — говоритъ какая нибудь торговая юркалка, бокомъ забѣгая предъ глаза нужнаго человѣка, котораго она угадываетъ, даже не видя лица, по шубѣ, шапкѣ, походкѣ и прочимъ атрибутамъ состоятельности кармана, не рѣдко и при полнѣйшей несостоятельности головы.

Славянскій канунъ начинается по немногу куриться дня за три до праздника... преддверье раскрывается по немногу, и мы, также по немногу, начинаемъ обонять особенный запахъ, въ легкомъ парѣ котораго выясняются предъ нами разныя чуда — чудныя, дива — дивныя!

Прежде всего, мало по-малу, ряды начинаютъ, какъ иногда говорится, *мпыять фizioномію* и оживляться... но оживляться не тою жизнію, которая, напримѣръ, радуетъ насъ весною, или при выздоровленіи, а какъ-то оригинально и особенно... Прежде всего начинается толкотня, толкотня довольно грубая, угловатая, вѣроятно, отъ неспособности нашей ходить, чтобы не задѣтъ, толкотня безъ извиненій, не рѣдко сопровождаемая сверкающимъ взглядомъ или браннымъ словомъ съ одной или обѣихъ сторонъ, а иногда, по плутоватости русской натуры, и улыбкой съ одной, даже и хохотомъ вслухъ.

— Ишь его, дескать, *разгерепенился*.

Ряды начинаютъ пахнуть особеннымъ запахомъ различныхъ, глубокопостныхъ припековъ: вмѣсто пироговъ съ рыбой на

кашѣ, съ жирами, съ перечкомъ и подливкой подъ подкову пальца, являются пироги съ грибами на кашѣ съ горохомъ, и блины съ прижаренымъ лукомъ, который такъ и несетъ свой пригорѣлый запахъ изъ конца въ конецъ. Все это, разумѣется, потребляется въ значительно большихъ размѣрахъ противъ рыбнаго, потому что плохо питаетъ и грѣетъ на двадцатиградусномъ морозѣ.

Вмѣсто мороженой рыбы, на лоткахъ, и разѣзжающихъ въ саняхъ бѣлугъ и осетровъ, разнощики являются обвѣшанные мороженою *живностію*—индѣйками, поросятами, которыя связаны задними ногами и висятъ, ощеривши зубы.

— Ишь, видно ножемъ-то противъ шерстки погладили, — скажетъ мимоходомъ купеческій мальчикъ, съ отвратительной, по крайней мѣрѣ для насъ, улыбкой...

Дичь развозится цѣлыми возами... Все это кричитъ, торгуется, слѣдовательно, и ругается, толкается, гомозится и суется...

По трактирамъ также мѣняются декорации: чаекъ подаютъ съ медомъ, разстеган, вертятъ съ рыжиками, груздями, сухими рубленными грибами...

— Фу, братецъ ты мой, какая батарея! — говоритъ иной постникъ, глядя на шипящій въ постномъ, *произительнаго* запаха маслѣ, круглый растегай, — вѣдь предъ эдакимъ сраженіемъ мало одной, чтобъ не забурило; только на тройкѣ и уѣдешь...

При совершенно постной обстановкѣ, которую все какъ-то хочется видѣть въ иномъ видѣ, слышатся со всѣхъ сторонъ такія рѣчи.

— Что, Илья Иванычъ, вы рыбку-то, чай, уже не кушаете-съ?..

— Нѣтъ, Богъ милуетъ, не кушаемъ-съ. Послѣ Николина дня перестаемъ, грибки жуемъ.

— Такъ-съ... да вы, Илья Иванычъ, какъ-есть по монастырски, и тамъ съ Николина оставляютъ.

— Не то, то-есть, чтобъ это по монастырскому, а такъ родителями заповѣдано; ну, портить-то и не хочется, да, другое дѣло, и бябы *загалдятъ*...

— Оно резонно-сь, Илья Иванычъ; а я вотъ, грѣшный человѣкъ, рыбки придерживаюсь.

— Что же, батюшка, вольному воля, а спасенному рай, отвѣчаетъ будто обиженнымъ тономъ Илья Иванычъ...

— Оно точно-сь, — начинается, немного погодя другой, нѣсколько ниже. — Что говорить, постъ великое дѣло, крылья-сь!.. Да вѣдь, если не больно тяжело подняться отъ земли-то грѣховной! Вотъ Калтаниковъ, полагаю, теперь и чаю не пьетъ *на свои*, а копѣйки по двѣ, по три дуетъ, а пожалуй подъ руку и *чихомъ*; человѣкъ тоже набожный, что говорить, отца въ Сибирь упряталъ, себя за то не обидѣлъ; отрасль тоже хорошую Господь Богъ посылаетъ; сынокъ-то, говорятъ, на самолюбіи искусился, патентъ получилъ, да и тутъ, говорятъ, мазнулъ. Оно, что говорить, чего же смотрѣть, подъ церковные уставы не подходитъ; да вѣдь не одинъ Калтаниковъ таковъ; много *такихъ* постниковъ найдется на Руси святой, и въ нашей бѣлокаменной, вотъ хотя бы Иванъ Ильичъ — извѣстный вамъ человѣкъ, — мужикъ, что говорить, набожный, *нищую братію* одѣляетъ, свѣчки предъ образами ставитъ, а ходить же окольнымъ ходомъ про него пословье, говорятъ же: *бойся дескать, оня да меча, да извѣстнаго Ивана Ильича...*

Что ты тутъ съ міромъ подѣлаешь? Міръ какъ-то своей дорогою идетъ. Не возымѣйте мысли, Илья Иванычъ, чтобъ я какой *охаверный* былъ, спаси Господи! умру за родной обычай, а таить нечего: къ такимъ людямъ разноцвѣтнымъ, сердце у меня не лежитъ. Слабъ, такъ слабъ и будь, такъ, на-голо, а разными парчами тамъ разноцвѣтными прикрываться не слѣдуетъ. Богъ прежде всѣхъ за это накажетъ.

Разговоры идутъ большею частію и на другія темы, — темы, гдѣ слякоть и плѣсень свидѣтельствуютъ, что человѣкъ прежде всего и самъ уже превратился или превращается въ слякоть и плѣсень...

Не скроемъ, — они дѣйствуютъ на насъ также, какъ смерть отъ излишествъ разнаго рода: разврата, пьянства; сердце сжимается, какъ въ тискахъ.... За то, какъ встрѣтишь безыскусственную, прямую и здравую натуру, подобную хотя вышеприведенной, оно бьется какъ-то радост-

но: думается, и увѣряется прекрасная, радостная мысль, что еще живъ русскій челоѣкъ.

Незаконные, не биржевые маклера бѣгають и въ хвостъ, и въ голову: отыскивають по порученіямъ денегъ, продають съ уступкою товаръ для нуждающихся въ деньгахъ, а дисконтеры — тузы сидятъ себѣ и въ усь не дуютъ, настаеть, дескать, для насъ Христовъ праздникъ; безъ денегъ не обойдутся, не обойдутся и безъ насъ — всякая живая душа тоже калачика хочетъ; народу нынче не прежнее время... Это особенно ярко при нашемъ безденежьѣ ..

По трактирамъ скоромнаго не достанешь, — развѣ только у богомольнаго Ивана Ивановича; да и то бѣда: станете ѣсть, — обратите на себя цѣлую сотню глазъ; въ слухъ выскажутъ: волтерьянецъ, фармазонъ; несутъ мимо, — полового спросятъ: кому? Купецъ аль изъ дворянъ? Если купецъ, такъ кто такой: оборони Богъ, чтобъ съ нимъ въ мясоѣдъ-то не породниться, — дочку не выдать! Сгубишь вѣдь совсѣмъ за такимъ челоѣкомъ.

А подлость, мошенничество идетъ себѣ, при этихъ понятіяхъ, широкою дорогою: не ѣсть въ постъ мяснаго, не пьеть вина въ явь, ну, и зятюшка-батюшка!

Когда-жъ избавитъ насъ Господь отъ эдакихъ понятій?

Послѣ грибной трапезы, подпившіе для сваренія и трезвые глаза останавливаются на живности...

Несутъ по ряду, положимъ, индѣекъ.

— Стой ты, живодерь. Чего стоитъ четверня?

— Восемь рублей прошу, господинъ купецъ.

— На ассигнаціи аль на серебро?

— Знамо дѣло, на серебро; какія нынче ассигнаціи...

— Ты, что, бѣлены, что-ли объѣлся?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, еще не объѣлся.

— Такъ что-же это ты два рубля-то за штуку?..

— А какъ же дешевле-то? Кормы-то нынче почемъ, господинъ купецъ? Чай, сами лошадей имѣете и птицу всякую....

— Пять рублей берешь? спрашиваетъ купецъ.

— Нѣтъ; видно, не берешь... себѣ дороже.

— Ну проходи, говоритъ тотъ рѣшительно.

— Знамо дѣло, пойду..

— Проваливай!

Дѣло не улаживается. Разнощикъ уходитъ недовольный; купецъ слѣдитъ его...

— Ишь ты, отдай ему за пять рублевъ, рассуждаетъ разнощикъ, свои потеряй. Чай и самъ *тулунъ-то* *раза два ворочалъ*, а нашему брату и нажать не хочетъ дать; а еще, чай, женатый, а жену не хочетъ индѣйкой покормить. Мясоѣдъ, чай, наступаетъ, — какъ же жену индѣйкой не покормить? Индѣйка — птица великатная; у насъ и дворяне покупаютъ..

— Слышь-ка ты, философъ, — полно-ка рассуждать, говоритъ другой купецъ, завидѣвши и заслышавши разнощика: скажи, что просишь за пару гусей?

— За пару? Два съ полтиной, батюшка, два съ полтиной. Смотри только, какіе гуси, настоящіе арзамасскіе?

— Экъ ты разѣхался, — два съ полтиной, да еще арзамасскіе! Какіе они арзамасскіе? Фонари они настоящіе московскіе, а не арзамасскіе... Пошелъ прочь! кончаетъ онъ рѣзко.

Разнощикъ сердито вскидываетъ гусей на плечо и идетъ.

— Ну, ужъ видно въ самомъ-дѣлѣ дѣла плохи, говоритъ онъ. Ужъ кажись, на что гусь — самая *купеческая* птица, особенно если съ капустой, а и то не покупаютъ... Фу, ты пропасть! Какъ-бы ими самому на праздникъ не разговѣться? Эхъ, ты время!

— Ну, батюшка, цѣны же нынче, говоритъ одинъ купецъ другому, зѣвая отъ бездѣлья, и крестя ротъ, по русскому обыкновенію. Былъ на Хитровѣ, — поросята 18 коп. за фунтъ, свинина три рубля пудъ, баранина три съ двумя гривнами, говядина три. —

Пришли времена, — нечего сказать!..

— Истинно умножились наши прегрѣшенія, отвѣчаетъ другой. Что-то только ѣсть будемъ? говоритъ онъ какъ-то глухо. На все перекупъ идетъ, на рынкахъ одно молоко можно развѣ изъ первыхъ рукъ купить, а то все у барышниковъ; въ охотномъ ряду и того нѣтъ; тамъ только развѣ одни елки въ первообразѣ... Чего это, и въ самомъ дѣ-

лѣ, наша торговая полиція смотритъ? Аль и она только для фирмы?

— Да, нечего сказать, призадумался, какъ нынче жить! отвѣчаетъ, понуря голову, другой..

— Призадумался!..

Приступаютъ расчеты; какъ съ ножомъ къ горлу, подступаютъ со счетами; — вынь да положь!

Всѣ приступаютъ: на фабрикѣ рабочіе, по конторамъ подрядчики, разныхъ компаній прикащики, артельщики, пирожники, рыбники, икорники.

Всего оригинальнѣе расчеты съ пирожниками, квасниками и прочими разнощиками съѣдомнаго: надо замѣтить, что бѣольшая часть всего этого идетъ, какъ и все въ нашей торговлѣ, на кредитъ, — прикащикъ, мальчикъ, а не рѣдко и самъ хозяинъ, особенно, который по мелкокустарнѣе, ѣстъ на память, и бѣольшая часть располагается на добросовѣстность разнощика. Подобнаго рода кредитъ съ малымъ контролемъ или совсѣмъ безъ него непременно предполагаетъ уловки съ обѣихъ сторонъ. Не большой руки прикащикъ, а особенно мальчикъ, непременно постарается съѣсть больше того, чѣмъ онъ съѣлъ бы, еслибъ ему аккуратно выдавалась назначенная сумма на харчи: въ послѣднемъ случаѣ чувство бережливости стало бы на мѣсто прожорливости, какъ это является въ первомъ.

— Чего жъ не ѣстъ? — Благо не считаются каждый день, думаетъ онъ. А придетъ къ празднику расчетъ гуломъ, — семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; потасовка — привычное дѣло!

— Ты что? спрашиваетъ хозяинъ, уже раздраженный предпраздничными выдачами, остановившагося предъ нимъ, хотя бы пирожника, съ извѣстнымъ ящичкомъ, укутаннымъ чѣмъ-то теплымъ, нѣсколько чище снаружи, и по бѣольшей части отвратительно грязнымъ и замасленнымъ съ другой стороны.

— Къ вашей милости...

— Ну?

— Да, вотъ бы, расцетець.

— Чортъ бы васъ побралъ съ расцетцами, всѣмъ вамъ приспичило.

— Дѣлю праздничное..

— Ну, чтожъ что праздничное? — пьянствовать больше нужно?

— На все требуется.

— Ну, говори много ли? — нечего раздобарывать; еще не время Христа славить.

Тутъ выходятъ наружу два явленія: или разнощикъ ухарски, молніеобразно вытаскиваетъ изъ кармана истрепанную и измазанную книжку, пропитанную запахомъ всевозможныхъ начинокъ, и представляетъ каракулями написанный счетъ; съ обозначеніемъ много ли наѣдено, или онъ подходитъ къ самой лавкѣ и гдѣ нибудь, на притолкѣ или на стѣнѣ, открываетъ рядъ крестиковъ, понятныхъ только ему, да развѣ прикащикамъ, да мальчикамъ. По этой бухгалтеріи начинается счетъ.

— Много ли?

— Да вотъ, извольте видѣть, — водить разнощикъ пальцемъ по книгѣ или по стѣнѣ, до Николы 160, да опосля съ нынѣшними 46.

— Экая пропасть! И когда это ты нажрать успѣлъ? Чортъ васъ знаетъ: и дома трескаютъ, и тутъ. На васъ не наготовишься. Стоишь ли ты самъ того, что наѣшь въ годъ-то? — обращается хозяинъ къ мальчику. Мальчикъ стоитъ у притолки, ни живъ, ни мертвъ.

— Право, черти. Только и знаютъ, что жрать.

Пирожникъ стоитъ молча, потупясь и укутываетъ стынушіе пироги.

— И вы тоже? Чего зря даешь? Чуть не по десятку на день. Вамъ бы только побольше сбыть. Вишь, мальчуганъ балуется; ну, и ограничь его.

— Чего жъ баловаться сударь, Иванъ Ивановичъ, вѣдь наѣда-то одни пироги.

— Это ужъ не твоя бѣда... Разговорился еще! А не хочешь ли эдакъ, послѣ завтра, за разговоры-то?

— Это, какъ вамъ будетъ угодно.

— Ну, и убирайся! радостно схватывается хозяинъ за мысль.

— Какъ угодно.

— Такъ и угодно, что ступай. — Онъ запахиваетъ шубу и бросаетъ въ это время звѣрскій взглядъ на мальчика.

— Эдакъ мальчикъ и сголоду умретъ, никто и пирога въ долгъ такому хозяину не повѣритъ. Пшѣстный скаредъ, прости Господи! Кому только они копятъ? — говоритъ отходя пирожникъ.

Рядскіе, видѣвшіе эту сцѣну, начинаютъ приставать къ нему.

— Что, братъ, съ носомъ? Приписалъ, видно, много? Не удалось?

— Ужъ припишешь у васъ? Сами всякому припишете, — отвѣчаетъ, задорясь, пирожникъ.

Кто виноватъ въ подобныхъ, здѣсь еще очень легко и деликатно очерченныхъ, катастрофахъ, кончающихся не рѣдко потасовкой мальчика, поноснымъ руганьемъ взрослого прикащика и громко, на весь рядъ, такъ называемой площадной бранью со стороны разнощика?

— Чтѣбъ разнесло васъ горою за мои деньги, чтѣбъ ни савана, ни покрывки! и т. д.

Виновата русская неаккуратность, привычка не отдать во время настоятельно нужныхъ денегъ... Прикащикъ, по бѣльшей части въ городѣ на своихъ харчахъ; питаться въ городѣ онъ долженъ изъ своего скуднаго жалованья; мальчику же ассигнуется, среднимъ числомъ, десять копѣекъ въ сутки. Получай онъ ихъ во время, — онъ сталъ бы распоряжаться ими по своему усмотрѣнію и даровитости русской натуры, пожалуй, даже, что нибудь и съэкономилъ бы изъ своихъ крохъ. Не получая нужнаго во время, или получая урывками, онъ питается, по слову хозяина, у разнощика, а потому трудно можетъ аккуратно и вѣрно вести счеты. Берется пирогъ или что нибудь съѣстное между работой и причется куда нибудь на пыльную полку начатой кусокъ, когда мальчикъ бросается для исполненія хозяйскихъ порученій. Разнощники въ большинствѣ своемъ также не промахн приписать; у нихъ не дрогнетъ рука: у нихъ свои сношенія съ хозяиномъ, свои потери, которыя они должны какъ нибудь наверстывать. Все это производитъ сложную, пеструю путаницу, путаницу изъ за пустяковъ, не трогаю-

щую чувствительныя струны и озлобляющую всѣ три стороны и большею частию предъ большими праздниками, которые, по духу нашей церкви, каждый русскій человекъ долженъ бы встрѣтить въ духѣ смиренія и умиленія.

Относительно того, какъ быть съ этимъ, — мы не совѣтники и не наставники, а только скромные хроникеры всего, какъ оно есть и какъ бываетъ...

Толпы нищихъ, какъ чайки на морѣ предъ бурей, въ рядахъ и всюду являются у насъ предвѣстниками большаго, годоваго праздника. Всякій годъ повторяется это явленіе, и оно особенно наглядно въ рядахъ, куда въ это время, они собираются, кажется, со всей Москвы. Последнее время число это увеличилось отмѣченными эпитетомъ — *погорѣлыхъ* и безземельныхъ, такъ что самые христолюбивые и боголюбивые люди выходятъ изъ терпѣнія; старухи съ бѣдными невѣстами, матери съ грудными; ребятами или съ полюбившимися вѣсто ребятъ, также и со взрослыми давно уже переставшими быть грудными, лица обоего пола, но преимущественно женщины съ гробами, не рѣдко купленными или, пожалуй, даже и взятыми на прокатъ, монашенки, монахи, ходуны, которые ходятъ отъ монастыря и пустыней, по тридцати копѣекъ съ рубля, отставные, изувѣченные солдаты, чиновники гражданского и военнаго вѣдомства; — все это одною частию возбуждаетъ состраданіе, другою возмущаетъ душу. Все это идетъ къ купцу, все просить милостины отъ его барышей или достоянія; а онъ и самъ не знаетъ, какъ перевернуться въ настоящее трудное время...

А морозъ стоитъ градусовъ за двадцать. Надо быть сытымъ, надо согрѣться; какъ не дать этимъ едва прикрытымъ людямъ? Хорошо, кто дастъ по увѣренію этого чувства, не изъ одного тщеславія, что *дѣлю, дескать, нищую братію!*...

Мѣдъ, мелочь, мелкіе кредитные билеты дѣлаются необходимою предъ праздникомъ. На все нужно: и щели многіе замазать, и дать кому-нибудь изъ пакетцахъ послать, и на чай, и на праздничные угощенія, хожалымъ, сторожамъ и прислугѣ, и домашнимъ. Агенты торгуютъ

отлично въ это время и повышаютъ свои курсы. Преимущественно хорошъ для нихъ былъ прошлый годъ, когда мелочь была рѣдкостью, особенно если несли на размѣнъ завѣтный обрѣзной или травленный полуимперіаль, зава-лившуюся финляндскую или серію ... Простой годъ мѣня-лы дѣйствовали гораздо удачнѣе, чѣмъ нынѣшній: одни серіи имъ пришлось помянуть мѣсяцевъ на шесть; за раз-мѣнъ брались крупные проценты. Нынѣ серіи принимают-ся съ опаскою — много поляки своихъ понадѣлали подъ Харьковомъ; мелочи больше, но разумѣется, надо что ни-будь имѣть, чтобъ размѣнять.

Толкотня и густая толпа около мелкихъ лавочекъ и шкап-чиковъ дополняетъ картину преддверія праздника....

И даже, когда у нѣмца зажжется рождественская ёлка, и настанетъ свѣтлая, морозная, поэтическая, по многимъ преданіямъ и описаніямъ, рождественская ночь; когда заж-жется та звѣзда, которая въ сѣдой древности открыла вол-хвамъ рожденіе Спасителя, еще не мало подобныхъ вы-шеописанныхъ сценамъ, но уже при другой, домашней об-становкѣ, при обстановкѣ мужскаго деспотизма и жен-скихъ уловокъ, идутъ и смѣняются у нашего промышлен-наго, дай ему Богъ здравія, люда.. Сценами этими мы зай-мемся въ послѣдствіи.

207 SA 20 11117

МУЗЕЙ

7000

Съ 1866 года

ОМЪ СБОРНИКА „НАШЕ КУПЕЧЕСТВО И ТОРГОВЛЯ“

ПОДЪ РЕД. РУССКАГО КУПЦА.

ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМАМИ ОТЪ 15 ДО 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

КУПЕЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

И

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Цѣль перваго изданія быть проводникомъ въ нашъ торговый и промышленный классъ научныхъ знаній по предметамъ близко касающимся русскаго торговаго и промышленнаго дѣла. Выходящія въ большомъ количествѣ переводы разныхъ системъ политической экономіи, банковыхъ операцій, статистическихъ свѣдѣній по торговлѣ промышленности, руководства по механикѣ, техникѣ и другимъ прикладнымъ наукамъ, большая часть этого еще не переведенная на рускій языкъ и множество статей по отечественной промышленности, брошенныхъ въ разныхъ журналахъ, при постоянныхъ дѣловыхъ занятіяхъ, при переѣздѣ изъ одного города въ другой, съ ярмарки на ярмарку, не позволяетъ слѣдить за всѣмъ этимъ нашему купечеству, фабрикантамъ и промышленникамъ, кромѣ того и основанія его быта, въ общемъ его содержаніи, дѣлаетъ ихъ равнодушнымъ ко всѣмъ явленіямъ науки, которая на западѣ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности и торговли, и уже, безъ всякаго сомнѣнія, много способствуетъ успѣшному ходу самаго дѣла. Всѣ свѣдѣнія, опыты, знания въ вышеупомянутыхъ отрасляхъ неотлагаемо необходимы нашему промышленному и купеческому обществу, оно и само уже начинаетъ это; для облегченія его, для перваго ознакомленія съ этою нужною необходимостью и предпринимается наше изданіе... Въ немъ постараемся быть какъ можно болѣе послѣдовательными: дѣло приходится начинать почти съ азбуки, необходимо идти постепенно и только медленно и держаться популярнаго изложенія. Эти убѣжденія будутъ положены нами въ основаніе нашего изданія. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одно время, рука объ руку, съ этимъ изданіемъ мы желали бы сдѣлать и другое, это именно «Торговый и Промышленный календарь» для фабрикантовъ, купцовъ и прочихъ промышленниковъ, въ которомъ всѣ необходимыя свѣдѣнія будутъ помѣщены въ резюмированныхъ (сокращенныхъ) очеркахъ и въ видѣ справочныхъ таблицъ, выводовъ и короткихъ, возможно точныхъ, итогахъ.

Свѣдѣнія эти, само собой разумѣется, будутъ соединены съ мѣсяцесловомъ, съ статистическими и практическими, финансовыми, курсовыми, почтовыми, товарными и другими справками. Всѣ заграничныя изданія въ этомъ родѣ будутъ служить намъ непремѣннымъ руководствомъ.

На то и на другое изданіе мы открываемъ подписку, изъ которой желали бы убѣдиться въ ихъ дѣйствительной потребности.

Цѣна Христоматіи 1 р. 25 к.

» Календари 90 к.

То и другое въ продажѣ будетъ дороже.

«Наше купечество и торговля» пойдетъ своимъ чередомъ, и къ слѣдующимъ выпускамъ между прочимъ приготовлены:

- 1) Матеріалы къ біографіи А. П. Шестова.
- 2) Біографія П. С. Малютина.
- 3) Біографія П. И. Куманина.
- 4) Иванъ Васильевичъ Варгинъ и его духовное завѣщаніе, съ портретомъ Варгина.
- 5) Скрытые элементы русскаго, преимущественно Московскаго торговаго и промышленнаго дѣла.
- 6) Утро вечера мудренѣе. Комедія П. В. Самарина.
- 7) «Темныя дѣла» очерки иностранно-русскаго торговаго дѣла.
- 8) Рискнулъ да и закаялся! Сцены изъ современнаго быта.
- 9) «Тузы» монографія изъ купеческаго быта.
- 10) «Купчиха» фізіологическій очеркъ.
- 11) Изъ огня да въ полымя. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

Цѣна для покупающихъ и подписывающихся заблаговременно по 1 р. с. за выпускъ. Порознь 1-й В.—1 р. с. 2-й В.—1 р. 25 к. с.

Частныя объявленія для напечатанія въ этомъ Сборникѣ, Календарѣ и Христоматіи принимаются по 10 к. за строчку убористаго шрифта и по 20 к. за рекламу. Желаящіе занять цѣлую страницу [платять по соглашенію.

Мы надѣемся, что крупныя торговыя купеческія объявленія, а также объявленія магазиновъ будутъ въ Сборникѣ, Календарѣ и Купеческой христоматіи, какъ нельзя быть болѣе на мѣстѣ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ ред. Сборника «Наше Купечество и Торговля» въ книжной торговлѣ А. и Ф. Ушаковыхъ, на Волхонкѣ, въ д. Михайловой; въ Петербургѣ, въ Книжной Торговлѣ Яковлева, на углу на углу Невскаго и Колокольной улицы, д. Мѣдниковой, Исакова, П. А. Гайдебурова и др. извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Дозволено цензурою, Москва Февраля 1 дня 1866 года.

Naše kupečestvo i trgovlja s ser'eznoj i karikaturnoj storony Sbornik,
izdannyj pod red. Russ. Kupca

Bd.: 2

Moskva (1866)

Merc. 411 x-1/2

urn:nbn:de:bsb:12-bsb10292479-2